
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 3 ЯНВАРЬ 1990

УЧИМСЯ СЧИТАТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (3260)
13 — 20 января

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Урок для арендаторов в кооперативе «Колос». (См. в номере материал «Земля и воля».)
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК

Сдано в набор 22.12.89. Подписано к печати 09.01.90. А 10638. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1671. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО

«Не трогайте колхоза, не зовите на хутора! Дайте председателям технику западного фермера — и они завалят страну продовольствием» — так звучит сегодня отпор земельной реформе.
Корни продовольственного кризиса готовы искать где угодно, лишь бы народ не услышал простое: «У земли нет хозяина, у страны — крестьянина!»
Голодать из-за догм может только тот, кто в эти догмы верит.
У аппарата не получилось. Дайте народу самому накормить себя.

I

Хмурым ноябрьским утром я отвозил в аэропорт человека низшего сорта. «Преходящего и отживающего». Тот считал, что получил госпремию, и решил попользоваться своим лауреатством. Просил влиятельный народ в Ленинграде и Москве оставить ему прежний — понятный и твердый — оброк (он так просто выговаривал это крепостное слово, что конфуза не возникало) и не менять на слоистую систему райфо. За поросший кустарником и кочками надел вместе с речным островом (раскорчевал он под пашню пока только 2 гектара) платить он обязался, по-моему, много: 3383 рубля в год. Как вычислили, интересно? Кругом же все убыточно, какой же мудрец обосновал? Два его помощника, вместе с ним и составляющие весь кооператив «Красная горка», в совхозе соседнем получали бы столько же — тысячи три с половиной на двоих. Значит, «отживающий» и за двоих плати, и еще содержи их так, чтобы с «Красной горки» не скатились?

Если бы молодые Соединенные Штаты, думалось мне за рулем, облагали подобным оброком пионерские фургоны — прерии Среднего Запада поныне кормили бы только стада бизонов, и везти зерно нам было бы неоткуда. А русский Север теперь — тоже агропустыня.

Но «преходящий» отстаивал именно оброк, потому что завррайфо товарищ Жукова перед самой госпремией достигла его скорпионовой бумагой: оброк — не то, надо платить подоходный налог с кооператива плюс налог со строений и земельный налог, плюс налог с транспортных средств, затем подоходный налог с каждого, как обычно, и налог с холостяков. Его сосед, шофер леспромхоза, любит говорить в шутку: «Копи, Борода, обогащайся, лет через пять кулачить тебя придем!» А тот тоже в шутку: «Приходи, у меня на таких и пулеметик уже готов». Однако с правилами товарища Жуковой шофер-комбедовец, глядишь, прождет напрасно: кооператив, не ровен час, самораскулачится...

Выехали мы затемно и шли с Юго-Запада прямиком в Шереметьево-I, аэропорт внутренних, самых неясных дел СССР. Человек третьего сорта был одной со мною нации, почти одних лет, одной, скажем так, веры, но я, как объект коллективности, плановости, начальственного надзора, а значит, ежемесячной зарплаты, был гражданином первосортным, он же, «архангельский мужик», Николай Семеныч Сивков, по прозвищу «Борода», герой недавно премированной картины А. Стреляного и М. Голдовской, зарплаты не получал, коллективности который год чурался, был «недовоспитанным» до коммунистического состояния «человеческим материалом» и, значит, уже с 14 февраля 1919 года положением ВЦИК «О социалистическом землеустройстве» относился к «преходящим и отживающим», ибо вел хозяйство ради своей корысти.

Накануне я ночью читал ксерокопии, полученные у консультанта Верховного Совета,— подслеповатые, но пугающие подлинностью. Дело было, наверное, в дореволюционном шрифте, в беспросветности ночи, невозможности вернуть, переиграть, но в общем-то знакомые, цитированные исходные декреты и законы о земле, собранные в «пакет», вдруг поразили: как же быстро и просто был обманут крестьянин! Обман — не вѐка, а — тысячелетия. И всего в три приема. 26 октября 1917 года — Декрет о земле, концентрат 242 крестьянских наказов, напечатанных в «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» за 65 дней до Октябрьского переворота. Земля обращается во **всенародное достояние.** «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны». (Доклад о земле В. И. Ленина на Втором Всероссийском съезде Советов.)

Не можем обойти? Ой ли. Вот вам: вскоре после «триумфального шествия Советской власти» — закон «О социализации земли». Всенародность достояния — ау, заявлено **пользование,** а распределение уже за органами землеустройства. Еще год — и с 14 февраля 1919 года вся земля, «в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым **государственным фондом».** Ею распоряжаются наркоматы — по-теперешнему ведомства. Значит, народ как бы равен государству, а государство — наркоматам. И никакого мошенства. Лучшими средствами достижения социализма указано считать «крупные советские хозяйства, коммуны... и другие виды товарищеского землепользования», а Сивковы, тогда единственная экономическая реальность, предмет воздействия продотрядов, продармий и их теоретиков Г. Зиновьева, Л. Кагановича, Л. Троцкого, как, впрочем, и Н. Бухарина, и будущего маршала Тухачевского («все промелькнули перед нами, все побывали тут»), были наречены «преходящими и отживающими». В ожидании мирового революционного пожара провоцировались и потóм кровью тушились крестьянские пожары внутренней географии — в Вёшках или в Тамбове, в Семиречье, по всей, считай, Украине, «бородач» стал иным названием повстанца, пока вспышка в Кронштадте не прервала опытничество... Сколько лет с «незабываемого 1919-го» до года «великого перелома» — десять? А основа уже заложена, угли под пеплом готовые, и товарищ Сталин именно огосударствление земли объявит залогом быстроты своей коллективизации. Это там, на Западе, есть частная собственность крестьян на землю, и поэтому Энгельс «преувеличенно осмотрителен» касательно «перехода к товариществу». А «так как у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству», то это облегчает «дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизма». Проговорился и как бы поблагодарил...

Цитатами, конечно, я пассажира не мучил, рассуждал в общих чертах, но и общая черная бывальщина Сивкову была, видимо, неинтересна. Сам на фронте — что ему россказни о том, когда началось да кто затеял? Главное на войне — уцелеть. Сивков — тактик, вон как ловко, например, схватил восемь тысяч банковского кредита «под французов»! Французское телевидение, добравшись к нему, спрашивает: «В банк обращаешься? А ну, фермер, пошли в банк». Взять бы хорошо, да от бумаг очумеешь: проект дома не утвердил, в титул не внесен... «Дадите краткосрочный? Для съемки».— «Ты что, Николай Семенович, тут оформления на месяц».— «Тогда я рву все бланки перед камерой! И отвечайте потом на письма французских телезрителей». Сдрейфили, звонят куда надо, а там иностранцев еще боятся, глухомань все-таки — вон медведь две телки за-

драл... «Постой, товарищ Сивков, не заводись, давай к окошку». Сняли французы, как пачки в мешок кладу, ну, а вернуть вернем, ничего...

Сивков бодр, кругловат, сутуловат, говорлив и в целом прекрасно воспитан: откровенен, душой боевит и весел, о других слова худого не говорит, о себе, кажется, больше всего боится услышать, что жаден, накопитель, откладывает, мол. Согласен со мной, что деньгу пустотелую, фальшивую копить глупо, да он, кажется, от соблазна избавлен: нечего копить, удержаться бы на плаву. Двое его компаньонов в кооператив не крепко верят, каждую неделю плати им наличными, а все нажитое — пять тракторов разных, пикап, из прицепного что — это Сивкова частное достояние, ни в каком совместном владении не состоит. Раскорчевывать надо — ольха в деревни пришла, рыбоводством заняться охота, коров бы своих добавить, настоящих, удойных, а то совхозных рахитов поднимать — одна трата ко́рма. Спасибо, обязали конторский люд заниматься подсобным хозяйством, а какой из аппаратчиков хозяин? Бегут, просят: «У тебя база, выручай, беда». Ничего, в иных дворах вареным мясом запахло, а то ведь сахар-мыло — по талонам, печенье-сухари — по списку, чай-водка — тоже так не возьмешь. Что ж служилому контингенту от полной победы над крестьянством? Медведи вон завелись при развитом-то социализме.

Психология у Сивкова та же, что и у верхнего нашего горизонта: не дай бог залезть в долги! Кредиты Сивкову — нож острый («французские» тысячи не в счет). Его генеральная греющая идея — не разбогатеть, не обстроиться даже, а от сегодняшних своих 58 до смертного часа успеть восстановить на Красной горке де-рев-ню, социум, сожитие четырех-пяти семейств, которые жили бы приязненно, с пониманием, сообща. Идея некоторой коммуны, **мира** единоличнику Сивкову не только не чужда, не просто привлекательна, но составляет суть его вдохновения, стержень идеализма. Иначе зачем? Деньги? Да он и в пароходстве (Сивков — речной капитан) мог их иметь. Свобода хозяина, как хочу, так ворочу? Так и это только средство, вроде как инструмент, а зачем, для какого изделия? Пожалуй, для уважительной и общественной жизни самостоятельных и полноправных людей. Минутку, но совместно-то и колхоз жил? Ну-у, то — лагерь, Соловки на дому, он и разбежался...

Наверное, не всякий, а? Соловки-то — не всякий же! Скажи Николай Семеныч, что не всякий, за иные колхозы и нормально-корыстный, трезво-идеалистичный, расчетливый и свободный сельский житель постоит горой — и слава богу, пускай стоит. Толкач муку́ покажет, рынок все расставит по местам. Лишь бы свободно — с землею! — выйти и свободно — если выгодно! — вернуться назад. Всего делов, он — всемирно-исторический сдвиг.

...Съездил, считай, даром: академик Тихонов в Японии, писатель Стреляный, кажется, в ФРГ, разъездились. Знатность обязывает: никаких торб с мокрой колбасой он не вез. Может, единственный из авиапассажиров эпохи перестройки не вез из столицы на Север ни грамма съестного! Наверное, позиция: мешочники — жертвы режима, а он уже свободен. Даже вон премию заработал, кажется, десять тысяч. Другим, правда, но ничего.

Многозначительно — напоследок:

— Ну так вы смотрите там!

II

Двадцать восьмого ноября 1989 года в половине одиннадцатого утра в Малом зале дома Верховного Совета в Кремле двое пожилых и не слишком стройных мужчин, обнявшись, подпрыгивали и топали в такт. Музыки не было, па-де-де шло под речитатив «ус-пе-ли, ус-пе-ли», а вокруг кто более или менее широко улыбался, кто раздраженно хмыкал. В одном из пляшущих узнавался академик А. А. Никонов, о другом из скромности умолчим. Отмечалось принятие в первом чтении Основ законодательства о земле. Вчера основы висели на паутинке: если б не успели уломать оппозицию, если бы не Вепрев, Айдак, Райг, Емельянов, Никонов, один совхозный директор, если бы среди аргументов не прозвучал с трибуны такой, что товарищ Сталин слушает сейчас волынщиков-уклонистов и кивает одобрительно — «хорошие ученики, умно работают товарищи», если бы этим вот утром не пришли с «автономцами» к общему знаменателю — паутинка легко б оборвалась, и колхозно-совхозный статус-кво царил бы весь девяностый год!

Ключевыми словами закона стали: «земля — народное достояние», «землевладелец» (как странно выглядит рядом с «гражданин СССР»!), «пожизненное наследуемое владение землей». Из двух государств на Земле, где вся земля огосударствлена (СССР и Монголия), останется, надо думать, одно. И как отражает время, шаткий баланс сил полное отсутствие в документе термина «собственность»! Черного-белого не называть, да-нет не говорить, объясняться эвфемизмами... Правда, вдосыл, как вариант, комитет экологов пробил свое изложение статьи 5: семья и у нас должна, дескать, покупать землю под дом на правах частной собственности. Но это уже не канонический текст...

«Когда б вы знали, из какого сора...» Из какой словесной лузги, строченой половы, годной на одобрение хоть Черненко, хоть Леониду Ильичу, был изготовлен смышленым кадром исходный, еще летний вариант Закона о земле! По-своему и он был умным, тот вариант, удовлетворял социальному заказу — и телодвижения произвести, и ничего с мест не стронуть. Из 931 депутата, представленного в Комиссиях и Комитетах Верховного Совета,— 65 председателей колхозов и директоров совхозов. К ним примыкает 41 человек сельского «среднего звена» — заведующие фермами, управляющие отделениями... Лично знаю и арендатора одного: молодой малый, получил от председателя приказ сосватать на съезде застройщика себе на лиман, чтоб вышел пансионат на паях. Ради интереса вместе ловили в «лобби» съезда богатых северян... Когда украинскую песню в Кремлевском дворце с устатка и печали запели — тоже был выказан уровень; когда про резиновые сапоги и про грязь — тоже как бы правда-матка от сохи. Кухарка, управляющая государством,— это или выделанная жизненной школой, университетами кухарка, или сущая тому государству беда; горизонта мысли тех крестьянских наказов из лета 1917 года, чей проект не одолели даже дипломированные юристы-большевики, ожидать от нее отнюдь не приходится. Сама работа над законом как бы ставила тревожащий вопрос: «Стой, а чья она в самом деле, земля в СССР?» А зычное — «делом надо заниматься, шифер-гвозди добывать!» — возвращало вещи на свои места. Чья надо, того и есть. Пусть компетентные занимаются делом.

— Крестьянин... Где вы видели в СССР крестьянина? Кто ту землю возьмет?

Откровенное недоумение академика Абалкина разделяется, кажется, не всеми. Раскрестьянивание — было, но сплыло. Председатель передового колхоза — вот крестьянин сегодня! Директор совхоза — вот кто подхватит Серп в символичной скульптурной группе у ВДНХ! Крестьянин с дипломом при галстуке, ездивший и в Чехословакию, и в ГДР, где так все довольны крупным масштабом хозяйств, с зарплатой в 600—1000 рублей, член бюро и исполкома,— вот наш землепашец сегодня!

Правовое государство — ладно, но в МОЕМ колхозе уже длится золотой век, и руки прочь от МОЕГО удела!

Не усредняя и ничего не смешивая, твердо помня, что под одну гребенку не стригут, что в иных областях поныне председателей возят в хозяйства силком, зная, что эта должность дала великомученикам хозяйственного возрождения, восставшие против диктатуры карались и тюрьмой, и смертью, учитывая, что именно в тоненьком слое из 48 тысяч (26 тысяч — председатели, остальное — директора) сконцентрировалось «чувство хозяина», согнанное в них из миллионов пашущих и молотящих, что в корпус этот отобраны и глазастые-головастые, и наиболее командно-способные (способные и принимать, и отдавать команду), селектированы районным-областным аппаратом и вживлены в село для стационарного осуществления продразверстки как в хлебосдаточном, так и в производительном разрезе, памятуя о небывалой в одной персоне концентрации власти над крестьянином, власти над его домом, заработком, расходом, над его скотом, «жигулем» (в смысле приобретения), даже над будущим детей, наблюдая за сельской командной структурой со времени сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, когда и начался распад тоталитарной колхозной системы, я настаиваю только на двух моментах:

а) там, где владеющий землей, распоряжающийся урожаем и сидящий за тракторным рулем един в трех лицах, добились за XX век не в пример большего и лучшего, чем там, где этой коллективизации нет;

б) крестьянина и управляющего казенным имением в 6 тысяч усредненных гектаров все-таки путать не надо. Управители и прежде встречались передовые и даровитые. Агроном А. А. Измаильский, служа у Кочубеев, вошел в классики книгой «Как высохла наша степь», или писателя Эртеля взять... Дело свое знали, но в мужиков не рядились, не было нужды в политическом маскараде. Нынешний колхоз — в той же мере добровольный кооператив, как его председатель — вольный хлебопашец.

Замещая крестьянина, твердокаменный «военный коммунист» отстаивает главное: «Так жить еще можно, так жить и нужно, жить можно только так». Доказательством обычно служат цифры его хозяйства. Общее состояние не берется в расчет. Правило «богатому и черт люльку качает» к объяснению своего успеха обычно не прилагают, а в намеренное создание колхозов-поводырей стараются не верить. И в 1942 году, когда немец пил из Волги, на самом севере, у Баренцева моря, наши не отступили. Похоже, что с точки зрения блиндажей Рыбачьего сегодня нам говорят: «Пустяки, противник далеко не продвинется».

— Неправда, что принудительный труд при всех обстоятельствах и при всех условиях непроизводителен. Весь вопрос в классовом содержании принуждения: кто, кого и для чего принуждает. Психологическая задача состоит в том, чтобы трудящийся был не только внешне, но и внутренне втянут в процесс труда, то есть так или иначе заинтересован в нем.

Верно, сейчас так напрямую не выражаются (взято из речи теоретика трудармий Л. Троцкого на IX съезде партии), но смысл «внутреннего втягивания» и «заинтересованности» жив, действует! Как?

Твердокаменному цифрой ты ничего не докажешь, и все-таки: **можно ли так дальше?**

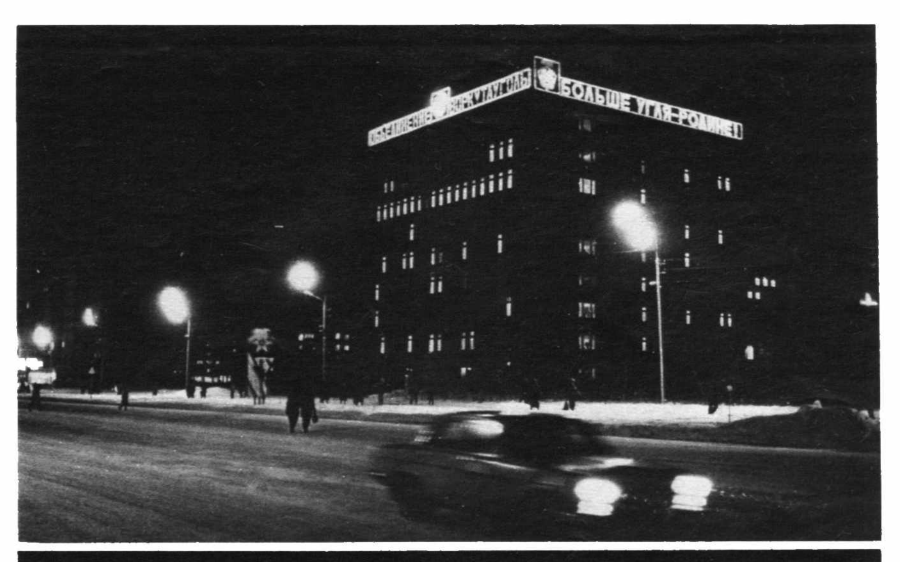
К началу прошлого года 16 тысяч хозяйств из 48 тысяч, ровно треть, высказали себя финансовыми мертвецами: их общий убыток — 5,5 миллиарда рублей. Почти 11,6 тысячи колхозов и свыше 5 тысяч совхозов полностью утратили оборотные средства и имели неликвидный баланс в 22 миллиарда, дыша только за счет инъекций банка — это при том, что платят «хозяйствам из морга» до рубля за литр молока. Гальванизация хозяйственной идеологии — чем, инфляцией, эмиссией? Только за прошлый год почти четверть **триллиона** рублей кредита было отдано колхозно-совхозной неработающей машине — и все равно у предприятий приснопамятного госагропрома ко времени первого Съезда народных депутатов недоставало собственных оборотных средств в размере 51 миллиарда. В прошлом году около тысячи предприятий были объявлены в печати неплатежеспособными, банкротами — фактически же банкротство денежное постигло всю систему не кормящего страну, живого физиологическим раствором продимпорта принудительного сельского хозяйства. Поэтому — «оставь нам долги наши» в размере 73 миллиардов. Это — часть объяснения, почему бюджет не вылечат ни Абалкин, ни Кашпировский, пока в стране такой агрофон.

Единственная пустыня в Европе, Калмыцкая, растет ныне на 5 гектаров в час, уже составляет 1,2 миллиона гектаров — больше пашни солидной европейской страны. С поры, как принудсистема пошла кое-как демонтироваться, с 1959 года за тридцать лет подушный пашенный надел в СССР сократился на 31 сотку — пять желанных «дач» с хорошей, как правило, землей потерял каждый, каждый! Площадь сельхозугодий в Нечерноземье сократилась за тридцать лет на 14,2 миллиона гектаров, в этой ЗОНЕ (как точно, не боясь звучания, называем мы этот агрорегион!) умерщвлено 139 064 деревни. А из оставшихся 155 985 — 6376, считай, мертвые, с одной-двумя ветхими старушками. Как и в числе колхозов, в миллионах гектаров пашни среди действующих значатся мертвецы: около 20 миллионов гектаров эродированы, засолены, а 6,5 миллиона — затоплены. Сколь-нибудь продолжительное время такой темп природоумирания страна уже не выдержит. На такую повсеместную и долговременную месть национальной колыбели и питающей ойкумене никакой Чингисхан или Гитлер способны не были. Если при столыпинской реформе вектор сил указывал на ковыли за Уралом, переселение шло на целину, то новая агрореформа, несомненно, будет устремлена в искусственно опустыненную Зону вокруг древнейших великорусских городов. Это к вопросу, **нужно ли так жить.**

И насчет того, чтобы **«только так»**. За 15 лет с 1970 года зерновой урожай Нидерландов вырос на 32,6 центнера и достиг 69,8 центнера по стране, в Южной Корее — соответственно 20,3 и 39,2, в Албании — 12,8 и 27,5, в Китае — 16,2 и 35,7, во Франции — 23 и 56,7... Мир богатеет, верней — его обогащает пашущий. Единственная наша страна, где урожай практически **не вырос** (0,6 центнера прибавки за 15 лет), страна с урожаем средневекового типа — около ста пудов — родина огосударствления земли. И в этом, еще не обсчитанном году дела идут **не лучше,** а **хуже,** хуже прежнего: громадная недозаготовка зерна, пять республик снизили производство мяса, девять — яиц, меньше закуплено овощей... Зато импорт как выход, как спасательный плот все притягательней, он не то что продолжается, а превращается в главный способ отгона голода. Если считать скупку продовольствия на морских дорогах, искусственное удорожание продовольствия для бедных государств, явлением для обеспеченной пашней и машинами страны негативным, позорящим ее, то после Афганистана, Чернобыля, после выхода из гонки вооружений ничто так конфузно, как продимпорт, не роняет престиж СССР.

А поворот валюты «внутрь», в колхозы-совхозы? Акция больших надежд лишний раз доказала, как важен социальный климат, как он уродует и губит любой дельный замысел. Где нет рынка вообще, там нет и валютного рынка. Ибо если Внешторг назначает цену, спускает ее в низы, то торговли как свободного выбора нет, а если при этом колхозу в силу его специфики выгодней раздать хлеб своим **натурой,** если председателю можно избавиться от фуражной нехватки отказом от пугающей, неведомой валюты — толку не будет.

Окончание см. на стр. 20.

ШАХТА

Забастовка закончилась. Что дальше?

На вопросы «Огонька» отвечает механик участка машин шахты «Центральная», сопредседатель Воркутинского городского рабочего (стачечного) комитета Валентин КОПАСОВ.

— Валентин Казимирович, мы встречаемся с вами после того, как соглашение с правительством достигнуто, вступило в силу, забастовка прекращена. Есть возможность разговаривать в более спокойной обстановке. Каков, на ваш взгляд, главный итог стачки?

— Я считаю, что прошедшая забастовка прежде всего показала шахтерам, да и не только им, подлинное отношение командно-административного аппарата к тому, что происходит в стране. Наша забастовка не была случайностью и тем более происками каких-то экстремистов: к концу октября были опробованы все разумные меры, все предупреждения, все обращения к правительству. Нас не захотели услышать, поэтому шахтеры были вынуждены воздействовать на систему методами, которые, на их взгляд, были наиболее эффективными.

Я повторяю: забастовка назревала, все это видели, но ничего не предпринимали, чтобы предотвратить ее.

— Что надо было для этого предпринять?

— Прислать в Воркуту компетентную комиссию, способную разобраться, почему не выполняются наши летние договоренности с правительством. Я имею в виду 608-е постановление Совмина.

— Но разве уже после июля у вас мало было высоких московских комиссий?

— Да, приезжал замминистра, приезжал председатель ЦК профсоюза... Но дальше констатации факта — 608-е постановление выполняется не так, как надо,— дело не шло. Никаких самостоятельных решений эти комиссии не принимали и никаких гарантий не давали. Да и смешно было бы от них этого требовать.

— То есть вы ожидали приезда в Воркуту лично Горбачева или «по крайней мере» Рыжкова?

— Необязательно. Любого лица, способного принимать решения. Или хотя бы рискнувшего связаться с теми, кто способен,— телефонная связь с Москвой, слава богу, у нас работает нормально... А нас, повторяю, бесконечными проволочками к забастовке прямо подталкивали.

— Значит, шахтеры на месяц с лишним вышли из забоев, чтобы просто привлечь к себе внимание?

— Нет, конечно, не «просто». Но ведь забастовку мы начинали совсем не так, как преподносят средства массовой информации. Мы выдвигали конкретные пять пунктов, и по ним, как впоследствии выяснилось, вполне можно было найти компромисс безо всякой забастовки или хотя бы на самом раннем ее этапе.

— Валентин Казимирович, смущает то, как менялся пакет ваших требований в ходе забастовки, как появлялись в них все новые и новые пункты... Причем даже в процессе переговоров с правительством.

— Не согласен. Требования оставались неизменными. Напомню. Это отмена «крепостного права»: мы настаивали на том, чтобы северные надбавки не «сгорали» при переходе работника на другое предприятие. Это отмена дисциплинарного устава угольной промышленности, конституировавшего произвол администрации. Это наказание виновных в саботаже 608-го постановления. Легализация рабочих (стачечных) комитетов. Решение вопроса «о юношах и девушках» — то есть чтобы надбавки уроженцам Севера платились сразу с начала трудовой деятельности, а не зарабатывались, как теми, кто на Север только приехал. Мы сразу заявили, что как только увидим, что эти пять вопросов действительно **решаются**, мы приостановим забастовку. И больше никаких требований не выдвигали. Разве что предпринимали ответные шаги на действия против нас.

— Но вы ничего не говорите о требованиях политических.

— Да, мы выдвигали и политические требования общедемократического характера. Но не имели в виду, что их должны немедленно **выполнить**, а, мол, в противном случае будем бастовать бесконечно. Нет. Мы просили лишь **рассмотреть** наши требования, а это, согласитесь, все-таки нечто иное. Мы не собирались диктовать Съезду, какое решение он должен принять, но нам было важно, чтобы депутаты знали, чего мы, шахтеры Воркуты, хотим, что поддерживаем. Думаю также, что все наши требования вполне разумны, ничего экстремистского в них нет.

— То есть, если возвращаться к «пяти пунктам», вы считаете: будь они приняты к обсуждению немедленно, так же немедленно была бы прекращена и забастовка?

— Да. Если бы не было массы неприятных нюансов. Я уже говорил, что не могу отделаться от впечатления, что кому-то очень не хотелось, чтобы мы пришли к соглашению мирными средствами. От нас, рабочих, требовали взвешенности в словах и поступках, но разве мы не вправе требовать того же от своих оппонентов? Когда нам постоянно намекали на возможность расправы над разворачивающимся рабочим движением, более того, звучали даже слова о возможности применения войск, о введении чрезвычайного положения...

— Это кто же так вас пугал?

— Например, по Воркутинскому радио такие идеи звучали, правда, выраженные в форме вопроса: а что если войска введут? Но неужели кто-то не понимает, как шахтеры на это отреагируют, на такие вещи?

Или выступает по Центральному телевидению вроде бы ответственный руководитель и докладывает всей стране, что 608-е постановление выполняется чуть ли не с опережением графика, все наши претензии беспочвенны, а тех, кто за его выполнение отвечает, надо не наказывать, а к орденам представлять. Как мы «взвешенно» могли реагировать на это?

Или суды, признавшие нашу забастовку «незаконной»...

— Но ведь суд действовал именно в рамках Закона, только что принятого Верховным Советом...

— Я считаю, что суды и подхлестнули события. Шахтеры так и говорят: если б не они, мы бы из забастовки вышли куда раньше, организованно и без каких-либо дополнительных претензий к правительству. И произошло бы это, как я говорил, максимум 17—18 ноября, с началом переговоров в Москве. Но кому-то понадобилось именно 17-го провести этот суд, так возмутивший шахтеров и осложнивший переговоры.

— А вы не допускаете, что здесь элементарное совпадение?

— Все «совпадения» работали исключительно на разжигание забастовки, а не на прекращение ее.

— Еще такой вопрос. Нарастала эскалация даже не требований — вотумов недоверия, которые забастовщики вынесли уже, кажется, всем, кому могли и не могли... Начальникам участков, секретарям парткомов, директорам шахт, исполкому, горкому, обкому... И когда наконец мы узнали, что «Воргашорская» потребовала отставки правительства...

— Да. Я сам тогда сказал, что, наверное, их следующим шагом будет вотум недоверия Маргарет Тэтчер...

— Валентин Казимирович, высказывается такая точка зрения, будто вашей забастовкой воспользовались некие деструктивные силы. Звучат, например, упреки в адрес так называемых «левых» — некоторых народных депутатов, активистов народных фронтов, кооператоров, которые часто приезжали в Воркуту выступать перед бастующими...

— Я считаю, что нашей забастовкой воспользовались как «левые», так и «правые». Одни с бóльшим успехом, другие с меньшим. На забастовке пытались погреть руки многие. Что ж, это тоже входит в число уроков, о которых вы говорите.

Думаю, нам надо всегда помнить, что забастовка — крайнее средство и прибегать к нему надо очень осторожно. И уж, конечно, ни в коем случае не нанося стране такого экономического урона, какой был нанесен нашей забастовкой. Хотя я считаю, что во многом нас просто вынудили пойти на эту акцию.

— Но вам не кажется очень опасной эта заряженность на забастовку, это желание добиваться именно забастовками решения всех вопросов?

— Я думаю, что рабочий класс путем своей политизации и организации может добиться того, чего хочет, и более разумными методами. Дело в том, что самая большая опасность, которая нас сейчас подстерегает, это опасность поддаться влиянию популистов, которые играют на эмоциях, все отвергают, все критикуют и призывают, пусть чаще всего и не прямо, к насилию. Это самый опасный путь, на который нас подталкивают.

У нас в Воркуте тоже есть такие, кто, добившись благорасположения митинга, требует вещи по здравому рассуждению невыполнимые или в лучшем случае трудновыполнимые. Например, давайте региональный хозрасчет введем немедленно, завтра! Или немедленно повысим всем пенсионерам пенсию до 200—250 рублей! И, конечно, все «за», а он герой...

— Простите, а реформа северных надбавок, за которую вы боретесь,— это требование (если, конечно, его распространить не только на шахтеров, а на всех северян, что единственно справедливо) сейчас реально?

— На сегодня не совсем реально, и мы это прекрасно понимаем. Но люди хотят услышать конкретный и обоснованный срок: сколько нам ждать — два, три года, пять лет?

— И вы поверите?

— Да. Но люди, повторяю, хотят конкретности. От «обещаний вообще» они устали. И те же популисты на этом играют, завоевывают народ, и куда они потом народ повернут — неизвестно. Не дай бог, чтобы рабочее движение попало под влияние очередной сильной личности. Тогда опять «Даешь диктатуру пролетариата!», «Долой кооператоров, нэпманов!..». А все это уже было. Поэтому очень важно, чтобы во главе движения оказывались люди с трезвой головою.

— Но не кажется ли вам, что в разгоряченной обстановке митингов, забастовок, судов именно трезвые головы с их трезвыми подходами популярностью пользоваться не будут? Наоборот, на них очень легко будет навесить ярлык, скажем, предателя интересов рабочего класса.

— Да, и это уже делается. Но я вам скажу, что ярлык можно повесить только перед людьми политически не просвещенными. Нам жизненно важна политическая культура, и мы ее сейчас, кажется, приобретаем.

— Валентин Казимирович, вы подчеркиваете: именно рабочее движение, а не, скажем, движение трудящихся? Я правильно вас понял?

— Да. Другой силы, способной повернуть страну к переменам, кроме рабочего класса, в обществе нет. Еще армия. Только если рабочий класс стремится к переменам сам, то армию кто-то хочет использовать.

— Об армии, пожалуй, говорить не будем. А по поводу рабочих... Нет ли здесь зерна очередного противопоставления различных частей общества по классовому признаку?

— Ни в коем случае! Противопоставлять рабочих и интеллигенцию, рабочих и кооператоров, рабочих и ученых в наших условиях преступно. Мы уже знаем, куда это может привести. Я имею в виду только то, что на данный момент рабочие — наиболее социально не защищенная часть общества, причем готовая потребовать решительных перемен и имеющая силу для того, чтобы с их мнением посчитались.

— Но не получится ли, как уже в истории бывало, что, прикрываясь «интересами класса», будет творить свою волю небольшая группа нахрапистых и более чем другие политически развитых субъектов сомнительных моральных достоинств?

— Такая опасность есть. Я и сейчас вижу много таких людей, действующих с нажимом, с напором, играя на эмоциях людей и потихоньку выгадывая себе хорошие посты, звания, льготы. Но такие бывают во всех движениях, к этому относиться надо как к реальности. И к таким уже сейчас (во всяком случае, в Воркуте) вырабатывается резко отрицательное отношение. За эти полгода мы многому научились, в том числе и лучше разбираться в людях. И сейчас все меньшее значение имеет то, громкий ли у тебя голос, или тихий.

Беседу вел П. ГУТИОНТОВ.

Воркута, декабрь 1989 года.

■

Приводим выдержку из доклада начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерала армии А. Д. Лизичева на Всеармейском офицерском собрании («Красная звезда» от 8 декабря 1989 г.):

«В Киевском военном округе, к примеру, широко известен опыт совместной работы командира мотострелкового полка подполковника Фоменко Н. М., заместителя по политчасти подполковника Белопольского А. У., парткома во главе с майором Ивановым В. Ф. и полкового офицерского собрания. Здесь три года нет происшествий и преступлений, из года в год полк получает твердые хорошие оценки на итоговых проверках. Ни один офицер полка не подал рапорт об увольнении из Вооруженных Сил. Из практики изжиты утомительные и бесплодные совещания. Они проводятся один раз в неделю, причем их продолжительность не более 15 минут. Решен здесь вопрос и упорядочения рабочего дня офицера. Искренней заботой об офицерских семьях проникнута практика предоставления отпусков офицерам, имеющим детей школьного возраста, преимущественно в летнее время. Не все, конечно, вопросы решены и здесь — 39 семей офицеров вынуждены жить на частных квартирах. Но молодым офицерам их не надо искать. Эти обязанности берет на себя служба тыла полка, обеспечивая при этом умеренную плату».

Нам, офицерам и прапорщикам полка, которым командует подполковник Н. М. Фоменко, хочется спросить: из каких источников черпались сведения о нашей части?

Да, трупов у нас нет, но происшествия и преступления в достаточном количестве; они умело скрываются командованием полка. Есть и воровство имущества со складов «НЗ» в довольно крупных размерах, и хищение боеприпасов и военного снаряжения (бронежилетов), и зверское избиение дежурного по батальону сержанта Лукащука рядовым Соболевым. Это, конечно, далеко не полный перечень.

За этот год в полку уволены из рядов Вооруженных Сил ст. лейтенант Пащенко С. И., лейтенант Бородачев О. Н., ст. лейтенант Шваб А. И. Всем известен случай массового написания рапортов об увольнении молодыми офицерами. Среди них лейтенант Маленко, старшие лейтенанты Арапов, Борчанинов, Андруник и другие. Но рапортам ход дан не был.

Совещания проводятся регулярно, практически ежедневно и с продолжительностью далеко не 15 минут. Если работу продолжительностью 12—14 часов считать нормированным рабочим днем, то в этом вопросе у нас «порядок».

Жилищный вопрос в части стоит очень остро. Распределение происходит явно несправедливо. Пример тому — получение квартиры замполитом полка подполковником Белопольским А. У. без решения жилищной комиссии. Решения жилищной комиссии зачастую корректируются командованием части. Мы не знаем офицеров, да таких и нет у нас, которым бы служба тыла нашла квартиру, «обеспечивая при этом умеренную плату».

И в заключение хочется сказать: не будет у нас в Вооруженных Силах каких-либо изменений к лучшему, пока такие, ласкающие слух речи будут произноситься с высоких трибун армейским руководством самого высокого ранга.

Капитаны Ю. ВАСИЛЬЕВ, П. СЕРЕДЮК, А. СЫЛКА, Э. ЮЛДАШЕВ, А. РАТУШНЫЙ, С. ВАСИЛЬЕВ, С. МИЛЮКОВ,
старшие лейтенанты
С. ВАСИЛЬЕВ, А. КОТЕНКО,
старшие прапорщики С. ДОВБИК, Н. БЛИНЦОВ и другие офицеры мотострелкового полка
Черкасская область

■

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина — старейшее архивное учреждение страны, в котором сохраняются уникальные памятники письменности IX—XX вв., в том числе богатейшая рукописная коллекция графа Н. П. Румянцева, десятки тысяч книг на старославянском и древнерусском языках, арабские, персидские, турецкие, китайские, японские, индийские рукописи, собрание западноевропейских рукописных книг, архивы М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. А. Булгакова. В настоящее время отдел находится в катастрофическом положении.

В связи с общей реконструкцией библиотеки по приказу директора с июля 1988 года отдел рукописей, 130 лет располагавшийся в помещении знаменитого Пашкова дома, начал срочно перемещаться в другие помещения библиотеки. Сейчас, как показали исследования специалистов — химиков и биологов, большая и ценная часть фондов сосредоточена в не приспособленном, вредном для хранения рукописных материалов помещении. Перепады температуры, несоответствие влажностного режима, отсутствие вентиляции, нарушение гидроизоляции стен — все это провоцирует начало необратимых процессов в рукописях, которые неизбежно приведут к гибели фондов. К тому же сохранности рукописей уже был причинен серьезный ущерб из-за плохой организации переезда.

Выдворенный рукописный фонд находится в опасности, а в бывшем помещении отдела рукописей — доме Пашкова проводятся реставрационные работы для размещения там Музея книги. Не является ли в подобных условиях создание Музея книги непозволительной роскошью?!

Считаем необходимым вернуть фонды отдела рукописей в свое прежнее помещение, реставрация которого по планам должна закончиться в 1991 году. На наш взгляд, нужно срочно пересмотреть планы реставрации ГБЛ, с тем чтобы в первую очередь закончить работы в Пашковом доме и оборудовать его для хранения рукописных материалов.

Обеспечение сохранности бесценных рукописных сокровищ — задача государственная, решение которой нельзя предоставлять самой ГБЛ. Вопрос требует экстренного, безотлагательного решения, и весь ход работ в Пашковом доме должен быть взят под контроль правительства.

Д. ЛИХАЧЕВ, Б. ОЛЕЙНИК, Б. ЕЛЬЦИН, А. ЕМЕЛЬЯНОВ, А. КАРПОВ,
народные депутаты СССР
(всего 55 подписей)

■

Высылаем объявление, сделанное распространителем периодической печати в нашем институте «Севкавгипропищепром»:

«Имеется подписка на 1990 год на приложение к журналу «Огонек» в неограниченном количестве на следующих условиях:

1. В. Скотт (стоимость 21 руб. 70 коп.) — за 9 комплектов квартальной подписки (на первый квартал) на газету «Правда»;
2. Ахматова (стоимость 4 руб. 30 коп.) — за 2 комплекта квартальной подписки на «Правду»;
3. Чуковский (стоимость 5 руб. 60 коп.) — за 3 комплекта;
4. Мережковский (стоимость 14 руб. 50 коп.) — за 6 комплектов;
5. Набоков (стоимость 12 руб. 80 коп.) — за 5 комплектов;
6. Вересаев (стоимость 12 руб. 20 коп.) — за 5 комплектов.

Всего — стоимость 71 руб. 10 копеек за 30 комплектов квартальной подписки на «Правду».

Конечно, подписавшихся оказалось много. По сравнению с «черным» рынком нагрузка не так уж велика. Но разве это не издевательство по отношению к нам, подписчикам, и не кощунство по отношению к «Правде»?

При установившейся в нашей «Союзпечати» системе круговой поруки нам трудно выяснить, кто инициатор такой «светлой» идеи — Ленинский райком КПСС или горком партии Краснодара.

Без лишних комментариев ясно, что такое откровенное очковтирательство подрывает не только авторитет газеты, но и основы перестройки. Такой способ увеличения подписки компрометирует честь и достоинство партийной газеты.

Л. ШЛЫКОВА, Е. КОЗЮРА, М. ДАВИД-ОГЛЫ, Н. ПОЛЯКОВА и другие сотрудники института «Севкавгипропищепром»
Краснодар

■

Чаще всего в жизни случается так, что ребенка-инвалида растит одна мать, в трудный момент мужчины умеют найти объективные причины, чтобы покинуть семью. Вот и я одна ращу двух дочерей, младшей шесть лет, инвалид с нарушением опорно-двигательного аппарата. Что и говорить, хлебнуть пришлось много.

Главная проблема связана с трудоустройством, не каждая мать может сидеть дома без зарплаты. Теоретически устроиться не трудно: есть надомная работа, есть кооперативы, работа на предприятии с неполной неделей или неполным рабочим днем. Но на практике это невозможно. Хотя я считаю, что государству выгоднее нам доплачивать за неполный день, чем содержать больного ребенка в интернате (интернат обходится в 250—300 рублей ежемесячно).

Возьмите бытовое обслуживание. Без очереди могут покупать лишь многодетные матери. Детские магазины для них, заказы к праздникам тоже им. Я не против помощи многодетным матерям, но о детях-инвалидах тоже нужно помнить, они и так многим обделены. Пыталась обращаться к местным властям. В исполкоме ответили, что к праздникам даже не все работники исполкома обеспечиваются заказами, а я тут с инвалидами...

Кино, театр, музей — тоже не для них, потому как невыгодно нашим предприятиям делать инвалидные коляски. Кто и когда рискнет начать выпуск индивидуальных реабилитационных устройств и тренажеров для больных детей? Сейчас детям-инвалидам позволено платить за билет полцены. Взрослые инвалиды первой группы отвоевали себе право на сопровождающего с оплатой 50 процентов стоимости билета. Мы же, сопровождая детей, которых несем на руках, платим полностью.

Недавно принято решение об увеличении пенсии таким детям до 70 рублей. Это большая помощь. Самое главное, общество должно признать: если мать ребенка-инвалида не работает, труд по уходу за ним надо считать общественно полезным. Я хорошо знаю, как перебиваются женщины, жизнь так быстро дорожает. Уменьшить подоходный налог, квартплату, дать кредит, да мало ли еще чего доброго может сделать наше государство. Если государство не захочет нам помочь, тогда кто же?

Е. КОСТЮКОВА,
бывший инженер-электронщик
Одинцово Московской области

■

В позорной травле журнала «Октябрь», начало которой было положено «письмом трех» — Антонова, Клыкова, Шафаревича («Литературная Россия») и кульминацией которой стал беспрецедентный по злобности и шовинистической направленности VI пленум правления СП РСФСР, воедино сливаются два разных обвинения по адресу «Октября». Касаются они публикации Абрама Терца (псевдоним Андрея Синявского), то есть фрагментов его «русофобского» произведения «Прогулки с Пушкиным», и самого факта предоставления страниц журнала А. Синявскому, как сказано в «письме трех», «печатно» заявившему, что «Россия — сука». Поскольку последнее обвинение высказывается без ссылки на источник, то у читателей, незнакомых с произведениями А. Синявского (а таких, видимо, большинство), складывается впечатление, что слова «Россия — сука» взяты из «Прогулок с Пушкиным». Более того, у многих могло возникнуть ощущение, что эти слова напечатаны в «Октябре». Это подтверждается выступлением по ленинградскому телевидению С. А. Воронина в передаче «Прошу слова».

Такое слияние двух обвинений придает всей кампании против «Октября» откровенно клеветнический характер.

Считаю необходимым сообщить, что слова «Россия — сука» не напечатаны в «Октябре» и взяты авторами «письма трех» не из «Прогулок с Пушкиным», а из статьи А. Синявского «Литературный процесс в России», опубликованной в 1974 году за границей в первом номере журнала «Континент». Думаю, что эти слова намеренно вырваны из контекста, чтобы неверно ориентировать читателя и вызвать у него шок. Неда-

ГЛАСНОСТЬ ПО-ГЕНЕРАЛЬСКИ ●
КТО СПАСЕТ РУКОПИСНЫЕ СОКРОВИЩА? ●
«ПРАВДА»... В НАГРУЗКУ К В. СКОТТУ ●

ром В. Крупин в своем выступлении на VI пленуме правления СП РСФСР восклицает: «Но Синявский так высказался о России, что я никогда не смогу повторить. И мы это терпим!»

Полная фраза, включающая указанные слова о России, такая: «Россия — Мать, Россия — Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку, с позором — дитя!»

Это, конечно же, метафора, а не ругательство. Здесь Мать-Сука (заметим, что эти слова написаны с прописной буквы) — образ самки-волчицы, образ государства, безразличного к своим выросшим детенышам, а «выброшенное дитя» — это очередная, третья, волна эмиграции, к которой относятся также и Синявский, и Максимов, и Солженицын (все они русские!).

Отмечу, что Шафаревич в недавно опубликованной 7-й главе своей «Русофобии» («Наш современник», 1989, № 11) приводит фразу Синявского полностью, хотя и не точно, но при этом дает ей тенденциозную интерпретацию и представляет в неверном контексте.

Для того чтобы иметь полное представление об этой фразе, следовало бы дать возможность всем прочитать саму статью, пока не изданную в СССР. Тогда эта фраза и вся статья не покажется оскорбительной для России и русских.

В любом случае очевидно, что «Октябрь» не несет ответственности за статью, которую он не публиковал, а что касается обвинения «Прогулок с Пушкиным» именно в русофобии, то оно, по моему мнению, мнению русского человека, безосновательно и придумано лишь для сведения счетов и захвата еще одного журнала людьми с имперским, шовинистическим мышлением.

А. ПЕТРОВ,
научный сотрудник Института атомной энергии им. И. В. Курчатова

■

В нашем институте прошла дискуссия на тему «К новому облику партии». В резолюции, принятой на заседании клуба преподавателей «Диалог», сказано, что повышение окладов работникам партийных органов и госаппарата есть акция явно антиперестроечная и ее надо отменить. Такое предложение записано и в резолюции, принятой коммунистами физико-математического факультета. О несвоевременности данного решения, его противоречии политике гласности и обновления партии отмечалось на собраниях других факультетов и общеинститутском.

Начнем с вопроса: была ли острая необходимость в таком повышении? Если не ошибаюсь, инструктор райкома партии получал минимум 200 рублей в месяц и три оклада в виде премий и лечпособия плюс возможность ежегодно посещать санаторий или дом отдыха. Известно, чем выше должность, тем больше зарплата и значительнее привилегии.

Обычно повышение связано с результатами труда. Но в перестройке, особенно в сфере экономической, мы знаем, что их практически нет. Разве работники аппарата, в том числе и партийные, не несут за это ответственность?

Повышение в первую очередь ударило по принципу социальной справедливости. Десятки миллионов — за чертой бедности. В Бресте не хватает школ и больниц, и в то же время строительство административных зданий продолжается. Мы знаем, что социалистическое общество не дает полного равенства, но зачем же сознательно усиливать неравенство?

До повышения, как известно, средний уровень зарплаты партийных работников составлял 216 рублей (полагаю, в число партработников были включены шофера, машинистки и другие технические работники). В сегодняшней ситуации и речи не может быть, чтобы средний уровень зарплаты рабочего приближался к среднему уровню зарплаты работника аппарата.

Принятое решение бросает тень и на наших руководителей. Генеральный секретарь ЦК КПСС неоднократно говорил о том, как трудно найти деньги на повышение пенсий. Председатель Совмина напоминает, что рост заработной платы превышает рост производительности труда. Это что, зарождающаяся традиция перестройки — начинать подготовку очередного съезда партии повышением окладов партийному аппарату?

Члены нашего дискуссионного клуба, участники собраний крайне удивлены атмосферой засекреченности и закулисности, в которой эта кампания проводилась. Мы считаем, что такой важный шаг, учитывая политическую и экономическую ситуацию в стране, не может решаться без всенародного обсуждения.

В дискуссии принимали участие и партийные работники Ленинского райкома КП Белоруссии. Они объясняли, что в аппарате нужны хорошие специалисты, а они, мол, не идут из-за низких окладов. На наш взгляд, причина в том, что у него нет сегодня должного авторитета, одни заседания и бумаготворчество, сплошная демагогия. К тому же в аппарат, тем более партийный, брали всегда по преданности коммунистическому делу, уровню квалификации и т.д., проблема денег никогда не выдвигалась на первое место.

Итак, нам разъяснили: мероприятие проведено для усиления материальной заинтересованности работников партийного и государственного аппарата в решении задач перестройки. Заканчиваю письмо тоже вопросами. После щедрого подарка не потеряет ли он интерес к перестройке? Более того. Боязнь расстаться с большими деньгами и теплыми местами не приведет ли к тому, что аппарат станет еще менее демократичным и будет беспрекословно выполнять волю сверху? И последний вопрос. Не произошел ли подкуп аппарата?

И. КОТЛЯР,
преподаватель кафедры теории современного социализма Брестского пединститута

■

С июля наша семья не пользуется талонами на сахар. Муж второпях (оставил дома двухлетнего ребенка) не заметил, что продавец сдачу сдала, а талоны не вернула. Все это время живем без сахара.

В конце ноября я узнала, что на декабрьские сахарные талоны дают дополнительные продукты (чай, тушенка) и обратилась к зам. председателя исполкома с просьбой оказать помощь. Он заявил, что дополнительных талонов нет. На нет, как говорится, и суда нет.

В Новокузнецке сделали так. На дополнительные продукты отпечатали в типографии специальные талоны, на каждый продукт отдельно. Почему же наши власти решили именно декабрьские сахарные талоны отоваривать дополнительными продуктами? Не потому ли что многие уже выкупили сахар или, как мы, потеряли талоны?

Первый раз я почувствовала себя в положении нищенки, просящей подаяния у городских властей.

Е. ИСАЕВА
Прокопьевск Кемеровской области

■

Умер художник, мастер, профессионал, много сделавший для нашей культуры. В «Ленинградской правде» некролог. Кто же возглавляет список скорбящих? Конечно же, как в лучшие времена, первый секретарь обкома, а теперь уж и горкома Б. Гидаспов, а уж вслед за ним — первый скульптор, а потом деятели искусства и литературы, остальные по алфавиту.

Не пора ли отказаться от старых традиций?

М. АРИСТОВА,
филолог
Ленинград

■

На наше предприятие (Зеленоградский завод по изготовлению стеклянных пуговиц) дали брошюру — список лекций, предлагаемых обществом «Знание» на 1989—1990 год. Что же в списке?

«Социалистический образ жизни и проблемы идеологической борьбы». «Характер и особенности идеологической борьбы на современном этапе». «Идеологические диверсии и бдительность советского народа». «Символика в идеологических диверсиях Запада». «Два мира — две идеологии». «Экологическая проблема как новый фронт идеологической борьбы». «НТР и углубление кризиса буржуазного образа жизни». «Дзен-буддизм и идеологическая борьба». «Идеологическая борьба в искусстве». «Литература и идеологическая борьба». «Вопросы идеологической борьбы на современном этапе».

Устал переписывать. Однако сколько борцов развелось, каждую лекцию читают на выбор несколько человек. Ну вот, например, последнюю: Степченков, Ярцев, Сомов, Гюльмамедов, Гвоздев, Пашин, Закиров, Никифоров, Костюченко, Марков, Преображенский. Каждому плати, каждый есть хочет. А кто их кормит?

Ответ находим в очередной лекции из этого же списка: «Продовольственная программа — дело всенародное» (семь едоков, простите, лекторов). Ну, а чтоб их накормить не просто, а вкусно и сытно, у нас должна быть... Правильно, угадали: «Экономная экономика». (Эта лекция соседствует с предыдущей, на том же листке брошюры.)

А еще говорят, что кто-то в последнее время поправел. Зачем праветь всегда правому?

А. ШЕРСТЮК,
начальник отдела, пропагандист
Зеленоград

■

В газете «Вечерний Харьков» (№ 265, 18 ноября) под названием «Шило на мыло, мыло на... мыло» опубликованы данные поставок на экспорт в текущем году. Экспортированы следующие продовольственные и непродовольственные товары: гречка и сгущенное молоко, конфеты и сахар, сыр и шампанское, постельное белье и посуда, мебель и медикаменты, мыло и стиральные порошки. Все в сотнях тонн и на миллионы рублей. Спрашивается, разве может разумный хозяин продавать то, чего самому не хватает? Представитель Министерства внешнеэкономических связей Р. В. Руденко объяснил, что договоры на эти поставки утверждались раньше, когда товары лежали в избытке на полках, да и сейчас склады переполнены стиральными порошками.

Во-первых, вот уже много лет у нас нет в продаже гречки и сгущенки, последние годы мы мучаемся с моющими средствами, не хватает сахара. Я, человек, прошедший войну, не могу на старости лет купить самое необходимое. Во-вторых, разве нельзя было министерству перестроиться? Считаю его действия не только бесхозяйственными, но даже преступными. Здравомыслящему человеку нетрудно понять, что без четкой организации и жесткого контроля над распределением продукты на нашем столе не появятся. Экспорт и импорт товаров народного потребления, уверен, должны находиться под контролем Верховного Совета СССР.

А. ЗАЙЦЕВ,
ветеран войны и труда
Харьков

Благодарим читателей, заметивших опечатку в № 52 за прошлый год в статье «Граница на замке?». Вместо УВИР МИД СССР следует читать УВИР МВД СССР.

Редакция приносит извинения М. А. Ульянову за упоминание его имени в очерке «Страна «Швейцария».

Отдел морали и писем

ДЕМОКРАТИЯ Н

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Говорят, что перестройка, которая шла из Москвы в Киев, остановилась перед закрытым шлагбаумом на станции хутор Михайловский. Эта шутка теперь звучит как унылая констатация факта. Прошлой весной предвыборная кампания народных депутатов СССР всколыхнула людей. Какие предвыборные страсти разгорались в Житомире, Харькове да и в самом Киеве! Народ, казалось, проснулся от политической спячки.

В Киеве потерпел поражение на выборах первый секретарь горкома партии К. И. Масик. Многие сотни тысяч избирателей проголосовали против него. Секретаря решили переместить на другую работу, поскольку нет доверия масс. И что же: его послали на завод инженером? Предложили должность начальника цеха? Директора? Как бы не так! Его трудоустроили заместителем председателя Совета Министров. Вот что значит ваше мнение, «товарищи» избиратели.

В прошлую предвыборную кампанию редко какое собрание проходило без резкой критики руководителей республики и лично В. В. Щербицкого. Одна из ключевых фигур эпохи застоя и «герой» Чернобыля, это он допустил, что 29, 30 апреля 1986 года, когда пол-Европы сидело по домам, спасаясь от радиации, тысячи и тысячи киевлян с детьми проводили эти солнечные дни на днепровских пляжах под бушующими радиационными бурями. А первого мая, стоя во главе руководства республики на правительственной трибуне, он принимал цветы от октябрят и пионеров. Этих детей тренировали на площади задолго до начала демонстрации. Киевляне отлично помнят этот зловещий кадр, как и всех тех, кто стоял тогда на трибуне и, владея истинной информацией о положении дел, принимал цветы от ничего не подозревающих детей. Этот кадр — документальное свидетельство группового преступления перед своим народом. Но многие из тех, кого детишки одаривали цветами, и сегодня остаются в руководстве республики.

Оставался и В. В. Щербицкий. И только перед началом нынешней избирательной кампании собрался пленум ЦК Компартии Украины, на котором его решили отстранить от руля. Заседание пленума транслировали по телевидению. Его провожали как любимого отца народа. Члены ЦК, выходя один за другим на трибуну, обрушили на «героя» такой поток славословия, как будто он вывел республику в число процветающих государств мира. Слушая эти верноподданнические дифирамбы, можно было сгореть со стыда. Члены ЦК говорили так, вроде нет талонов, вроде не оголяются полки магазинов, вроде бы миллионы граждан не стоят в бесконечных очередях.

А возьмите сегодняшнее положение печати, радио, телевидения и вообще средств информации — монополия. Жесточайшая. Не от добра же республиканский депутатский клуб, куда входят многие народные депутаты СССР (!), вынужден печатать свою газету «Голос» за пределами Украины. Если уж у депутатов Союза такие права...

Нынешняя избирательная кампания началась как новое наступление старого аппарата. Возможности проведения собраний по месту жительства были сведены до минимума, зато на производстве, на службе, где люди связаны подчинением, ринулся в кандидаты партийно-хозяйственный актив. На 22 депутатских места по Киеву зарегистрировались около двадцати генеральных директоров, почти столько же директоров, еще столько начальников и управляющих трестами, почти все первые секретари райкомов партии, председатели нынешних райисполкомов.

Я видел некоторые протоколы подобных собраний, где сколько присутствовало, столько и голосовало, и все — «за», и ни одного «против». Знакомая до боли картина!

Самому массовому народному движению Украины за перестройку (Руху) более года отказывают в регистрации, поэтому оно не могло выдвигать от своего имени кандидатов в депутаты. Я лично не во всем разделяю программу Руха. Да и само это движение весьма неоднородно, но разве это дает право не считаться с ним?

Многие избиратели потеряли веру в то, что могут как-то повлиять на положение дел в стране. Я слышал рассуждения такого рода: «То в Москве коечто новое воспринимают, а у нас это невозможно. Когда в Москве кусают ногти, в Киеве рубят пальцы».

Мне довелось побывать на нескольких собраниях по месту жительства, где выдвигали кандидатов в народные депутаты УССР, в том числе и меня самого... С каким трудом собирались люди! Ни одно из собраний не началось в точно назначенный час. Из трех-четырех сотен приглашенных и уже давших согласие прийти с опозданием являлись больше половины. Некоторые собрания так и не удалось открыть, а в других случаях через один-два часа работы в зале оставалось меньше двухсот человек, и оно признавалось неправомочным.

Апатия и усталость все больше парализуют избирателей. В газетах ведется вялый разговор как об очередной кампании, нет ярких выступлений, не обозначились лидеры. Куда-то подевались такие еще активные прошлой весной группы поддержки, клубы сторонников тех или иных кандидатов. Глухо!

Если дело так пойдет и дальше, то в ряде округов выборы могут вообще не состояться из-за неявки большинства избирателей. Но самое печальное: мы потеряем надежду на какие-то изменения к лучшему. Говорят же, что каждый народ имеет такое правительство, которое он заслужил.

Мы должны понять, что активность Совета любого ранга целиком зависит от политической активности самих граждан, которые «дышат в затылок» своим избранникам.

Мы не должны забывать, что преобразования, начатые в Москве, докатываются на места в очень урезанном виде. И если мы сейчас всем миром, со всей заинтересованностью, без навязчивых подсказок со стороны не изберем истинных выразителей интересов народа, то все новые структуры, не имея мощной поддержки снизу, могут попросту рухнуть.

Нам всем дается, может быть, последний шанс проверить свою волю, чтобы дела отечества повернуть к лучшему. Неужели мы им не воспользуемся?

Станислав КАЛИНИЧЕВ, собственный корреспондент «Огонька», кандидат в народные депутаты УССР

КТО ТЫ, «ДУША НАСЕЛЕНИЯ»?

На новосибирскую душу населения без различия пола и возраста, вероисповедания и национальности приходится в месяц две пачки масла по талонам. «Душа населения» к талонам привыкла и воспринимает их как способ справедливого распределения дефицитных продуктов. А что происходит с душевым потреблением бесталонно отпускаемых демократических свобод и возможностей? Анализ не проводился, но частные наблюдения дают основания для вывода: по спросу свобода — увы! — не конкурент фаршу и мылу, потребность в ней не универсальна. Массового отоваривания тут никак не получается, хотя предложение рассчитывает на массовый спрос. Закончившаяся кампания по выдвижению кандидатов в народные депутаты РСФСР и местных Советов заставляет резюмировать: реакция на призыв «Выбирайте себе власть!» не походила на взрыв поголовного демократического энтузиазма.

«Душа населения» усталыми, много повидавшими глазами равнодушно взирала на объявления, вывешенные у подъездов городских многоэтажек: «Товарищи жильцы! Если вам небезразлична судьба района, города, России, приходите на собрание по выдвижению...». И чаще предпочитала привычный вечерний плен домашних обязанностей диковинной гражданской свободе по «месту жительства». Та же усталая «душа» в служебной ипостаси традиционно влеклась на собрания, пленумы, конференции и, традиционно подремывая, механически выполняла роль статиста, не обременяя себя заботами и каверзами политических страстей.

И эта самая изрядно отсыревшая, плохо загорающаяся душа никак не могла освоить протокольную грамоту и носила в избирательную комиссию одну и ту же бумагу, переписывая ее по нескольку раз в приближении к потребному варианту.

Но давно замечено, что среднедушевой подход коварен даже в исчислении пар обуви и квадратных метров: у тебя — и зимние сапоги, и осенние, а у меня — только старые валенки, но в среднем мы неплохо обуты; у тебя — пять комнат на троих, у меня — одна на четверых, но в сумме мы имеем почти по комнате на «душу».

Что уж говорить о свободе, алкаемой далеко не всеми и имеющей штучных ценителей?

По мнению многих — и членов избирательных комиссий, и новосибирских журналистов, и внимательных наблюдателей со стороны, лучше всего воспользовались предоставленными возможностями сумели пока неформалы. Это новое, пестрое и шумное общественное племя досконально знает законы, остро реагирует на малейшее дуновение реальной демократии, быстро отзывается поступком на призывы к свободе персонального волеизъявления. Скандальные стайки неформалов осознают себя мыслящей частью утомленного гонкой и удрученного бытом общества и источают энергию завидной в наши дни мощности. Собираются они охотно, обсуждают происходящее страстно, роли себе отводят ведущие, отрицая участь ведомых. Одними из первых, например, выдвинули своих кандидатов в депутаты всех Советов активисты борьбы за трезвость, не скупясь при этом на лестные оценки выдвигаемых. «Умение ставить вопросы радикально и действовать решительно» — это о В. Г. Жданове, «лидере трезвеннического движения в стране».

И новосибирская «Память», разумеется, не осталась безучастной — ее представитель Б. Ф. Гаврилко назван кандидатом в народные депутаты РСФСР в нескольких коллективах — в заводском, и институтском, и конструкторском.

Знатоки процедурных формальностей, неформалы оперативно представляют грамотные протоколы и во всеоружии закона готовы к отражению любых «крючкотворных придирок».

— Не люблю слова «неформалы»,— говорит Марина Рыбакова, консультант новосибирского городского Клуба избирателей.— Мы — политически активные люди, так и надо нас воспринимать.

Этот Клуб зарегистрирован в августе прошлого года. Его рождению, поясняет Марина, способствовала неудовлетворенность выборами в народные депутаты СССР. «Мы решили объединить все демократические силы в городе — Демократическое движение, Демократический союз, Мемориал, лучшую часть комсомола...»

Всех, кроме «Памяти»...

«Клуб против любой монополизации власти, взглядов и мыслей».

Да, так и записано в его уставе. И еще там записано: «социальными идеалами членов Клуба являются общечеловеческие ценности, гуманизм, уважение прав человека и защита его исконных интересов». Клуб существует при Фонде молодежной инициативы и определяет себя как «самодеятельное, добровольное объединение, активно участвующее в процессе демократизации всех сфер советского общества».

Члены Клуба молоды (средний возраст — 25—28 лет), это в основном техническая интеллигенция, их пока немного, 70 человек, но их деятельность замечена в огромном городе. Они ходили по домам, разъясняли законы о выборах (чего в большинстве своем не делали исполкомы местных Советов), пытались возрождать структуры домкомов, провели три собрания по «месту жительства», собирали на улицах подписи под обращением к будущим народным депутатам российского парламента.

Спрашиваю Марину:— У вас не было ощущения синицы, пытающейся поджечь море? — Отвечает: — Чуть-чуть бы облегчить людям быт — и у них появятся силы на гражданскую активность.

Выступая перед избирателями, демократы открыто заявляют: «Аппаратчики не защитят ваших интересов». И аппаратчики знают об этом, но признают за Клубом деятельное стремление к пробуждению общества.

Конечно, горстка проснувшихся сограждан любезна далеко не всем, но антипатия — тоже импульс к действию. Активность «Памяти» заставляет шевелиться творческую интеллигенцию. Лозунги Демократического союза побуждают коммунистов искать новые формы политической работы... Само наличие пробудившихся нарушает сон остальных. Вялый месяц выдвижения закончился лихорадкой последней недели. Большая часть документов на кандида-

А ПЕРЕКРЕСТКЕ

тов поступала в избирательные комиссии именно в последние дни. В итоге борьба предстоит нешуточная. В новосибирский горсовет, например, по 150 округам выдвинуто более 650 кандидатов. Один почти из пяти. По национально-территориальному округу № 57 в парламент России выдвинуто 25 кандидатов. На одно место. (Двадцать три мужчины и две женщины — швея и журналист, перепуганный автор этих торопливых заметок: никогда еще не приходилось состязаться с таким количеством соперников за право на предпочтение...)

Ничего такого мы прежде не знали.

Стало быть, усредненная свобода на «душу населения» все-таки имеет некоторый смысл.

Коллективы Сибирского научно-исследовательского института энергетики и «Новосибгражданпроекта» выдвинули кандидатом в народные депутаты РСФСР Алексея Мананникова, постоянного корреспондента радио «Свобода» в Сибири. Это он, выпускник Новосибирского университета, бывший преподаватель политэкономии, бывший аспирант Московского института управления, бывший узник Лефортовской тюрьмы, около пяти лет назад отбывший лагерное наказание по ныне упраздненной статье 190 «прим» УК РСФСР, новосибирец Алексей Мананников ведет по радио «Свобода» регулярные передачи «Судьбы Сибири». В наброске его предвыборной платформы, циркулирующем по городу, первый же тезис хватает сибиряка за сердце: «Деколонизация Сибири»...

А Мананников выдвинут. Толки и слухи противоречивы. Эх, если бы этот неравнодушный, мужественный, толковый и деятельный человек не нуждался бы в помощи закавыченной свободы для обретения популярности у себя дома, о благе которого он хлопочет, пренебрегая личной опасностью... К тому вроде идет. Бесталонная свобода на «душу населения» распределяется неравномерно.

Но кто же она все-таки, «душа населения»? Перебираю кандидатуры, с которыми и мне волею судеб предстоит участвовать в предвыборном смотре. Заместитель председателя горсовета? Медицинский академик? Глава кооператоров? Комсомольский лидер? Радио «Свобода» или общество «Память»? Выборы... Выборы покажут... Выбирать-то, оказывается, есть из кого.

Замира ИБРАГИМОВА,
собственный корреспондент «Огонька»

Новосибирск

БРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Нынешние выборы в республиках — особенные. Они определяют, если хотите, саму возможность перестройки в каждом конкретном регионе страны. Прорыв 26 марта 1989 года — это только начало создания подлинно правового государства, где решения принимаются принародно депутатами, избранными народом. Но в условиях, когда все союзные республики стремятся к большей самостоятельности, когда мы начинаем говорить о нашей стране как о союзе равноправных суверенных государств, возникают опасения: не получится ли так, что диктат столицы Союза будет теперь попросту заменен на такой же диктат, но теперь уже столицы союзной республики? А единоличная, практически бесконтрольная власть главы государства — на такую же единоличную и бесконтрольную власть главы республики? Чтобы этого не произошло, мало принятия Верховным Советом СССР соответствующих законов. Нужно, чтобы Верховный Совет республики, местные Советы оказались способны, опираясь на эти законы, в полной мере реализовать свои права и двигать вперед перестройку. Зависит это от конкретных людей, которые будут избраны в эти Советы. Важно, чтобы обладали они должной компетентностью, отражали интересы избирателей.

Долгие-долгие годы не существовало механизма выдвижения кандидатов в депутаты «снизу», из массы народной. И только теперь новый Закон о выборах предоставил такую возможность, дал право жителям называть на собраниях по месту жительства имена своих кандидатов.

Однако и здесь законом предусмотрен ряд оговорок, о которые каждый раз спотыкается инициатива граждан. Вот, казалось бы, безобидная на первый взгляд строка в законе: собрания избирателей по месту жительства созываются... по инициативе органов общественного самоуправления, поддержанной не менее 100 жителями избирательного округа. Получается, что даже если все жители избирательного округа отдадут свои подписи в поддержку собрания, а махаллинский[1] комитет такой инициативы не проявит, то собрание назначено не будет. Именно об эту строку закона «споткнулись» на начальном этапе жители ташкентского массива Карасу-6. А в другом массиве председатель махаллинского комитета прямо сказал избирателям: местные органы власти попросили без их ведома никого не выдвигать, и потому никакой инициативы со стороны махаллинского комитета не будет. А значит, не будет и собрания, если следовать букве закона.

Еще в одном избирательном округе Куйбышевского района Ташкента собрание, созванное по инициативе райисполкома и окружной комиссии, поначалу не состоялось из-за нехватки числа участников до определенных законом трехсот человек. Была определена новая дата. Но когда стало ясно, что жители вероятнее всего предпочтут выдвинуть своего, а не запланированного «сверху» кандидата, председателей махаллинских комитетов пригласил заведующий отделом райкома партии и разъяснил, что собрание отменяется, «так как кандидат по данному избирательному округу уже выдвинут».

В связи с возникающими подозрительно часто недоразумениями такого рода мне приходилось почти ежедневно общаться с должностными лицами, ответственными за организацию выборов. Не мог не обратить внимания на такое явление. Беседую с секретарем Куйбышевского райисполкома Ташкента Аллой Ивановной Булатовой в связи с одним из «недоразумений» и слышу в ответ:

— А вы хоть знаете, за кого они будут голосовать?

Звоню председателю Центризбиркома в связи с необходимостью уточнить трактовку фразы в законе «как правило» и встречаю вопрос: «А о ком конкретно идет речь?» Уже в Москве, на II Съезде, говорю с одним из первых лиц в республике о многочисленных телеграммах жителей с требованиями наказать должностных лиц, мешающих выборам, а в ответ все то же: «А кого они хотят выдвигать?»

Да кого бы ни хотели! Это их законное право! И недопустима трактовка закона в том или совершенно ином смысле в зависимости от конкретных лиц, к которым закон применяется. Принцип «что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку» совершенно неприемлем для правового государства, которое мы только начинаем строить.

Не мог я оставаться безучастным и в той ситуации, когда даже старт избирательной кампании был дан с нарушениями Конституции Узбекской ССР и законодательства о выборах. Так, выборы в местные Советы, несмотря на то, что республиканская Конституция определяет их назначение не позднее чем за 4 месяца до истечения срока полномочий, назначены в более ранний срок. А значительная часть окружных избирательных комиссий по выборам Верховного Совета республики, как это ни парадоксально, оказалась сформированной еще до заседания Центральной избирательной комиссии, образовавшей соответствующие округа. Выступил с репликой в республиканской газете «Правда Востока» (мне рассказывали, сколько неприятностей пережил впоследствии редактор газеты Р. А. Сафаров). Через пять дней в той же газете — ответ за подписью секретаря Президиума Верховного Совета республики Л. Беккульбековой. Смысл ответа сводился к тому, что все сделано правильно, а депутату не мешало бы заняться решением конкретных проблем по улучшению жизни населения республики...

Понимание невозможности выполнения в одиночку в этих условиях своей задачи в избирательной кампании и привело к мысли создать Комитет содействия народному депутату СССР. На предложение принять участие в его работе откликнулись многие рабочие, журналисты, ученые, ветераны, представители неформальных объединений. Первым принятым документом стало обращение к избирателям в связи с начавшейся избирательной кампанией. Вот оно.

«Уважаемые избиратели!

В Узбекистане началась важнейшая общественно-политическая кампания — выборы в Верховный Совет республики и в местные Советы народных депутатов.

Долгие годы вас старались отстранить от реального участия в формировании Советов. Народу отводилась самая незначительная роль: послушно проголосовать за предложенные кем-то кандидатуры. Сформированные таким образом Советы — пассивные и зависимые — служили ширмой для прикрытия реальной власти командно-административной системы.

Кому-то опять хочется провести выборы по заранее написанному сценарию, определив за вас кандидатов в депутаты. Этого допустить нельзя, ибо слишком велика ставка в предвыборной борьбе. Речь идет о судьбе перестройки в районе, в кишлаке, в городе, в республике. Осуществится она или нет — в решающей степени зависит от того, чьи интересы будут выражать избираемые на пять лет Советы: ваши или командно-административной системы. У народа будет ровно столько власти, сколько он сам ее возьмет на этих выборах...

Подумайте, кто именно будет представлять в органах власти интересы вашего трудового коллектива, вашей махалли, вашего микрорайона. Требуйте проведения собраний по выдвижению кандидатов в депутаты и активно участвуйте в них. В условиях, когда Верховный Совет СССР примет вскоре Закон о местном самоуправлении, именно от ваших депутатов в решающей степени будет зависеть ваше благополучие...

Будьте готовы к серьезной и упорной борьбе за свои права».

Размноженное в нескольких тысячах экземпляров, обращение это стало распространяться по району и... вызвало неожиданно резкую реакцию со стороны ЦК Компартии Узбекистана.

Те несколько дней, когда мне пришлось отстаивать свое право на партийный билет и на депутатский мандат, пожалуй, запомнятся на всю жизнь. Ибо раньше я лишь понаслышке знал, сколь мощными возможностями для воздействия на неугодного человека обладает командно-административная машина. А здесь пришлось испытать все это, как говорится, на своем собственном опыте.

Сна лишил звонок заместителя редактора газеты Туркестанского военного округа «Фрунзевец» подполковника А. В. Бондаренко. Волнуясь, Андрей Васильевич сообщил мне, что второй секретарь ЦК Компартии Узбекистана А. С. Ефимов обратился к начальнику политуправления округа генерал-лейтенанту А. И. Захарову с просьбой рассмотреть вопрос о моей партийной принадлежности. Предъявлялся целый пакет обвинений: само обращение, то, что в одном из районов это обращение распространялось вместе с листовкой движения «Узбекистан». А так как этого было явно недостаточно для изъятия партийного билета, к делу была «подшита» сплетня о том, что я якобы провозгласил на встрече с журналистами лозунг "За Советы без коммунистов!".

Абсурдность обвинений была настолько очевидной, что коммунисты редакции не сочли нужным даже заслушивать меня на заседании партбюро. Однако ЦК стоял на своем. В один из вечеров у А. С. Ефимова «на ковре» побывали редактор «Фрунзевца» полковник Г. П. Иванов и начальник отдела пропаганды и агитации политуправления полковник Ю. А. Красиков. Долгая беседа завершилась «просьбой» все-таки рассмотреть вопрос «о партийной принадлежности депутата Золотухина». И уже наутро члены партбюро заседали в кабинете редактора.

Почти два часа пришлось сидеть перед закрытой дверью. Меня не пустили на заседание, и, пока представители политуправления разъясняли членам бюро, за что меня нужно привлекать к ответственности, оставалось только

[1] Махалля — жилой район в узбекском городе. (Прим. авт.)

гадать, какую именно информацию они получают, да под сочувственные взгляды коллег-журналистов посматривать на часы: ведь мне нужно было вылетать в Омск в командировку, а до отлета самолета оставалось каких-то полтора часа. Наконец, поняв, что просто не успею объясниться, я вошел в кабинет и попросил прервать заседание бюро до моего возвращения.

Четыре дня командировки провел как на иголках, звоня по нескольку раз в день в Ташкент и уточняя, не появились ли какие-нибудь еще «новости». А по возвращении узнал, что политуправление округа уже не считает целесообразным рассмотрение вопроса о моей партийной принадлежности. Аргумент с «Советами без коммунистов» лопнул как мыльный пузырь (интересно, расскажет ли когда-нибудь секретарь ЦК о том, кто же подкинул ему эту «дезинформацию»?). Поводов для разбора не оставалось. Но в этой ситуации члены партийного бюро все-таки настояли на завершении прерванного в связи с моим отъездом заседания и попросили разъяснить мою позицию в нынешней избирательной кампании.

Около часа я рассказывал о своей работе, о задачах Комитета содействия народному депутату СССР. Подчеркнул, что не собираюсь расставаться ни с партийным билетом, ни с мандатом депутата, несовместимость которых заложена в призыве «Советы без коммунистов». Не сделаю этого потому, что как в партии, так и в Советах еще предстоит немало работы по приведению их жизни и деятельности в соответствие с принципами демократии и элементарного здравого смысла.

Решение партийного бюро было беспрецедентным. Оно заслуживает того, чтобы привести его полностью:

1. Принять к сведению информацию члена КПСС В. Золотухина.

2. Позицию тов. В. Золотухина в избирательной кампании по выборам народных депутатов УзССР и в местные Советы народных депутатов признать партийной и отвечающей требованиям перестроечных процессов.

3. Считать недопустимым и неправомерным давление со стороны партийных органов на народных депутатов СССР — коммунистов, так как подобная практика может отторгнуть избирателей от коммунистов и они отдадут свои голоса за беспартийных, независимых кандидатов.

4. Информацию о заседании партбюро опубликовать в печати.

Как я был наивен, когда полагал, что этим все кончится. Оказывается, кампания по усмирению только начиналась. На следующий день после партбюро я едва успевал поднимать трубку телефона. Звонили избиратели и, либо представляясь, либо не называя своей фамилии, с тревогой сообщали о намечающейся на следующий день акции по моему отзыву из депутатов. По замыслу ее организаторов это должно было произойти на Ташкентском тракторном заводе, где такое решение в ходе заслушивания моего отчета должен был принять актив завода, а поддержать предложение актива об отзыве должны были собравшиеся двумя часами позднее во Дворце культуры ТТЗ представители трудовых коллективов и жители района.

Официальное приглашение на встречу я получил незадолго до ее начала. Представитель завода В. М. Крамаренко сообщил, что это будет встреча с рабочими, которые просят рассказать о работе Верховного Совета страны, смысле принятых им в последнее время законов. Однако вместо рабочих в зале заседаний парткома находились представители школ, Совета ветеранов района, другие активисты. Здесь же присутствовали работники райисполкома, инструктор горисполкома (видимо, с целью зафиксировать правильность процедуры отзыва), представители районного комитета партии. Невольно подумалось: как же недоставало всех этих должностных лиц на моих предыдущих встречах с избирателями, где депутат буквально тонул под волнами вопросов и требований наладить работу транспорта, вывезти мусор, отремонтировать протекающую крышу, откачать воду из подвала и т. д. и т. п. Ведь это их работа. Из этих размышлений меня вывел голос ведущего собрание зампреда райисполкома О. М. Федосеева.

— Сейчас народный депутат СССР расскажет о работе по выполнению наказов, после чего вы сможете задать ему вопросы, а затем дадим выступить всем желающим.

Мне нечего скрывать и незачем лукавить перед своими избирателями. Я прекрасно понимаю, что при существующей ныне системе централизованного планирования и бесправия местной власти невозможно в полном объеме выполнить все полученные в ходе выборов наказы, большинство из которых заключаются в просьбе построить магазин, кинотеатр, школу, телефонизировать район или пробить новую дорогу. Попытки решать эти проблемы старым способом — путем хождения по инстанциям — показали, что мне понадобится лет десять, чтобы выклянчить в соответствующих инстанциях деньги, фонды, ресурсы под каждый объект. И потому я избрал другой путь реализации наказов: сосредоточился на работе в Верховном Совете, на разработке законов, которые сломают эту систему и позволят тому же районному Совету самому решать все вопросы строительства объектов на своей территории. В числе разрабатываемых документов — закон об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства, с принятием которого жители района смогут сами, без «толкача», в Совмине и Госплане спокойно решить все эти проблемы. Но для этого опять же нужен работоспособный районный Совет, и потому я прошу всех жителей района активно включиться в избирательную кампанию. Не ждать, что кто-то в Москве решит за них все проблемы района, а самим активно включаться в работу.

В какой-то момент встречи встала Ольга Федоровна Голованёва из Совета ветеранов района и воскликнула:

— Товарищи! Какой же глупостью мы занимаемся, когда требуем от народного депутата СССР, чтобы он почистил нам арыки. Давайте лучше спросим за их состояние с присутствующих здесь работников райисполкома!

Собрание одобрило работу народного депутата СССР. И вместо Дворца культуры меня повели в один из дальних цехов завода, где я в течение полутора часов рассказывал о принимаемых Верховным Советом СССР законах.

Но и этим дело не закончилось. На следующий день мне позвонила мой помощник — секретарь Мамура Хусановна Усманова и сообщила, что выделенное мне для исполнения депутатских обязанностей помещение — комната № 17 в здании Куйбышевского райисполкома — по распоряжению секретаря райисполкома передано бухгалтерии райздравотдела, и нам теперь негде работать. Неясно также, где я завтра буду проводить прием избирателей (как раз наступала первая пятница месяца — официально установленный день приема). Я поначалу не поверил, что такое вообще может быть, и сказал Мамуре Хусановне, что прием избирателей все равно состоится. Даже если его придется вести на ступеньках райисполкома.

К счастью, до этого дело не дошло. Но в день приема здание райисполкома было оцеплено усиленными нарядами милиции. Здесь же присутствовали прокурор района, руководство райотдела внутренних дел. А на ступеньках райисполкома, сильно встревоженные, встречали меня почти все заместители председателя исполкома (сам председатель в это время находился в командировке). Впервые за девять месяцев моего депутатства руководители районного органа власти спросили, в какой помощи с их стороны нуждается депутат. О. М. Федосеев сообщил, что мне выделяется двухкомнатное помещение в центре города со всеми удобствами, моему помощнику — секретарю — комната в райисполкоме, будут решены все вопросы организации работы депутата. А сегодня меня просят согласиться провести прием в зале заседаний райисполкома. И еще просьба — успокоить избирателей, возмущенных происшедшим недоразумением. Оказалось, что многие жители района решили провести митинг в знак протеста против произвола исполкома и в поддержку депутата. И это заставило должностных лиц выполнить предписанные им Верховным Советом СССР обязанности по организации работы депутата.

В тот день на прием пришли 53 человека. И большинство проблем посетителей, как всегда, относилось к компетенции райисполкома...

Как будет идти работа дальше? Не знаю. Но ясно одно: неоправданно затянув принятие Закона о статусе народного депутата СССР, мы тем самым обрекли сами себя на совершенно никому не нужные и мешающие нормальной работе конфликты с местными органами власти, должностными лицами в различных учреждениях. Теперь закон принят. Но в дополнение к нему необходимо еще и понимание всеми нами вопроса: в чем же смысл работы депутата?

В печати, других средствах массовой информации, да и в ходе работы Съезда многие выступающие говорили о пассивности депутатов от Узбекистана, упрекали их в бездействии. Это не соответствует действительности: каждый узбекистанский депутат за девять месяцев со дня избрания проделал огромный объем работы. Сотни встреч в министерствах и ведомствах, тысячи депутатских запросов и требований: снизить «хлопковость» республики, увеличить фонды, построить дороги, закрыть вредный в экологическом отношении завод, дать квартиру многодетной матери, продлить троллейбусный маршрут... С огромным напряжением трудятся помощники — секретари народных депутатов, едва успевая отправлять по инстанциям депутатскую почту. Но должны ли народные депутаты СССР выполнять всю эту работу?

За десятилетия господства командно-административной системы не только у руководства, но и в народе укоренилось мнение, что главная задача депутата исключительно в том, чтобы «пробить» что-то для района, города, республики, и исходя из этого понимания избиратели судят о работе своего избранника. Помню самую первую встречу депутатов-ташкентцев в столичном горкоме партии. Выступая перед нами, тогдашний первый секретарь горкома партии Б. Ф. Сатин подчеркнул, что нам предстоит теперь решать много вопросов жизни и быта жителей города. К нам станут обращаться по поводу ремонта квартир, установки телефонов и т. д. И что мы можем рассчитывать на постоянную помощь в этих вопросах со стороны партийных и советских органов города. Но ведь каждый случай обращения жителей к народному депутату СССР по этим вопросам — это серьезный сигнал о недоработках гор- и райисполкомов, да и самого горкома партии, призванных непосредственно решать эти проблемы, и я прямо сказал тогда об этом под удивленные, непонимающие взгляды присутствующих. С того времени прошло более полугода, состоялись два Съезда и две сессии Верховного Совета СССР, в понимании же сути нашей работы мало что изменилось.

Но громадье проблем хозяйственных заслонило, в какой-то мере оттеснило на второй план проблемы политические. Работа в роли «толкача» почти не оставила времени для детального анализа рассматриваемых Верховным Советом СССР и республик законов. Такое положение дел, похоже, вполне устраивает правительство республики, ибо оно получило в лице народных депутатов СССР солидную помощь в реализации своих хозяйственных планов, оставаясь при этом, как и в былые времена, вне контроля с их стороны. Вот почему всячески поощряется хозяйственная деятельность депутатов, а при малейшей попытке того или иного депутата ставить вопросы политические, оценить законность принятия руководством того или иного решения следует резкий окрик в прессе или на собрании депутатов: «Займитесь конкретным делом в интересах республики!». Словом, «изволь судить не выше сапога».

Работа Съезда, Верховного Совета СССР показала: нам пора прийти к пониманию той истины, что народный депутат — это прежде всего фигура политическая, а не хозяйственная, и в центре его деятельности должно быть законотворчество, контроль за соблюдением Конституции СССР на местах, чуткое, оперативное и принципиальное реагирование на малейшие отступления от закона. В этом направлении в Узбекистане, пережившем десятилетия беззакония и произвола власти, и сегодня работы непочатый край. Свидетельство тому — события в Коканде и в Фергане, принятие неконституционным способом Указа Президиума Верховного Совета республики «О запрещении некоторых видов кооперативной деятельности», постановление Верховного Совета УзССР «О мерах по стабилизации общественно-политической обстановки в республике», существенно ущемившее конституционные права граждан. Давно назрел вопрос о создании при Верховном Совете республики рабочей депутатской группы по законодательству, законности и правопорядку. И, кроме этого, нужна правовая учеба каждого из 108 народных депутатов СССР от Узбекистана и всех 500 членов будущего Верховного Совета республики с тем, чтобы были они способны принимать компетентные решения, участвовать в контроле исполнения в своих округах законов, решений Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР и их органов. Это будет означать ликвидацию монополии партаппаратчиков на власть. И этого искренне желают тысячи жителей Узбекистана.

***

Примечательный факт. На нынешних выборах заключили «мировую» национальное движение «Бирлик» и Интерсоюз, созданный в интересах защиты русскоязычного населения. Общей целью признана борьба за ускорение слома командно-административной системы и создание правового государства.

Будут ли перемены?

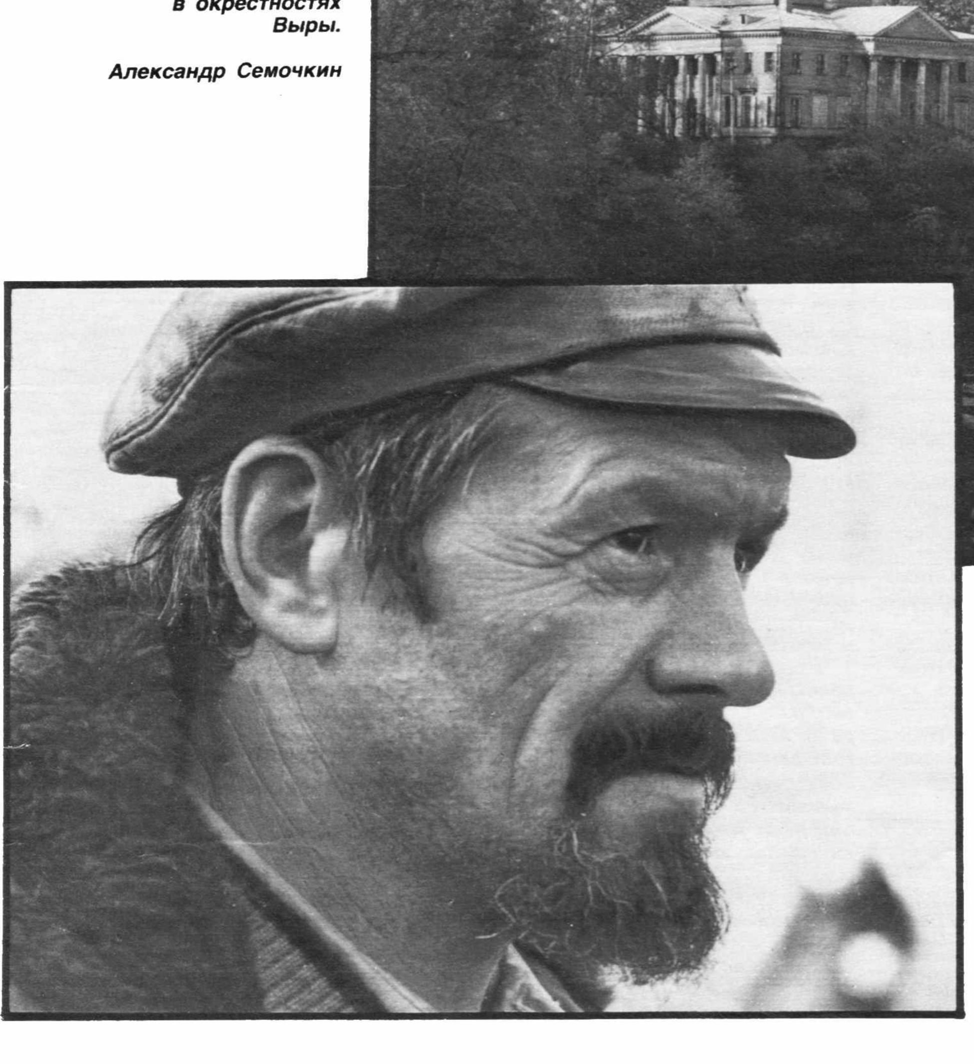
Зависит от нас.

Владимир ЗОЛОТУХИН,
корреспондент журнала
«Советский воин»,
народный депутат СССР

Ташкент

Усадьба В. В. Набокова в окрестностях Выры.

Александр Семочкин

Ныне, если воображаю колтунную траву Яйлы, или Уральское ущелье, или солончаки за Аральским морем, я остаюсь столь же холоден в патриотическом и ностальгическом смысле, как в отношении, скажем, полынной полосы Невады или рододендронов Голубых Гор; но дайте мне, на любом материке, лес, поле и воздух, напоминающие Петербургскую губернию, и тогда душа вся перевертывается. Каково было бы в самом деле увидать опять Выру и Рождествено, мне трудно представить себе, несмотря на большой опыт. Часто думаю: вот съезжу туда с подложным паспортом, под фамилией Никербокер. Это можно было бы сделать.

Владимир НАБОКОВ «Другие берега».

Андрей ЧЕРНОВ

СМОТРИТЕЛЬ ВЫРЫ

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

БАБОЧКА МНЕМОЗИНЫ

Вырий — страна древних славян, куда переселяются предки и птицы. Выра — старинное новгородское сельцо, третья почта от Петербурга по Белорусскому тракту.

Выриным назвал Белкин станционного смотрителя, похитителя-гусара нарек Минским.

Здесь, на неправдоподобно красных берегах Оредежи, девонский песчаник Ижорского плато с крепостью гранита соединяет легенду, литературу, историю.

Все близко: из Рождествена бежит за границу царевич Алексей, а навстречу ему от Литовской заставы уже проехал швейцарец Трезини, первый петровский архитектор.

Все рядом: в деревеньке африканского потомка молодая дворянка вынашивает дитя. Мальчик родится в Москве, но нянюшка его Арина — здешняя крепостная. И здешним песням да сказкам звучать у Пушкиных в детской. Здесь их сосед, подполковник Рылеев, уступает свой дом под почтовую станцию прототипу Самсона Вырина, с рождением сына Кондрата перебираясь в Батово.

Внук баронессы Марии фон Корф, последней владелицы Батова, утверждает, что именно тут в лето 1820-е опальный Пушкин по пути в Кишинев дрался с Кондратием на пистолетах и, как Сильвио, пожадничал выстрелом даже «на воздух». Дуэль, по догадке Набокова, произошла из-за сплетни. Рылеев, поверив слуху, распущенному Толстым-Американцем, громче прочих кричал по гостиным: «Правительство сечет наших лучших поэтов!»

Сплетня о том, что Пушкина высекли в тайной канцелярии, действительно гуляла в те дни, но нам ничего не известно о причастности к ней Кондратия Федоровича. Остается предположить, что эту рылеевскую фразу юному Набокову нашептали батовские липы на «аллее повешенного», где Владимир с братом сами стрелялись на пружинных пистолетах.

Пушкинский Зарецкий живет за речкой в пяти верстах от Красногорья. С дальнего берега русской словесности он исподлобья следит за Ленским, падающим в снег. Заречье — имение Пахома Чернова, начальника 15-й дружины петербургского ополчения.

В его имении начинается роман блестящего флигель-адъютанта с дочерью Пахома Кондратиевича, семнадцатилетней Катей.

И юный брат красавицы, подпоручик-семеновец и отчаянный заговорщик, совсем как Владимир Ленский, призовет оскорбителя к барьеру. Похороны подпоручика за три месяца до Сенатской станут первой в России политической манифестацией. О том позаботится брат его Кондрат, дальний родственник и секундант.

А спустя три месяца сам подпоручик Рылеев станет узником Алексеевского равелина той самой крепости, что одета в камень прадедом юного семеновца.

Гатчинские дачники конца прошлого века окрестят «малой Швейцарией» модные эти места, где швейцарец-градостроитель обрусел и сошел в могилу, оставив в наследство державе странный город и девять персон детей.

Так, став прошлым, время уже не имеет длительности, и на срезе памяти, как на срезе дерева, кольца времени единовременны. От Выры до рериховской Извары, от Индии до ганнибаловской Суйды, от «малой» до «большой» Швейцарии (если может она быть большой) — один перелет махаона. И всемирно прославленный прозаик, отлученный от родины и проживший жизнь в отелях, но в чужбине не пожелавший даже собственного угла, ближе к смерти переберется в ту, «большую» Швейцарию, в тихий городок Монтрё.

А его книги вернутся изумленной родине.

РЕСТАВРАТОР СЕМОЧКИН

В середине 70-х мой отец, фронтовик и военный историк, предложил съездить на землю предков и посмотреть, что сохранилось на прародине от Батова и Заречья.

Трогательными историями о том, как некий горожанин обретает смысл на «малой родине», были заполнены и журналы, и кино. Вспомним хотя бы «Мимино» Данелии. Эта ностальгическая страсть еще не обернулась изнанкой и кровью. Довольно было и начальство, очевидно, воспринявшее это как достойный ответ диссидентам и прочим «отъезжанцам».

Деревни в России пустели, работать в них было некому.

Угрюмым «патриотам», окопавшимся в столицах под теплым начальственным оком, идея «малой родины» тоже пришлась по вкусу. Помогала она строить и жить, прибирать издательства к рукам и вербовать провинциальных рекрутов.

Ну, а для интеллигенции родина с маленькой буквы стала формой оппозиции и неучастия в бравурном бреду, последним бастионом от тотальной экспансии той, что писалась с большой буквы.

Дом в деревне для многих становится манией. И смыслом существования. Правда, редко кто решался бросать городские квартиры. «Прослойка» держалась за город, город подминал «прослойку».

Александр Семочкин, архитектор, строитель и бригадир реставраторов, стал для меня первым из тех, кто послал подальше цивильные удобства и после пяти лет флота да пяти годов питерского вуза сменил городское прозябание не на дачный эрзац — на свою Выру.

При Пушкине семочкинские предки держали здесь постоялый двор. Старики даже утверждали, что они еще застали стариков, помнивших Пушкина, проезжавшего тут, как выяснили ученые мужи, раз пятнадцать. Если верить старикам, Пушкин был человеком общительным, для каждого находил приятное слово. Других подробностей старики не сообщали.

В Выре у Семочкина жили отец и мать. Вслед за старшим братом, отслужив и женившись, перебрался сюда и младший, Сергей.

Александр Александрович Семочкин стал сначала колхозным архитектором и со своей бригадой по своим же проектам ставил дома вырским и рождественским колхозникам. А когда Романов раскулачил доходные в этих местах колхозы, превратив их в нищие совхозы, когда стали расти здесь панельные пятиэтажки для лишенных даже приусадебной собственности сельхозрабочих, когда выяснилось, что никакой такой сельской архитектуры уже не требуется,— Семочкин стал реставратором.

Еще не дотек до Выры ручеек «тамиздата», еще не были прочитаны ни «Дар», ни «Другие берега» и не знал безработный архитектор, что земля его, оплаканная русско-американским гением Владимира Набокова, знаменита на весь мир, и не порхали еще по толстым и тонким журналам бабочки Сирина, не дискутировали в «Литгазете» критики Урнов и Ерофеев, решая вопрос о степени безнравственности и модернизма заокеанского прозаика, а Семочкин, уже обретя незаемную «экологическую нишу», мечтал о возрождении «великой Выры».

Из краеведческой брошюры. 1910 год:

Рождествено принадлежало Рукавишникову, который среди местных жителей считался не только благодетелем, но и в то же время почетным попечителем их; он всегда входил

в нужды крестьян, он оставил большой капитал в пользу крестьян, процентами с этого капитала они пользуются для пособий в случаях падежа скота и вообще какого-либо бедствия. (...) Близ Рождествена находятся имения В. Д. Набокова и братьев Чикиных с прекрасно оборудованными меднопрокатными и алюминиевыми заводами и садком для разведения форели. (...) Несравненно выше в дачном отношении стоит деревня Выра. Здесь преимущественно особняки зажиточных крестьян-дачевладельцев...

Автобус шел из Батова в Сиверскую, притормозил у оредежского моста, и я увидел странный дом — на высоком валунном фундаменте сруб в двенадцать венцов, какие-то торчащие вбок бревна, кирпичные башенки да круглое оконце над крыльцом. Спросить, что это за чудо, было некого, и я толкнул своего попутчика, чернобородого мужичка в пыльном ватнике:

— Что, особняк Первого Лица?

— Да нет, это мой дом.

ПОЧТОВЫЕ СТРАСТИ

Он начал с дома. С братом корчевали из земли и прикатывали оредежские валуны. Сами тесали, ставили. Сами поднимали крышу. А наличники да громовики — это резал Александр Александрович.

Дом этот не был крепостью. Дверь открыта — заходи, подожди хозяев, если они отлучились.

А вот забор есть. Декоративный, до пояса взрослому. Его пришлось поставить после того, как местные власти пригрозили штрафом: непорядок, если без забора.

Были неприятности и покрупней. Как выразился один начальник от культуры уже в нынешнюю, перестроечную эпоху: «Сидеть бы вашему Семочкину, если б у него руки были иначе пришиты».

Вина за архитектором, безусловно, была. И по тем временам немалая.

С конца 60-х Александр Александрович стал человеком заметным. По своему проекту и собственными руками (прецедент в современной реставрации) он с бригадой восстанавливал комплекс вырской почтовой станции. Ни Пушкин, ни его Самсон Вырин, ни мы грешные не могли и предполагать, что станционный смотритель спасает от посадки сельского архитектора, всегда говорящего то, что думает. И о власти, и о тотальном отчуждении человека от всего человеческого, и «лично» о многозвездном генсеке.

Газеты писали о феномене вырского реставратора и его музее, а в неких папках копился материал. К тому же всех, кто приезжал в Выру, начитавшись подпольного Набокова, в деревне посылали к Семочкину. Дом, не ставший крепостью, но вызывавший раздражение самим своим видом, превращался в литературный, если не политический клуб. Там каждую неделю кто-то ночевал из посторонних. Там свет не гас до утра. Там водились книги, далеко не невинные.

Семочкин строил музей российского дорожного быта, а музей хранил Семочкина. Власти понимали: закончить комплекс без Семочкина будет трудно. Потому что «руки пришиты», потому что других таких профессионалов не только в районе — в области не найти.

И не вина архитектора, что станционные конюшни он подвел под крышу лишь к началу перестройки государства, а придорожную часовню в честь Козьмы и Демьяна, впрочем, заложенную в проекте, тайно рубил в тупике за сараями уже после апрельского Пленума. И чуть не в один день перенес и собрал на виду у ахнувшей Выры.

Подлинник этой часовни запечатлен на послевоенном фото.

Тогда, в сороковых, отошла доска, и из часовенки посыпались на траву медяки. Говорят, что сам председатель в поисках церковных сокровищ крошил потом часовню ломиком. А заодно велел пустить бульдозер на кирпичную стену меж станционными корпусами.

Тут клада не ждали. Просто колхозу не хватало стройматериалов.

Вскоре южный корпус приспособили под клуб. А в северном до самой реставрации хранили минеральные удобрения. И хотя Семочкин со товарищи землю из подпола вынимал кубометрами, полы в домике станционного смотрителя чуть ли не каждый год приходилось перебирать. Недавнее прошлое разъедало даже древесину.

Стену Семочкин восстанавливал уже ближе к 80-м. Тогда я катался к нему в Выру как минимум раз в два месяца и видел Сан Саныча чаще, чем многих своих московских друзей. Многодетная семья Семочкина, начиная с жены его Веры, со мною уже не церемонилась и за чужого не считала. Робкие попытки приспособить постояльца к делу, впрочем, успеха не имели. Разве что когда я уж очень надоедал расспросами, Семочкин совал мне в руки заступ, и я начинал ковырять землю на станционном дворе. Под примятой травкой шел слой гильз от немецких автоматов. Ниже — трехлинеечные гильзы времен гражданской.

Здесь бывший Семеновский полк перешел на сторону белых, здесь отбивался из пулемета и застрелился комиссар Раков. А сонных его командиров расстреляли потом у этой стены. Пули, говорят, были надпиленными — разрывными. И чье-то кровавое сердце билось на булыжном мощении двора.

А мощение и правда красивое. Рисунок, как на британском флаге, из булыжников покрупнее. Мелочь тоже на подбор. Но что изумило даже Семочкина — это дренажная система. Она работала! Стоило только почистить колодцы.

Еще в воздухе не пахло никакими переменами, но в тот год зеленую бутылку из-под лимонада Семочкин замуровал в станционную стену. Вечером, за чаем, я спросил у него, зачем ему понадобилась эта бутылка и почему он по крайней мере не вложил в нее записки для потомства?

И он ответил, что если и на этот раз стену сломают и бутылку найдут, то для таких потомков и писать что-либо глупо.

Реставратор, он уже тогда знал, что стена эта — навсегда.

И бутылка в цементном растворе адресовалась вечности.

ДРУГОЙ МУЗЕЙ

Не от Ефрема Сирина и не от вещей птицы произвел Владимир Набоков свой литературный псевдоним. Имя смотрителя из повести Ивана Белкина превратилось в имя писателя-эмигранта: В. Сирин — С. Вырин.

— Понимаешь,— говорит Семочкин,— они свою Россию аж за океан утащили...

— Да нет,— возражаю,— Набоков не утащил, он ее воссоздал.

— Именно что утащил. С болью ее, с культурой, со всеми самоцветами, закатами и самой землей.

Из рукописных записок брата моего прадеда, музыковеда К. Н. Чернова. 5 июля 1925 года:

В двенадцати верстах от станции Елизаветино по Балтийской железной дороге и в семнадцати верстах от Сиверской по Варшавской железной дороге при истоке реки Оредежи раскинулась большая деревня Старое Заречье. Местность здесь ровная, кое-где с небольшими холмами... Почва хотя и плодородная, суглинистая, но вся усеяна камнями и валунами. Вероятно, здесь когда-то проходил берег моря. Кругом лиственные и еловые леса и богатейшие покосы. Мощные деревья иногда поражают своей толщиной и высотой, трава с массой цветов, удивительно сочная. Несмотря на обилие воды (многочисленные разветвления истоков Оредежи с ключевой водой, массой бьющей не только по берегам реки, но даже в лесу в оврагах, затем другой реки Мало-Зарецкой) — а отсюда густые туманы по вечерам,— местность здесь отличается удивительно здоровым климатом. Я по крайней мере не помню здесь никаких эпидемий. Народ все здоровый, рослый и зажиточный. В реках много рыбы: в Оредежи — форели и хариусы, в Мало-Зарецкой — щуки и прочая мелкота, а в шести верстах по дороге к Рождествену протекает еще Черная речка (по цвету железистой воды) с налимами. Когда-то были раки, но теперь они исчезли. Всякой дичи было так много, что стоило выйти в сад перед мызой, чтобы принести зайца, а на речку, чтобы убить пару уток. Славилась охота и на вальдшнепов, тетеревов и даже на глухарей. Не было недостатка в пушном звере,— от волков и медведей до лосей...

По удивительной живописной дороге из Заречья путь шел в деревню Грязно (10 верст), за ней в полутора верстах село Рождествено. У Грязно дорога круто сворачивает влево и через Песчанку (бывшее имение Быковых-Любощинских), где теперь санаторий в бывшей мызе присяжного поверенного Крузе, проходит через деревню Выру и Межно...

Через Оредежь можно проехать в деревню Батово, бывшее имение Набоковых (министра юстиции при Александре II). Это и было имение Рылеевых. Неподалеку за Даймищем в сосновом бору бывшая усадьба Кривошеина на живописной Красной Горке. Почти у самой реки, несколько в стороне от нее, на крутом, красного песчаника берегу виднеется большой грот, уходящий под землю. Здесь, по преданию, перед арестом скрывался Рылеев. Это, конечно, басня... но как легенда сказание это любопытное. Не знаю, как глубоко уходит в землю этот грот, от чего он образовался... но теперь ни у кого нет охоты лезть в зияющую темнотой пещеру, довольно низкую при выходе.

Из Батова путь в имение Рукавишникова, известного в свое время богача-откупщика, приобретшего эти земли чуть ли не за карточный долг... При въезде на деревянный мост после крутого спуска к реке теперь еще виднеется на высоком холме дом, принадлежавший Рукавишникову, бывший путевой дворец Павла I.

Дом жив и сегодня. В нем теперь музей.

Это, наверное, единственное в России место, где еще в 70-х проводились (тем же Семочкиным) вечера Набокова, где в витрине можно было прочитать набоковские стихи, где смотрели на случайного или неслучайного посетителя выцветшие фотографии из семейного альбома Набоковых 1896—1897 годов.

Описанный в романе «Подвиг», альбом этот не сгорел, как полагал Владимир Владимирович. Чудом пережил все смуты, сохраненный в одном из крестьянских домов, и был передан музею.

Серебро на старинных карточках порыжело, серебро накладных пластин переплета, видимо, сгинуло в недрах торгсина, но не зря через десятилетия писатель вспоминал именно об этом собрании семейных фотографий.

Сюжет вполне патриархален: помолвка отца, Владимира Дмитриевича Набокова, с Еленой Рукавишниковой, будущей матерью писателя. Помолвка — дело хлопотное и суетное. Встретились и вот-вот породнятся два мира — аристократы Набоковы и золотопромышленники Рукавишниковы. Что выйдет из этого, еще никто не знает. Но, Господи, какие чистые, какие свободные лица!

Да что там господа... Где теперь эти лица крестьянские, полные достоинства и силы? Где те оранжереи, коровники-игрушки, цесарки? Где все — форель и медведи?..

Сам альбом пришлось из витрины быстренько укрыть в несгораемый ящик. Слишком страшным было сопоставление.

Музей в рождественской усадьбе начинался как колхозный.

Совхозу, с его идеологией «завезенных» сельхозработников, с нищетой и миллионными дотациями, музей стал не нужен.

Вступились многие. В том числе и «Огонек». Было это прошлым летом.

И помогло. Теперь музей на балансе у государства, старая экспозиция демонтирована.

Новой пока нет.

Евгения и Валерий Мельниковы, да еще сторожиха, да двое новеньких (приживутся — не приживутся?) — вот и весь штат.

Есть счет на восстановление усадебного дома В. В. Набокова (год он был его владельцем после смерти дяди), по крохам собирается сумма. И, конечно, когда-нибудь соберется.

Но когда я пишу эти строки, мне довольно трудно сохранять стилистическое равновесие: да за кого мы себя самих держим, если уникальный для всего Северо-Запада деревянный ампирный дворец, памятник рубежа XVIII—XIX веков, дом, чудом не погибший в революцию, коллективизацию и две войны, гнездо русского гения XX века, разваливается и гниет?

Вступив в 1973 году в Международную конвенцию по авторскому праву, мы позволяем себе не платить ни авторам, ни их наследникам. Я не оцениваю этого факта. Я вообще о другом. Сегодня десяток издательств поправляют свое финансовое положение за счет русского писателя Владимира Набокова, ни копейки гонорара никому не выплачивая. Но найти статью и перечислить хоть часть сверхприбылей на восстановление дома писателя и становление в нем музея никому и в голову не приходит.

То же с домом Набоковых в Ленинграде, на Морской (ныне Герцена), 47. Там целы интерьеры, витражи, камины и даже люстра над лестницей. Там мог бы быть музей российского зарубежья. Но вместо, как в насмешку,— похоронная контора и Управление по делам издательств.

Более того, уже поговаривают, что хотят обратиться через один из общественных фондов к родственникам Набокова. Мол, подайте на восстановление.

Или революционный лозунг «Грабь награбленное!» с материнским молоком всосался в нашу кровь? Или мародерство в ведомственном масштабе (я о тех же издательствах) уже не мародерство?

Не рассчитываю на ответ и потому сообщаю для читателей «Огонька» номер и адрес счета:

«Дзержинское отделение Жилсоцбанка Ленинграда, р/с 14000142343 МФО 171047, Дирекция Объединения музеев Ленинградской области. На восстановление усадебного дома В. В. Набокова». (Последняя фраза обязательна.)

«УЕЗДНЫЙ СЕН-СИМОН»

Помните, в «Струфиане» у Давида Самойлова: «В провинции любых времен есть свой уездный Сен-Симон...»?

Семочкин — этого закала. В начале восьмидесятых он опубликовал в журналах несколько статей об экологии Северо-Запада, о том, как самому построить дом...

Поначалу журналы за нового автора ухватились: самородок, пишет о простом... Потом наступило взаимное охлаждение. Семочкин не хотел и не мог просто о гвоздях и просто о вреде ядохимикатов. Он заумничал, повествовал о Домостроительстве, о Боге. Это уж ни в какие ворота не лезло.

Затем он написал работу о симметрии и асимметрии, где доказывал в духе византийца Григория Паламы, что гармония всегда асимметрична, разомкнута на Бога. Это и в жизни, и в художественном произведении, и в семье. И есть нечто, несводимое к симметричным схемам рационального знания.

Он знает это не теоретически.

Вот та же часовня Козьмы и Демьяна, которую он возводил за станционными сараями.

Спрашиваю, мол, почему она все же другая, чем на том, послевоенном фото? Более коренастая, что ли...

— А это потому, что я размеры с фотографии снимал, а вертикального искажения не учел. Мне потом один фотограф объяснил.

— Но на фото-то она стройная!

— Конечно. На фотокарточке глаз сам берет поправку на перспективу.

— Будешь переделывать?

— Пока нет. Пусть постоит как памятник упадку мастерства.

Красота не творится в подполье. Это сегодня, до того как сколачивать шатровые фермы, он сделает фанерный контур, со всех сторон прикинет. Это сейчас, заканчивая — вновь по своему проекту и вновь со своей бригадой, пополненной уже и старшим сыном Дмитрием,— деревянный храм в Псково-Печерском монастыре, он может не таиться. И с пропорциями там, видимо, все будет в порядке.

Или семочкинские строения — дом, часовня, храм — или барачные пятиэтажки. На одной земле вместе им не стоять.

Или свободная мысль и свободный труд — или крах и прах.

Вот, может быть, главная причина сегодняшних антиномий. К примеру, той ненависти среднестатистического, лишенного собственности государственного батрака к кооператору. Ужаса и капитанов, и галерников административной посудины перед художником, предпринимателем, творцом.

Бригада у Семочкина — кооператив. Потолок зарплаты установили на общем собрании — 300 рублей. Остальное, что заработают,— на развитие технической базы. И у них, у этих сельских кооператоров, уже два дома заложены в той же Выре. И если их не задушат налогами, не прижмут к стенке чиновными рогатками да расценками, через два десятилетия это будет совсем другая Выра. И набоковский альбом не надо будет прятать в сейф.

Не строительством они заняты, а Домостроительством, эти православные мужички, уже прозванные за нательные свои крестики в Выре «Богостроем». Но что делать, если в бригаде — так уж состоялось! — большинство верующих христиане? Креста на груди не утаишь.

Деревня посмеивается, впрочем, вполне добродушно.

И присматривается: что у этих ребят выйдет?

ВЕЛИКАЯ ВЫРА

Его план в двух словах звучит так: от цивилизации — к культуре! От корыстных нужд прогресса, пожирающего людей и себя самого, от симметричных ценностей и машинной индустрии — к утверждению человека на земле, к культуризации жизни, а также и промышленности. Семочкин считает, что исходить надо не из машинных форм, а из витальных, живых. И если это жилье. И если это предприятие (никаких отходов и отбросов в среду обитания, только замкнутый цикл!).

Сопряжение экономики с Нравственным законом под силу только здоровому и очень сильному обществу. Но уже сегодня надо стремиться к гармонии и в хозяйственной деятельности.

Тем более что есть опыт. Купцы Чикины умели ж как-то совмещать мельничное производство с форелевыми садками. И Набоковы с Рукавишниковыми как-то сопрягали свой интерес с бесплатными больницами и читальнями, с народными промыслами (вплоть до выставок в Париже!), народным театром и всем, что нам разве во снах и видится.

Мы, живущие на разоренной земле конца XX века,— наследники двух линий русского идеализма. Разница лишь в том, что одни ради светлого завтра могли переступить через человека, а другие нет.

Сегодня Выра с окрестностями — лоскутное одеяло ведомственных, частнособственнических интересов. Ведомства — временщики на земле, вот и грабят ее, как могут. Травит землю совхоз-гигант. В Батове, прямо против останков рылеевской мызы,— птицефабрика «Заводская», бетонный, вонючий концлагерь для кур и гусей. У военного ведомства здесь учебный аэродром, о котором уже столько писали и били в теленабат. Самолеты взлетают прямо над головами пионерлагерей и детских садов. А случается, и падают. Шоссе, разрезающее Выру и Рождествено вдоль, уже вплотную притерлось к окнам. Поток машин на уик-энд таков, что дорогу перейти можно, лишь проскользнув перед колесами.

У Семочкина за пять лет две собаки побывали под ними.

Да, самолетам надо летать, машинам ехать, а городу питаться. Но все построено так, как если б под предлогом перевозок и Продовольственной программы некто стал бы ездить на живых людях, да еще отгрызал от них, живых, кусочки повкуснее. Вот, были по дороге в Заречье поросшие бором Замостские горушки. Под ними оказалась гравийная смесь, так необходимая для строительства тех же дорог.

Горушки стали котлованами.

Плохо? Очень плохо. Но ошибетесь, если решите, что Семочкин видит зло в самом исчезновении горушек. Хотя он на них рос и про те боровики под теми соснами помнит и сейчас. И всегда будет помнить. Плохо, что, вычерпав до грунтовых вод, разработчики ниже не пошли, бросили яму. А еще несколько метров — и встали б здесь озера. Запускай карпа, строй кемпинги... Это Семочкин и называет культуризацией.

Он мечтает возродить крестьянские промыслы, мельницы на Оредежи, сельские ГЭС, теплицы, сады и пасеки. Он мечтает о возрождении здесь культуры мастеров, о туристическом центре, но не в духе «диснейленда», а о таком, где землей и красотой не торгуют ради удовольствия, где землю и ее красоту бережно показывают. Тем более что туристический поток в Выру ширится год от года. И нужны гостиницы, и можно организовать и охоту, и рыбалку, и будут деньги в валюте, и все окупится. Только вложите сейчас, пойдите на объявление верхнего течения Оредежи историко-культурным заповедником. Не музей нужен, а опыт восстановления инфраструктуры самой жизни.

Земля еще не полностью разорена. Она вернет вложенное в нее. Найдется применение аэродрому (аэроклуб, дельтапланы!), встанут хутора, придет на землю хозяин.

Разумеется, Семочкин понимает: тут, кроме желания, кроме этого его вопля, требуются и весьма высокие решения. Скажем, Верховного Совета РСФСР. Но я почему-то уверен, что Семочкин не только рано или поздно станет народным депутатом, но и добьется своего.

ЕЩЕ О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ГЕРОЕ

В середине семидесятых, когда страна уже не верила ни в Бога, ни в светлое будущее, на ответственном совещании было решено воспитывать народ на положительных примерах. Установка эта приняла вид соответствующего циркуляра и спущена была редакциям газет, а также прочим идеологическим и воспитательным учреждениям. Началась массовая переквалификация журналистов в дворники. Ушел из газеты и автор этих строк. И очень удивился, что, отказавшись искать своего героя-оптимиста, очень скоро его встретил.

Было ему тогда немного за тридцать. А этой осенью исполнилось уже пятьдесят. Родственники подарили на день рождения мешок овса и жеребенка. Потому что какое же это хозяйство без лошади? И можно ли ее заменить кооперативным грузовиком, купленным бригадой тоже по осени?

Помню, как мечтал сельский архитектор ставить дома и храмы, мечтал и о собственном коне в стойле. И ничего еще не предвещало, что все состоится. Ничего, кроме жажды того, чтобы состоялось, свершилось, повернулось по-человечески.

И однажды, когда приятели сунули мне от руки переписанные стихи Набокова, по приезде в Выру я дождался, пока Сан Саныч оторвется от верстака в полуподвале и сгребет стружки. Так, со стружками в руках, я и попросил его постоять минуту-другую и с тщеславием гонца, принесшего очень важную весть в осажденную крепость, продекламировал:

Кто в осеннюю ночь, кто, скажи-ка на милость,
в захолустии русском, при лампе, в пальто,
среди гильз папиросных, каких-то опилок
и других озаренных неясностей, кто
на столе развернет образец твоей прозы,
зачитается ею под шум дождевой,
набегающий шум заоконной березы,
поднимающий книгу на уровень свой?

Когда в 42-м Набоков писал это, Выра была оккупирована. В домике станционного смотрителя располагалась комендатура. Скоро каратели сожгут Заречье, погибнет в огне и дом, построенный специально к свадьбе Владимира Дмитриевича и Елены Рукавишниковой.

Как угадал, как увидел это Набоков сквозь полыхающий сумрак Отчизны и несколько десятилетий? Лампу, осенний дождливый вечер, опилки и прочие «озаренные неясности», человека в пальто и березу за окном? Или и впрямь, обернувшись бабочкой, он прилетал сюда «вдоль по времени»?

Подозреваю, что так. И не в мистике дело — в Даре.

Когда статья была уже дописана, стало известно, что из Америки для Рождественского музея передали посылку — коллекцию бабочек, пойманных энтомологом Владимиром Набоковым.

Нет, конечно, дело не в мистике. Но когда знаешь, что твой отец отступал по этому тракту в 41-м, а твоя бабка в детстве дважды тонула и все-таки не утонула в Оредежи, а прапрадед лежит под алтарем этой церкви (похоронили у церкви, но она была деревянной и сгорела, а после построили эту большую, краснокирпичную), а сам ты лет десять назад вместе с Семочкиным с этой колокольни, с ее навылет простреленными колоколами, спустился на землю, обнимая старинную переписную книгу, и на синих страницах, забрызганных елеем и голубями, разобрал имя безвестного пушкинского знакомца («Вырской почтовой станции смотритель Тимофей Садовский...») и бубнил под нос кушнеровские строки «Под этими, под полуразвалившимися колоннами на ощупь деревянными, так мраморными ловко притворившимися, ампирными с их гибельными ранами»,— с временем действительно начинают происходить чудеса. Добреет оно, что ли, при всей его крови и тлене?

* * *

Странные переосмысления дарит нам Мнемозина.

Красный конь Петрова-Водкина считается пророчеством о революции. И мало кто обращал внимание на полоску красного берега на заднем плане. «А ты знаешь,— говорит Семочкин,— что это наш красный берег? Петров-Водкин сюда на этюды приезжал».

Потом, вглядываясь в фотографии тенишевского гимназиста, я долго стану вспоминать, где же видел я это лицо, этот надменный и ясный взгляд. И лихорадочно стану листать водкинский альбом. Вот он, этот мальчик, на красном своем коне. И вот еще «Голова юноши» 1910 года. И тот же алый берег за ним.

Еду в Русский музей, где мне вежливо объясняют, что на коня художник посадил своего племянника Шуру. Неужто так похож? Нет, у Шуры другое лицо — коротконосое, деревенское. Вот он на карандашном эскизе к совсем другой картине. И сбоку приписка «С Шуры».

В двадцатые Петров-Водкин жил в этих местах на даче. Вновь еду к Семочкину, мол, откуда знаешь, что он бывал здесь и в десятые? Не помнит. Говорит, что где-то читал. Перерываем вместе все газетные и журнальные вырезки. Ничего... И о знакомстве с Набоковым — тоже ничего.

Совпадение? Еще одна бабочка, набоковская бабочка, на сей раз залетевшая на всемирно известный холст?

В. Набоков в Ривьере (1938 г.) и в Кембридже (1922 г.).

К. Петров-Водкин. «Голова юноши» и «Купание красного коня» (фрагменты).

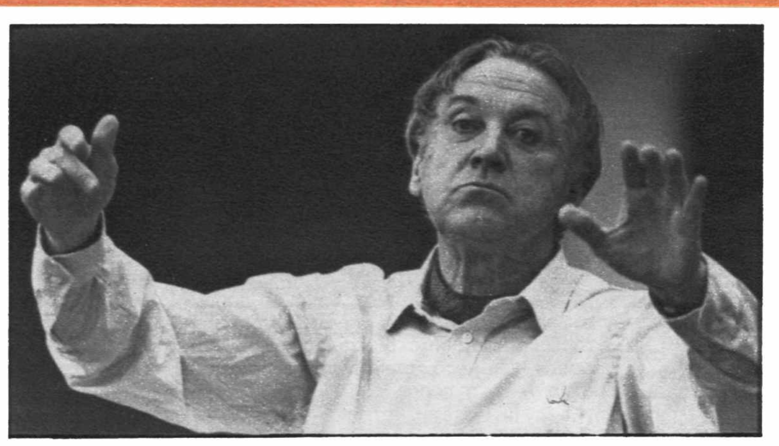
ПОЧЕМУ Я ОСТАЛСЯ НА ЗАПАДЕ

Возвращение народу отнятых у него имен — целительный процесс. Сегодня «Огонек» печатает документ, написанный моим отцом — дирижером Кириллом Кондрашиным более десяти лет тому назад, когда в декабре 1978 года он принял решение не возвращаться после гастролей в Голландии на Родину. В свое время этот факт явился полной неожиданностью для всех, даже для людей, близко отца знавших. Можно было только догадываться, какое страстное желание творческой и личной свободы горело в этом преуспевающем (и отнюдь не легкомысленном) 64-летнем дирижере и профессоре Московской консерватории, если он нашел в себе силы оставить все им достигнутое и начать в этом возрасте новую жизнь.

Творческие причины этого поступка, о котором, кстати, отец потом никогда не жалел, объясняет публикуемый документ.

После кончины отца в 1981 году госпожа Нолда Брукстра, женщина, которую отец встретил в Голландии, полюбил и с которой связал оставшуюся жизнь, явилась инициатором и организатором замечательной акции, предназначенной для увековечения имени Кондрашина. При поддержке правительства Нидерландов радиокомпания NOS, другие организации, при финансовой помощи многих видных музыкантов и просто любителей музыки учредили международный конкурс молодых дирижеров его имени. Тщательно сохраняется госпожой Брукстра архив отца — его переписка, книги, записи. Она любезно предоставила предлагаемый вашему вниманию документ.

Петр КОНДРАШИН.

Мне 64 года, 47 лет я уже стою за пультом. Однако я чувствую в себе еще много нереализованных возможностей, выявить которые в условиях жизни в Советском Союзе я не могу.

Неверным было бы сказать, что я находился в худших условиях, чем другие советские артисты. Кое в чем даже в лучших, как один из ведущих дирижеров (но отнюдь не как член партии, что будет видно из дальнейшего). Однако система контроля и подавления творческой инициативы со стороны Министерства культуры такова, что работник искусства в Советском Союзе способен реализовать лишь незначительную часть своего творческого потенциала.

Первые 24 года я работал в опере. Существующий в СССР культ певца и низведение роли дирижера до функции аккомпаниатора заставили меня уйти с высокого поста дирижера Большого театра и переключиться на симфоническую деятельность. В 1960 году я стал главным дирижером симфонического оркестра Московской филармонии.

В СССР крайне велика дифференциация в оплате труда артистов различных оркестров. Когда я принял оркестр, члены его получали, как и почти во всех оркестрах страны, от 100 до 150 рублей в месяц (в масштабах сегодняшних цен). Однако одновременно было шесть оркестров, получающих оплату от 200 до 500 рублей в месяц (то есть больше в три с половиной раза!). Эти нелогичные оклады (ведущий солист оперы получал тогда 400 рублей в месяц) были установлены лично Сталиным в 1946 году и внесли полный хаос во всю систему оплаты труда творческих работников (этот хаос продолжается и до сих пор).

Естественно, что оркестр Московской филармонии был тогда не из лучших. За 16 лет работы в нем мне удалось вывести его в ряды ведущих коллективов и даже добиться повышения оплаты до 150—300 рублей в месяц. Некоторое время оркестр был на высоте, однако все еще существующая диспропорция в оплате привела к тому, что лучшие музыканты стали переходить в более высокооплачиваемые коллективы. Оркестр пошел вниз, и я был бессилен помешать этому.

Два года назад я покинул оркестр и перешел на педагогическую работу, соединяя ее с гастролями по стране и за границей.

Министерство культуры и Госконцерт определяют максимальное пребывание советского артиста за рубежом в 90 дней в году. Каждый день сверх этого требует специального разрешения, которое артист вынужден испрашивать сам, несмотря на бесспорные материальные и моральные выгоды для Госконцерта. Этот лимит одинаков для всех, несмотря на жанр (дирижеру, например, нужна неделя для подготовки одного выступления), возраст или положение артиста.

Хотя в отношении меня последние годы и делались исключения, тем не менее часто Госконцерт отказывался от творчески интересных предложений, если они слишком расширяли мои сроки, порой даже не ставя меня в известность. Каждый раз, когда меня спрашивали на Западе о возможных сроках для будущих визитов, я сгорал от стыда, отвечая: «Обратитесь в Госконцерт, так как советским артистам запрещено самим регулировать свои гастроли».

В Советском Союзе сейчас почти прекращена запись оркестров на пластинки. Последнее резкое снижение оплаты за такие записи привело к своеобразной забастовке: оркестранты не желают делать их сверх своего рабочего времени (записи происходят ночью, так как нет специальных помещений). Это лишает меня возможности зафиксировать свои интерпретации, в чем жизненно заинтересован каждый артист. Но одновременно мне запрещают делать записи и за рубежом. Концерт-гебаудоркестр в течение ряда лет обращался в Министерство культуры с просьбой разрешить мне записывать пластинки с компанией «Филлипс». После пяти лет (!) отказов мне разрешили сделать один диск, предупредив, что для других необходимы новые переговоры и что я должен записывать не русскую, а только западную музыку(?!).

Формируя свой репертуар как в Советском Союзе, так и за рубежом, советский артист находится под многостепенным контролем. Высчитывается процентаж соотношения советской, русской, западной и даже музыки национальных республик, причем качество самой музыки игнорируется. Ряд выдающихся произведений фактически запрещен к исполнению (симфония «Бабий Яр» Шостаковича, 2-я симфония Шнитке, опера «Мастер и Маргарита» Слонимского, ряд произведений Эдисона Денисова и т. д.). Артисты, давая программу на Запад, обязаны ее согласовать с чиновником из Госконцерта, который, ссылаясь на анонимные распоряжения сверху, вправе наложить veto на любое произведение (кстати, Прокофьева и Шостаковича даже не учитывают как советскую музыку при вычислении процентов). Артист бессилен против этого произвола.

Ощущение собственного бесправия и неполноценности еще усиливается неодинаковым отношением Министерства культуры к различным артистам: уже давно Святослав Рихтер, а с недавних пор и Гидон Кремер имеют свободный выезд в любой момент и бесконтрольную деятельность на Западе.

Я не оспариваю величия этих музыкантов, но мне непонятно, почему только они имеют такие привилегии? Я обратился в Министерство культуры с просьбой предоставить такую же возможность и мне, на обычных финансовых условиях Госконцерта (я возвращаю до 90% своего гонорара), но получил отказ.

Я вступил в партию в 1941 году, когда многие молодые люди безоговорочно верили в Сталина и бескорыстно хотели, морально причислив себя к авангарду интеллигенции, помогать стране. Так поступили тогда и такие артисты, как Давид Ойстрах, Яков Флиер, Яков Зак, и многие другие.

Никаких материальных преимуществ наше членство в партии нам никогда не приносило. На Западе существует неверное мнение, будто каждый член партии находится в привилегированном положении. Это далеко не так. Творческой карьере партийный билет не помогает, а стесняет ее, так как члены партии более «управляемы» и часто в творческих вопросах вынуждены уступать распоряжениям партийных чиновников. Отказ в просьбе предоставить мне статут Рихтера и Кремера (оба беспартийные) достаточно показателен. Карьеру же за счет партийности делают только бюрократы от искусства, занимая административные посты директоров филармоний или начальников отделов искусств в руководящих организациях.

За последние годы моя принадлежность к партии накладывала на меня громадный моральный гнет, заставляя чувствовать личную ответственность за то, что происходит в искусстве. Повлиять на высокие инстанции рядовой член партии бессилен, хотя я и пытался неоднократно это делать выступлениями на партийных собраниях и письмами в партийные органы, а выход из партии в условиях Советского Союза невозможен. Это значит объявить себя диссидентом и лишиться работы, не говоря уже о выездах за рубеж. На это у меня не хватило мужества.

Решению порвать с Советским Союзом помогло несколько последних событий в области культуры.

Некоторое время тому назад один из наших лучших дирижеров, Геннадий Рождественский, ушел с поста главного дирижера Радиооркестра (один из лучших и высокооплачиваемых коллективов) из-за расхождений с руководством Радиокомитета. Его заменил дирижер Федосеев, до этого руководивший оркестром народных инструментов. Через некоторое время лучшие музыканты оркестра открыто стали его критиковать на собраниях за некомпетентность. В ответ на это Федосеев, при поддержке руководства радио, представил к увольнению 25 ведущих солистов, то есть всех тех, кто его критиковал.

Это обеспокоило всю музыкальную общественность. Группа ведущих композиторов во главе с Хачатуряном отправилась в Центральный Комитет партии с протестом. Их выслушали, но ничего не обещали. Я, как член партии, тоже не смог остаться в стороне и послал личную телеграмму Брежневу с просьбой предотвратить расправу и гибель оркестра.

Вскоре я был принят секретарем ЦК КПСС Зимяниным, который занимается вопросами идеологии. Наш разговор ни к чему не привел, и я ушел с ощущением бесполезности логических доводов. Через несколько дней разгон оркестра стал фактом и вакансии были заполнены плохими и неопытными музыкантами. Мы лишились первоклассного оркестра.

Это была моя последняя попытка своей партийностью повлиять на события. Я понял, что мнения специалистов игнорируются, когда надо поддержать авторитет бюрократии, даже во вред советской культуре в целом.

Вторым моментом, толкнувшим меня к моему решению, было лишение Ростроповича советского гражданства. Вместо того чтобы гордиться этим титаном музыки и привлечь его талант на

служение авторитету Советского Союза, его, только за дружбу с Солженицыным, лишили возможности работать в СССР, а затем и отняли гражданство. Я знаю, что никаких политических заявлений Ростропович на Западе не делал и это решение было лишь актом мести.

И последний штрих — письмо дирижера Жюрайтиса в «Правду» относительно предполагаемой постановки «Пиковой дамы» Чайковского в Париже. Зачеркивая право художника на творческий эксперимент, оно в бездоказательной и оскорбительной форме охаивало еще не осуществленную работу наших выдающихся артистических деятелей, фактически лишая их права апелляции (с «Правдой» в Советском Союзе не спорят!). Оно мне напомнило «бульдозерную» выставку художников в 1974 году. Невыносимо видеть, когда грубая сила подавляет все даже без попыток постараться понять сущность вопроса.

Напрашивается вопрос: почему я не эмигрировал легально?

Мое решение созрело относительно недавно. Зная обычную волокиту в решении этих вопросов (артист Ленинградского балета Панов, например), особенно в отношении старого члена партии, я не сомневался в многолетнем ожидании (с лишением работы и права гастролей). Даже в случае получения разрешения я должен был бы дожидаться два года, пока младший сын (у меня 3 сына — 20, 22 и 33 года) отслужит в армии. В моем возрасте я себе этого не мог позволить.

Я понимаю очень трудное положение, в котором находится сейчас моя семья, для которой мой шаг оказался полной неожиданностью. Я только надеюсь, что через некоторое время Запад поможет мне воссоединиться с моими родными, если они этого захотят.

Я сознательно не просил политического убежища. Советская власть дала мне образование, я очень за это благодарен, всю жизнь старался верно служить своей стране и никогда ничего не делал ей во вред. Я только протестую против произвола в области искусства и хочу верить, что, может быть, своим отчаянным шагом смогу еще раз обратить внимание руководителей страны на это.

Таковы главные мотивы, приведшие меня к очень тяжелому и ответственному шагу. Я больше не в силах выносить нажим со стороны некомпетентных чиновников и хочу остаток своих дней прожить в условиях творческой свободы. Мне кажется, что талант артиста не принадлежит ему одному, и если он не может быть реализован до конца, теряет все человечество. Шаляпин и Кусевицкий творили последние годы на Западе, однако они множили славу русского искусства. Так же поступают сейчас Ростропович и Нуриев, и многие другие. Я верю, что смогу тоже внести свой вклад в историю русского исполнительского искусства, безразлично, где бы я ни дирижировал.

1979 г.

ИЗ ПИСЕМ ОТЦА

21 марта 1979 года. Дортмунд. ФРГ.

Мой милый Петя!

Большое спасибо тебе за привет, который дошел до меня. Это было в самый тяжелый период моего состояния после случившегося, и это меня очень поддержало, тем более что ты был первым из моих родных, пославшим мне теплое слово.

Теперь моя жизнь входит в колею. Возобновил концерты после 3-месячного перерыва. Сейчас нахожусь в турне по ФРГ. Самым трудным оказалось, помимо моральной депрессии, о которой страшно даже вспомнить,— это избежать каких-либо контактов с прессой, чтобы не делать политических заявлений. Это удалось — рецензии после концертов были только профессиональные (и очень положительные), и никаких намеков на мотивы моего решения...

22 июля 1979 года. Амстердам.

В личном плане все очень хорошо, но, конечно, мысли о детях, оставшихся «там», посещают все время. Очень обидно, что вы не можете приехать сюда хотя бы на время, чтобы повидаться. Остается надеяться на какие-нибудь перемены (все бывает в жизни!). Одно только могу тебе сказать совершенно искренне — я сам чувствую, и все единодушно отмечают новый этап в моем дирижировании, углубление, большую искренность. Возможно, это результат моральных переживаний, с одной стороны, и чувства раскрепощения — с другой, но так или иначе, если мне суждено еще несколько лет так же активно функционировать, вам не придется краснеть за фамилию, и я сумею доказать смысл своего поступка: ведь в СССР я уже выходил в тираж.

28 августа 1979 года. Амстердам.

Встречают (и провожают, что важнее) очень тепло, и это чувство твоей «нужности» так контрастирует с безразличием к музыке и ее представителям, которое ощущалось мною последние годы особенно болезненно, что хочется «выдать» все, что имеешь, без остатка...

...Очень хорошая пресса — особенно отмечают мое умение трансформировать звучание оркестра, отличное от привычного.

19 ноября 1979 года. Амстердам.

Я собираюсь на Рождество и Новый год устроить себе отпуск — сделал перерыв в концертах и хочу поехать на две недели в Швейцарию в горы. Зато потом весьма густо — в январе Япония, оттуда в Мюнхен, из Мюнхена в Вашингтон, из Вашингтона в Париж и т. д. и т. п. Пока есть здоровье и силы, не хочу останавливаться. Надоело последние годы в Москве чувствовать себя пенсионером и зависеть от прихоти Госконцерта и докторов...

12 декабря 1980 года. Вена.

...После госконцертовских поездок во второсортные оркестры я наслаждаюсь успехом в самых высоких — таких, как Венская филармония или Филадельфия. Подписал контракт на пост главного дирижера Баварского радиооркестра начиная с сезона 1982—1983 года, но буду появляться там регулярно уже теперь. Это второй по престижности и качеству оркестр в ФРГ (после караяновского), им руководил до последнего времени Рафаэль Кубелик, но уже 2 года он оставил руководство, и они очень придирчиво искали другого шефа. Я очень доволен этим приглашением — это и признание, и возможность зафиксировать на пленки, пластинки и телефильмы лучшее из моего репертуара — радио в этом отношении обладает большими возможностями...

...Заканчиваю переработку моих книг о дирижировании и думаю издать в Германии или Англии. Педагогикой начал заниматься в Голландии, и желающих очень много, но столько путешествую, что решил ограничить эту сторону пока только консультациями и проведением курсов — здесь это принято во всех странах по месяцу — мой следующий заход — август 1981 года в Голландии. На мои репетиции в Голландии и Германии приезжают много молодых студентов-дирижеров и даже профессионалов, и я с удовольствием консультирую их...

...Не хватает вас — детей, плюс, конечно, беспокойство за вашу судьбу. Поэтому вполне понимаю желание избежать явных контактов...

Так что, как видишь, в новой жизни есть и светлые, и теневые стороны. Знай, пожалуйста, что даже редкие весточки от тебя мне помогают, и я их очень жду.

В том ряду поэтических строк и имен, который выстраивается на наших глазах в последние годы на страницах журналов, все отчетливее обнаруживается нечто общее — при всех различиях. Мы как-то не относим к поэтическому миру, к отношениям людей, говорящих меж собой на поэтическом языке, вечное правило: «Много званых — мало избранных». Читателей стихов во все времена, без оглядки на моды или спад интереса, мало. Должно быть мало. Как и пишущих стихи...

Вера Николаевна Маркова, старейшая переводчица (известны ее переложения с японского, которым она, ученица Н. И. Конрада, владеет в совершенстве), стала молчальницей по своей воле. Первые публикации появились лишь в последние годы. В судьбе ее нет внешних знаков трагедии — ее дом обошли стороной и сталинский террор, и военная бойня... Но шесть книг стихов, написанных ею, этот удивительный дневник жизни души, подвизающейся на пути Истины, невозможно читать без головокружения от досягаемой высоты или стремительного падения в бездны. Мы привыкли к играм в поэзии. В том числе и к игре в бисер. Стихотворения Веры Марковой — строгое напоминание о призвании Поэта. О том, что все в нашей жизни всерьез. И искушения, и воздаяние.

Думающий об этом «всерьез» читатель, без сомнения, воздаст Поэту сполна.

Михаил ПОЗДНЯЕВ

ЧАС ИСТИНЫ

Вера МАРКОВА

ОБЛАКО

Мне кажется, прикручено лучом,
Со мною облако вдоль жизни
бродит.
Поддерживая блещущим плечом
Обломок солнца — тот, что не
заходит.

На приторно восторженной заре,
Когда все небо солгало мне разом,
Оно одно, как древле Назорей,
Сказало правду — режущим
алмазом.

Я по догадке облаком зову
Хранителя, которого не стою.
Гроза и Свет, во сне и наяву,
В час истины поговори со мною.
1983

* * *

Короткое дыханье дня
И долгое дыханье ночи.
И ничего — ни дольше, ни короче —
Минуты.
Ни покрышки и ни дна.

Как с мясом вырвана.
Как срублена в лесу,
Просвет заклинив между елей.
А я к вертящемуся колесу
Прикована
На выгибе постели.

Отцовские дороги деревень,
Как полотенца, в пальцах мнутся.
Я, может, проморгала час и день.
С минутой мне не разминуться.

* * *

Зачем я стою в центре творенья,
Не знаю. Но вот — стою.
Как можно в бездне
искать спасенья?
Я в штате при ней состою.

Зачем наша земля изувечена,
Наш век других солоней,
Не знаю. Но тучная вечность
Питается болью моей.
1981

ВЕТКА В КУВШИНЕ

Ветка в кувшине не знает,
что срезана.
За год до мучеников Ленинграда
Мальчишки дразнили сворой
Старика из бывших месье.
Смешного.
Как безумец Евгений.
Он каркнул, пронзительно,
по-вороньи!
«А вы умрете с голоду! Все!
Умрете!»
И молния Зевеса
Блеснула в небе вещим огнем.

О друзья! Берегите неведение!
Берегите завесу.
Нужна завеса
Перед каждым часом
и каждым днем.
1981

* * *

Одни из нас были стропилами —
Надежные бессловесные бревна.
Другие —
Хлопотливые стекла
Брызгали солнцем,
Звенели от ветра.
Этот был паутиной в углу,
Тот, напротив, хозяйской метлой:
Мутным облаком пыль подымал
И ведьму носил по первому слову.
А я — я была печною трубой.
Дом сгорел, а труба осталась.

* * *

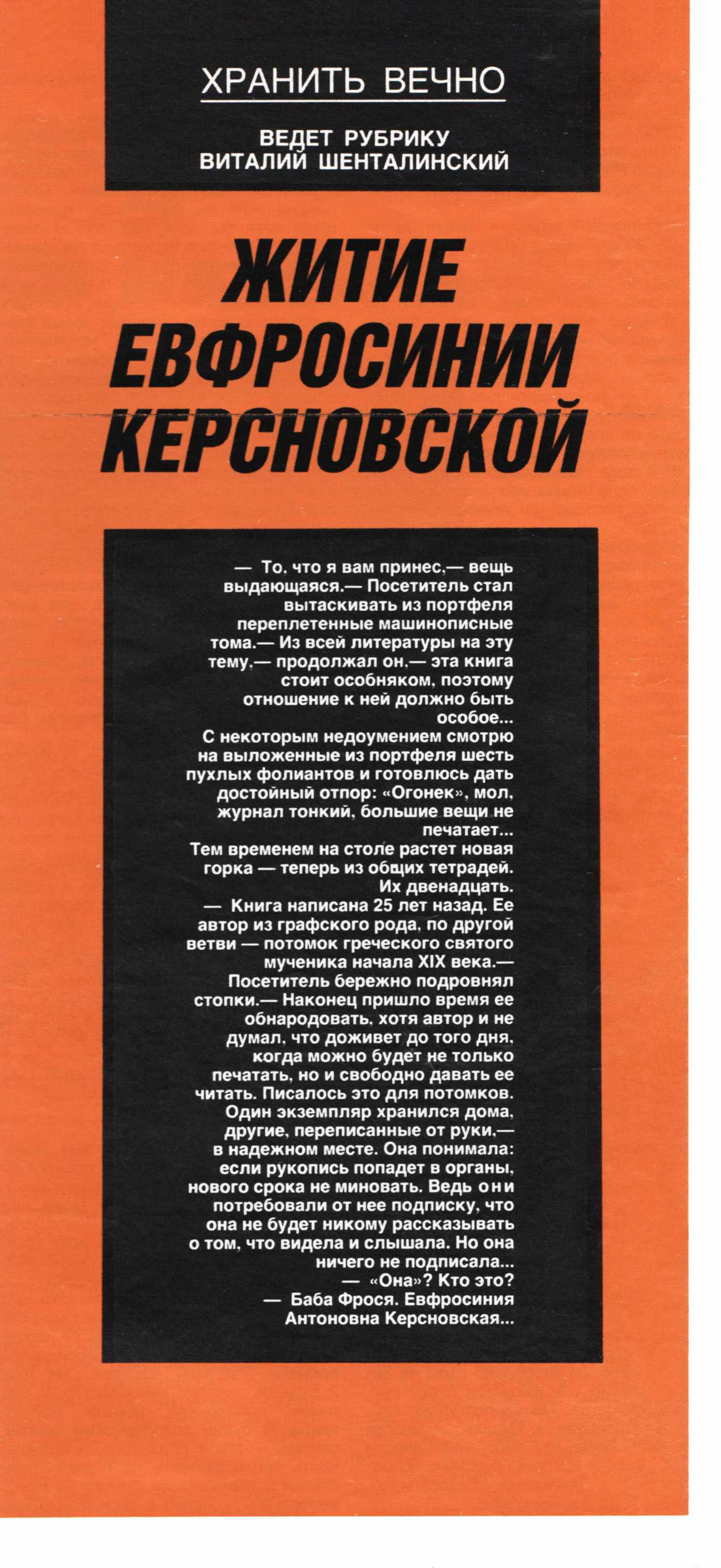
Жили-были
Маленькие глиняные
человечки,
Величались: «Мы — настоящие»,
А им отвечали: «Вы — недобитки!»
Тарарах — в мусорный ящик.
Но мертвые не имут срама.
Маленькие глиняные человечки —
Сыновья Адама.

* * *

Суесловные,
Без обжигающей соли,
Жалобы...
Я разглядеть хочу,
Не походя, но затеплив свечу,
Затаенный голос подлинной боли.

Я хочу увидеть в своем далеке
Радость, как розу на детской щеке,
Настоящую, и ничего на-подобье...

Не карликов,
Но великанов хочу
Увидеть. Зову поименно, кричу,
И первыми мне отвечают надгробья.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

ВЕДЕТ РУБРИКУ
ВИТАЛИЙ ШЕНТАЛИНСКИЙ

ЖИТИЕ ЕВФРОСИНИИ КЕРСНОВСКОЙ

— То, что я вам принес,— вещь выдающаяся.— Посетитель стал вытаскивать из портфеля переплетенные машинописные тома.— Из всей литературы на эту тему,— продолжал он.— эта книга стоит особняком, поэтому отношение к ней должно быть особое...

С некоторым недоумением смотрю на выложенные из портфеля шесть пухлых фолиантов и готовлюсь дать достойный отпор: «Огонек», мол, журнал тонкий, большие вещи не печатает...

Тем временем на столе растет новая горка — теперь из общих тетрадей. Их двенадцать.

— Книга написана 25 лет назад. Ее автор из графского рода, по другой ветви — потомок греческого святого мученика начала XIX века.— Посетитель бережно подровнял стопки.— Наконец пришло время ее обнародовать, хотя автор и не думал, что доживет до того дня, когда можно будет не только печатать, но и свободно давать ее читать. Писалось это для потомков. Один экземпляр хранился дома, другие, переписанные от руки,— в надежном месте. Она понимала: если рукопись попадет в органы, нового срока не миновать. Ведь о н и потребовали от нее подписку, что она не будет никому рассказывать о том, что видела и слышала. Но она ничего не подписала...

— «Она»? Кто это?

— Баба Фрося. Евфросиния Антоновна Керсновская...

Владимир ВИГИЛЯНСКИЙ

Условия Евфросиния Антоновна поставила жесткие: публиковать только полностью, без купюр, и только с «картинками». Условия практически невыполнимые. Издательства, которое бы напечатало полторы тысячи страниц машинописного текста и воспроизвело в цвете 685 «картинок», у нас нет.

Что касается «объема» — с этим наши издательства, может быть, еще справились бы: уместили бы шестьдесят печатных листов как-нибудь в два тома. Второе требование — «без купюр» — тоже не такое уж страшное. Хотя и с этим наверняка будут трудности: есть у Керсновской страницы, которые могут покоробить блюстителей пресной идеологической однозначности и искусных декораторов истории. Взять хотя бы начало «Воспоминаний», где описывается ввод советских войск в Бессарабию в 1940 году и высылка в Сибирь из «присоединенной» территории семей (с детьми и стариками) бессарабских фермеров, частновладельцев, интеллигенции и духовенства. Но и это — во времена, когда принимается новый закон о печати и обсуждается вопрос об отмене цензуры,— преодолеть как-нибудь можно. А вот с «картинками», да еще в цвете, дело намного сложнее. Как с нашей полиграфической бедностью, если не сказать — нищетой, не потерять при репродуцировании ни пожухлость дешевого цветного карандаша, ни фактуру пожелтевшего листа в школьную клеточку? Да еще в таком немыслимом объеме — почти 700 иллюстраций!

В «картинках», на мой взгляд, вся соль. Ну где, скажите, в какой еще стране вы найдете такого скрупулезного художника, который в школьных тетрадках ведет свою «гулаговскую» изолетопись, не заботясь ни о качестве бумаги, ни о сохранности рисунков (ох, как нужны им были бы папиросные прокладки!), ни о трудностях репродуцирования иллюстраций (слишком покаты тетрадочные сгибы)?!

По манере это типичная альбомная живопись, весьма распространенная в дворянской культуре XIX века. Только вместо пейзажей, раскрашенных цветочков, фигурок животных и сказочных персонажей здесь запечатлен весь мрак и быт сталинской эпохи в ее жестокой и зловещей обнаженности.

В этих картинках — целая энциклопедия. В них такой познавательный материал, какой не может дать ни один добросовестный мемуарист, ни один сборник документов. Цепкий глаз художника схватывает ситуации, которые никогда не могли быть зафиксированы фото- и киносъемкой (не подпускали к ГУЛАГу фотографов и кинооператоров!): жизнь тюремных одиночек и общих камер, ужасы пересылок, этапов, быт сталинских лагерных бараков, работа заключенных в больнице и на лесоповале, в морге и шахте. Керсновская помнит все — и как выглядела параша, и во что были одеты з/к, и как происходили допросы, «шмоны», драки, мытье в бане, оправка, захоронения «жмуриков», лагерная любовь. С лубочной лапидарностью, понятной и взрослым и детям, рисует она свою двадцатилетнюю жизнь в ссылке и на каторге, своих товарищей по несчастью и палачей. А какие типы в этих рисунках: вертухаи, урки, профессора, наседки, спецкаторжане, малолетки, доходяги, крестьяне, пеллагрики, мамки, коммунисты, «жучки», бригадиры, коблы, кумовья, проститутки! И все это схвачено Керсновской с кинематографической точностью. Почти нет никакой статики — все у нее движется, действует, «живет» в рисунке. Психологическая и эмоциональная нагруженность «картинок» — на пределе!

Кроме этого, рисунки играют еще одну, причем на мой взгляд, весьма важную роль. Повествование ведется от первого лица, а иллюстрации сделаны от третьего (в большинстве случаев на рисунках изображен сам автор). Взгляд Керсновской-писательницы непосредственный, как бы изнутри, а Керсновской-художницы опосредован, чуть сверху или со стороны оценивающий ситуацию и поведение героев. Эта перекличка, диалог текста и иллюстраций создает эффект объемности, стереоскопичности.

Обнаружив этот секрет, понимаешь, что условия Евфросинии Антоновны, при всей их жесткости и практической невыполнимости, не каприз, не блажь тщеславного автора.

Впрочем, когда я приехал к ней в Ессентуки и заговорил о «двух взглядах», «диалоге» и «объемности», она меня не поняла:

— Я не думала об этом. Никакой я не писатель и тем более не художник. Единственная моя цель была — отобразить все, как было, ничего не приукрашивая и не придумывая. Правда — вот мой критерий... Рисовать начала только на воле. В детстве рисовала, но мой брат — кстати, замечательный художник — посмеивался над моими рисунками, и я стыдилась их показывать. А потом вообще прекратила это занятие. Ведь на мне была ферма, хозяйство... И писать я никогда не писала... Окончила гимназию, училась недолго в ветеринарном училище... Моя мать была очень образованной, знала древнегреческий, преподавала в школе английский и французский языки. То, что я знаю девять языков, это благодаря ей. Она и папа — он был юрист-криминолог — привили мне любовь к литературе и музыке... Краски у меня появились только на поселении, в конце пятидесятых. Пробовала писать пейзажи. Они маме моей нравились... Когда мы с ней поселились здесь, в Ессентуках, она заставила развесить мои картинки по стенкам... Маму я вызвала из Румынии. Поначалу ей не давали разрешение на постоянное жительство, но Хрущев помог... Прожили мы с ней вместе после двадцатилетнего перерыва всего два года... Я ей, конечно, рассказывала о лагере. Но подчас она просто не понимала, о чем я говорю... Писать «Воспоминания» стала сразу же после смерти мамы в 1963 году — выполняла ее завещание. Написала их за год. Только потом стала иллюстрировать — в отдельном блокноте. Когда делала второй экземпляр — совместила текст с рисунками...

Я не могу точно передать речь Евфросинии Антоновны. Отвечает она односложно. После инсульта, случившегося летом 1988 года, говорить ей трудно. Но люди, ухаживающие за Евфросинией Антоновной, рассказывают, что и до болезни она никогда не была многословной. Старая лагерная привычка: не болтать лишнего, говорить только то, о чем спрашивают,— не более того.

Один ее ответ меня особенно поразил.

— У вас, наверное, много лагерных друзей, с которыми вы поддерживаете дружеские отношения до сих пор?

— В лагере не может быть друзей. Некоторым людям я очень благодарна — они там спасали мне и другим жизнь. Но дружба — это другое. Это полное доверие друг к другу. А вот этого никто себе позволить не мог. Ложью и предательством пронизана вся лагерная жизнь...

Из книги Е. А. Керсновской:

«Лагерь — это хитроумное изощренное приспособление, чтобы ставить людям ловушки, используя все их слабости, а иногда и достоинства, и добродетели — для того, чтобы, вывернув человека наизнанку, поставить его в такое безвыходное положение, что он может и не заметить, как сделает подлость, а сделав ее однажды, становится жертвой шантажа... И дальше — это, как трясина, как «пески-зыбуны»: чем больше барахтаешься, тем глубже увязаешь, и, попав на путь предательства — вольного или невольного,— назад возврата нет... За 12 лет лагерной неволи я видела много примеров такого рода трагедий. Но видела также, как люди настолько входят в роль, что этой «трагедии» и не ощущают. Более того — некоторые даже ставят себе предательство в заслугу».

Мы беседуем с Евфросинией Антоновной в ее маленькой каморке (вся часть домика — вместе с прихожей, кухней и жилой комнаткой — не более 20 квадратных метров). Здесь она тихо прожила последнюю четверть века, занимаясь своим садиком (цветы, виноград, груши) и своей книгой. Я рассматриваю нищенское убранство комнаты: разваливающийся диванчик, железная кровать, поддерживаемая какими-то ящиками, обшарпанный старый платяной шкаф,

Семья Керсновских. Одесса. 1911 г.

Лагерная больница. В первом ряду в центре — медсестра Е. А. Керсновская. Норильск. 1945 г.

печь, этажерка с книгами (Джек Лондон, Тургенев, Толстой), столик у окна, по стенкам развешаны ее норильские пейзажи, над диванчиком — иконы...

— Как вы оказались в эмиграции?

— Мы жили в Одессе. В 1919 году мой отец, известный в городе адвокат, был арестован. Мне тогда было 12 лет. Его должны были расстрелять в числе 700 человек, не захотевших, когда уходили белые, покидать родину. Мама пошла молиться за отца в церковь... Вдруг открывается дверь: на пороге — отец. Это было чудо! Конвоир, перегонявший колонну арестованных до места расстрела, узнал в отце человека, который ему когда-то помог... Мама договорилась с рыбаками-греками, и той же ночью они переправили нас по морю в Румынию. Там, в Бессарабии, рядом с городом Сороки, в деревне Цепилово, было у нас родовое поместье. «Поместье» — это, конечно, сказано слишком громко... Там мы и поселились. После того как я закончила гимназию, папа хотел продать нашу находящуюся в упадке землю, чтобы я поехала учиться в Париж,— по стопам моего брата. Но я переубедила его. Решила стать фермером. Разводила свиней и овец, сеяла рожь, ячмень и кукурузу, обрабатывала виноградник...

— Какова судьба вашей семьи?

— Отец умер накануне присоединения Бессарабии к СССР. Брат воевал против немцев на стороне французов, был тяжело ранен в грудь и в 1944 году умер от туберкулеза. Маму — после того, как нас с ней выгнали из нашего, кстати сказать, небольшого, всего в три комнаты, дома и отобрали все то немногое, что мы заработали своими собственными руками,— я отправила в Румынию. Сама же решила твердо остаться здесь... Трудностей я не боялась, любила работать, физический труд для меня не был унизительным...

Да, работы она не боялась. Однако свободный труд от каторжного существенно отличается. Многие, кто на воле считался хорошим работником, в лагере ломались: они презирали рабский труд и очень скоро превращались в «доходяг», затем быстро умирали. Но не так было с Евфросинией Антоновной. В ссылке она валила лес, в лагере работала медсестрой в больнице, в морге грузила трупы, строила дома, копала землю, ухаживала за свиньями, таскала на своих женских плечах стокилограммовые мешки и ящики, в полярный мороз убирала снег и долбила лед на железнодорожных путях, в Норильске испытала на себе все тяготы шахтерского труда (восемь лет она провела в подземелье!). Но и в нем, в этом рабском труде за пайку хлеба, она находила свои радости. Самым большим наказанием для нее было безделье. Во время этапов, пребывания в тюремных камерах она сама искала себе работу: выносила парашу, занималась уборкой и раздачей пищи. Работа была ее з а щ и т о й. Об этом Евфросиния Антоновна не пишет, но мне кажется, что трудом она защищалась от уныния и отчаяния, в которые так легко было впасть заключенному. Чем тяжелее работа, за которую она бралась, тем легче она преодолевала в себе психологию жертвы. Благодаря труду она ощущала себя хозяином своей судьбы.

Но не только работа была ее защитой. Была еще и система нравственных законов, которая оберегала ее от падений духовных.

Из книги Е. А. Керсновской:

«Раз и навсегда приняла я решение: никогда не задавать себе вопроса «что мне выгодно?» и не взвешивать все «за» и «против», когда надо принимать решение, а просто задать себе вопрос «а не будет мне стыдно перед памятью отца?». И поступать так, как велит совесть.

Глупость? Донкихотство? Может быть... Но это придавало мне силы и закаляло волю: у меня не было сомнений, колебаний, сожалений — одним словом, всего, что «грызет» человеку душу и расшатывает нервы... Ведь вся жизнь — цепь «соблазнов». Уступи один раз — и прощай навсегда душевное равновесие! И будешь жалок, как раздавленный червяк.

Нет! Такой судьбы мне не надо: я — человек.

Так как же должен был поступать этот «человек», когда ему предлагают подписать «обязательство», что он, дескать, порывает всякие отношения с теми, кто остался в неволе, и вдобавок обещает забыть все, что там было, что он видел и пережил, и **никогда и никому ничего о лагере не разглашать**!?

Ознакомившись с содержанием этого документа, я с негодованием отказалась его подписать:

— В неволе я встречала много хороших, достойных всякого уважения людей. Кое-кто еще там остается. Я сохраню о них добрую память и рада буду быть им полезной. Забыть же то, что я там видела и пережила,— это абсолютно невозможно! Даже проживи я еще сто лет!

— Но эта подпись — простая формальность!

— Подпись — это слово, данное человеком. И человек сто́ит столько, сколько сто́ит его слово. Я не могу так низко себя оценить!..

И меня отвели обратно...»

Я долго не мог сформулировать ощущение, возникающее во время чтения этой книги. Наконец понял — р а д о с т ь. Да — ужасы, да — кошмары, садизм и беззакония, да — ложь, смерти и унижения. Всего этого полно на ее страницах. И вместе с тем — радость. Радость от того, что соприкасаешься со свободным человеком. Причем полнота этой свободы кажется фантастической!

После побега из ссылки (1942 год), когда Евфросиния Антоновна прошла за зиму, весну и лето около полутора тысяч километров по сибирской тайге, обходя населенные пункты, питаясь весьма скудными лесными дарами, ее наконец ловят, отправляют в тюрьму, судят и выносят приговор: «к высшей мере социальной защиты — расстрелу». На другой день ей дают лист бумаги, на котором она должна написать «кассацию», или «просьбу о помиловании». Что делает человек, которому дорога жизнь? Конечно, пишет кассацию. Но не Евфросиния Антоновна. Ей жизнь, безусловно, очень дорога, но ведь человек в ее понимании «стоит столько, сколько стоит его слово». Она возвращает бумагу. Еще через день пораженные тюремщики, которые, наверное, никогда не сталкивались с подобными безумцами, вновь приносят ей бумагу, на которой она в конце концов пишет: «ТРЕБОВАТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ — НЕ МОГУ; ПРОСИТЬ МИЛОСТИ — НЕ ХОЧУ».

Поразительно — но казнь заменили десятью годами лагерей.

Она обладала высшей степенью свободы, когда и в тюрьме человек себя не чувствует рабом. Страх перед смертью для нее был неизмеримо ниже, чем боязнь потерять внутреннюю свободу.

Именно за это ее ненавидели тюремщики, доносчики, урки. Они нутром чуяли в ней эту силу, которая начисто отсутствовала в них, и всячески пытались противоборствовать ей. Но Евфросиния Антоновна оказалась победителем.

Из книги Е. А. Керсновской:

«Когда в водоем не поступает свежий воздух, на дно водоема опускается все, что было живым и погибло без воздуха. Эта грязь разлагается, выделяя зловонный и ядовитый сероводород; когда в духовный мир человека не поступают свежие мысли, чувства и переживания, в душе его так же оседает черная, зловонная тина. Страх может взболтать эту тину, и тогда ядовитый сероводород распространяет такое зловонье, что может отравить все и всех!

Гибель живой души в лагерях, рабство способствуют образованию и накоплению ядовитого сероводорода. Следователь при посредстве изощренной системы доносов и допросов ворошит этот зловонный осадок. И слабые люди гибнут и губят друг друга. И можно ли их обвинить в том, что они слабы? Ведь все пущено в ход, чтобы разложить, ослабить, отравить!..»

— Часто ли вы испытывали страх?

— Часто. Но, знаете, храбр не тот, кто не боится, а тот, кто умеет побороть страх.

— У вас в книге множество описаний разного рода драк: то вы вступались за кого-то, то на вас нападали, нередко вы первая наносили удар, иногда вас избивали до полусмерти...

— Я умела постоять за себя. Физической боли я не боялась... Каждому человеку дано ровно столько испытаний, сколько он может выдержать.

— Расскажите о самом жутком случае в вашей жизни. Таком, когда вам было страшнее всего.

— Это было во время моего побега из ссылки. Я долго шла по лесу и совершенно выбилась из сил. Даже не могла ползти. Наступила ночь. Месяц скрылся за облаками — не было видно ничего. Я уткнулась лицом в снег и поняла, что не могу больше сделать и шага. От страха и отчаяния наступило оцепенение. Я физически ощутила, как смерть склонилась надо мной. Слышала ее дыхание. Мне было ужасно страшно, но в какой-то момент я собрала все силы и решила дать бой смерти. Резко дернув головой вверх, я выбила ей зубы. В ту же секунду я услыхала, как недалеко от меня замычала корова. Оказывается, совсем рядом было человеческое жилье...

Евфросиния Антоновна замолчала. Перехватываю ее взгляд, и мы долго наблюдаем вместе, как за окном две птички поклевывают поздний виноград. Глаза у Евфросинии Антоновны светящиеся, молодые. Как мало, оказывается, ей надо, чтобы испытать радость.

— Это я специально попросила не обрывать здесь виноград,— поясняет она мне.— Пусть клюют...

На кухне совсем молоденькая девушка, ухаживающая за Евфросинией Антоновной, готовит обед. Время от времени они переговариваются в несколько шутливой манере. Та называет Евфросинию Антоновну «бабой Фросей» и упрекает за то, что слишком рано включает радио, чуть ли не в шесть утра. «Баба Фрося» ворчит, что «плохо быть такой соней». Смеясь, они обе рассказывают мне о своих повседневных заботах.

Надо было достать инвалидное кресло для Евфросинии Антоновны, но купить его совершенно невозможно. Наконец из Москвы привезли какое-то допотопное сооружение образца 50-х годов. Оно тут же развалилось. Пришлось

покупать велосипедные колеса и приделывать их... На участке при доме проржавели трубы водопровода. Вода уже третий день хлещет — скоро зальет весь садик. Надо обращаться в какой-то кооператив, поскольку госконтора не обслуживает «частников»... В этом году большой урожай груш (они сложены в картонных ящиках в прихожей). Надо варить на зиму варенье, но нет сахара...

Когда утром пришел к ним, девушка читала Евфросинии Антоновне какую-то книгу, явно — по формату и мелкому шрифту — «тамиздат». Во время беседы я с любопытством посматриваю на книжицу и в конце концов, осмелев, спрашиваю:

— Что вы читаете?

— «Август Четырнадцатого». Стала совсем слепая. Катаракты...

— Нравится?

— Да.

— Это ваша внучка?

— У меня никого из родственников не осталось. Девочки меняются у меня через каждый месяц...

— Жалеете ли вы, что вам пришлось жить в СССР, а не как вашей матери — в Румынии или как вашему брату — во Франции?

— Нет, не жалею. Ведь у меня были все возможности в первые месяцы оккупации уехать. Я русская, хотя во мне течет польская от отца и греческая от матери кровь. И я должна была разделить со своим народом его участь...

В комнату вносится большой фанерный щит. Мы кладем его на табуретки — получается стол. Подошла пора обедать.

(Я начинаю догадываться, что люди, ухаживающие за Евфросинией Антоновной, прихожане какого-то далекого храма. Помощь их бескорыстна. На все мои вопросы — ответы уклончивые. Вечером, когда мы прощались на улице, девушка просит, чтобы я не называл ее имени и ничего не писал о ней: какое же бескорыстие, если об их помощи прочтут в журнале!)

После обеда я рассматриваю альбомы с рисунками и фотографиями. Снимков Евфросинии Антоновны единицы, зато дореволюционных, всех ее родственников и предков куча. Среди кипы альбомов попадаются блокноты с дневниковыми записями и календарями погоды, которые Евфросиния Антоновна вела, побеждая свое одиночество. Одна тетрадка меня очень заинтересовала. Спрашиваю разрешение почитать. Она кивает мне.

Тетрадь помечена 1979 годом. На обложке — первые строфы стихотворения «Враги сожгли родную хату...» (написано явно по памяти, поскольку есть пропуски и разночтения с оригиналом). Внутри — краткие аннотации прочитанных за год книг. Рядом с названием произведений — оценки по пятибалльной системе:

«1. В. Распутин. «Последний срок». 4 —.

Хорошо знает крестьянский быт. Старуха мать настоящая... Впрочем, Распутин умышленно «приукрашивает» ее сознательность.

2. Гусаров. Об Ушакове. 3 —.

Читается легко, написано занимательно и даже правдоподобно, но по шаблону: все, что «сверху», плохо; все, что «снизу», хорошо...

3. «Иван Грозный». Кн 1. 2 —.

...Все ведется к тому, чтобы возвеличить Сталина под видом Ивана. Иван Грозный не параноик, но трогательно добр, справедлив, терпелив, прозорлив и т. д. и т. п. ...Он мудр и все время думает о величии родины, государства, и еще бы немного, и автор сказал бы — «партии». Зато все бояре — даже те, о ком высказалась история, как о наиболее мудрых,— все «враги народа»...

5. В. Тендряков. «Не ко двору». 2+. Заезженный сюжет...

Его же: «Чудотворная». 1 —.

Самая банальная антирелигиозная ерунда...

Его же: «Апостольская командировка». 4+.

Рассказ хороший... очень неубедительный финал...

Его же: «Свидание с Нефертити». 5 —.

Книга написана при Хрущеве, когда писатели начали «шевелить мозгами» и говорить правду...

10. С. Сартаков. «Философский камень». 3.

Сюжет охватывает период от 20-го до 38-го года... За это время все крестьянство становится счастливыми колхозниками: стоило только раскулачить и выслать хозяев, как потекли молочные реки в кисельных берегах. Еще более «идейные» — это рабочие: они бескорыстны и мечтают о том, чтобы трудиться. Все обожают Родину. О голоде 33-го года — ни слова: все кушают (бесплатно) наваристые щи с большими ломтями хлеба... О всех безобразиях 35—37-го годов — ни слова!..

22. Анатолий Жуков. «Дом для внука». 3 —.

...Колхозники — все честные, все трудятся самозабвенно. Главный герой — инженер — добровольно пошел в деревню, хотя все профессора его зовут в Москву, но... он любит землю и жертвует ради постройки свинарника своим семейным счастьем, т. к. жена — художница и в свинарнике ей работы по специальности нет. Все — на ходулях, ни слова правды...

26. Л. Леонов. «Дорога на океан». 3 —.

Оценку я ставлю заниженную, т. к. Леонов — талантливый писатель и от него можно ожидать большего. Написана книга в 1933—1935 годах, и это в какой-то степени объясняет ее характер. Сюжет? Мы идем к светлому будущему. Вдали — океан — утопия мирового коммунизма...

29. В. Астафьев. «Последний поклон». 5.

Как все, написанное Астафьевым, замечательно... Так написано, будто ты — рядом и все видишь...

34. В. Катаев. «...Волшебный рог Оберона». 5 —.

Сумбурно, ярко... и ужасно близко и понятно: Катаев, как и я, жил в Одессе, лишь несколькими годами раньше. До боли приятно вспоминать детство!

50. Ю. Бондарев. «Слепой дождь». 2.

Патока с медом. Рассказ ведется от имени девчонки 17—18 лет. Общежитие — подруги — работа. Идеальный бригадир. Идеальное отношение и к труду, и друг к другу. Идеальная дружба. Идеальная любовь.

51. И. Эренбург. «Падение Парижа». 5 —.

Книгу прочла «запоем». Очень талантливо и со знанием дела написано! Пусть и слегка тенденциозно (иначе и быть не может!), но живо и даже близко к истине. Я-то помню, как все это на самом деле происходило... И так удивительно, что при Сталине его не посадили...»

В оценке прочитанных книг у Евфросинии Антоновны критерий железный — правда или ложь. Она не писала для чужих глаз — только для себя, но сколько здесь (при всей субъективности) точных и остроумных формулировок!

С ложью она боролась всю жизнь. Постоянно лезла на рожон и получала тумаки за это, ругала себя потом, но ничего не могла с собой поделать — снова и снова заступалась за истину, клеймила клеветников, смеялась в глаза бездушным палачам, доказывала неправоту тем, кто вообще потерял способность различать добро и зло.

Когда ее осудила «тройка» на расстрел, она крикнула им в лицо:

«Правда — как свет! Никогда луч тьмы не проникает в светлое пространство: поэтому ваша ложь боится правды!.. Но все, что бы я ни говорила, вы не услышите... Или — не поймете. Потому что самый глухой — это тот, кто не хочет слышать...»

Ох как ее ненавидели люди с грязной душой, люди, потерявшие совесть, или те, кто руководствовался в своих поступках ложью, звериной похотью и своеволием. Ее кидали в карцеры, пытали голодом и холодом, избивали так, что живого места на ней не оставалось, посылали на самые тяжелые и грязные работы, но душа и совесть ее всегда оставались чистыми.

Вся ее книга пронизана христианским, православным духом. Однако в ней почти нет теоретических рассуждений на темы добра, любви, милосердия и терпимости, то есть того, с чем мы обычно связываем понятие «Христианство». В ней есть просто жизнь, но такая, где все эти постулаты поверяются реальными поступками и поведением героев, их каждодневным бытом, их отношением к работе и друг к другу. Керсновская проповедует деятельное христианство. Христос для нее не ЧТО, а КТО. Сила ее проповеди в том и состоит, что она на примере своей жизни показывает, как можно вынужденную рабскую зависимость преображать в свободное служение духа. Потому и жизнь она воспринимает как испытание, потому и не жалеет, что не убежала из России.

Свою почти добровольную ссылку в Сибирь Керсновская назвала в книге «Великим Постригом».

Когда постригают в монахи, человек трижды должен поднять ножницы, которые нарочно роняют на пол. Будущий монах обязан поднимать их сам, чтобы доказать, что он не насильно, а по своему добровольному желанию отрекается от мирской жизни. Вот и Евфросинии Антоновне трижды предлагали избежать высылки, и каждый раз она отказывалась идти против судьбы.

«Великий Постриг» для нее — это метафора. Но жизнь сама претворила этот образ в реальность. Она прожила последние 50 лет, как настоящая монахиня,— в безбрачии, в нестяжании и в послушании воли Божией, неся «в миру» эти три монашеских обета.

Почти всегда она с легкостью (эта легкость, разумеется, кажущаяся) преодолевала любые искушения. И все же было несколько случаев, когда она чуть не поддалась соблазну нарушить тот нравственный закон, по которому она жила.

Первый раз — это когда она решилась было лишить жизни человека. И пусть этот «человек» — садист, негодяй, на совести у которого множество людских душ: все же убийство для Евфросинии Антоновны — это было бы преступлением против собственной свободы, против той системы ценностей, которая ее и делала свободной. Лишившись ее, она становилась рабом своих человеческих слабостей, а именно этот тип рабства для нее наихудший.

В другой раз она решила убить себя...

Из книги Е. А. Керсновской:

«Ну — вот и я! — услышала я голос следователя.— Пошли!»

Совершенно машинально я встала и пошла к двери. Я шла, шатаясь как пьяная; в голове была какая-то неразбериха, и понимала я лишь одно: так больше нельзя! Я не хочу этого видеть! Довольно! Хватит с меня этого отвращения! Люди, миллионы людей лишены всего. Их не рвут раскаленными клещами кровожадные палачи. Их медленно душат бесцветные, равнодушные, глухие ко всему призраки. Не могу я больше! Довольно! Умереть!!!

Смерть, только смерть может избавить от этого кошмара без конца...

Все, что произошло потом, так и осталось для меня неясным... Я не карманник! Я никак не могу себя представить в роли карманного вора... Хорошо помню, как следователь подался вперед и, протянув руку через мою голову, открыл дверь. В это мгновение пола кителя поднялась, и я увидела в кобуре на поясе маленький пистолет. Кобура была расстегнута, рукоять пистолета — возле самой моей руки... Как это получилось, что я двумя пальцами, как пинцетом, неслышно выхватила его и переложила в карман,— это и по сегодняшний день для меня загадка. Но, говорят, сам Сатана помогает самоубийце... В этом нет ничего невероятного: в таком учреждении, как «Третий Отдел», присутствие Бога не ощущается, а значит... Одним словом, тот Ангел Хранитель, которому, по уверению мамы, она меня ежедневно поручала, просто-напросто «зазевался»...

А я? Что я чувствовала? Что я думала?

Ничего. Или — почти ничего...

Кругом — да и во мне самой — образовалась какая-то пустота и безразличие. Единственное, что осталось в моем сознании,— это уверенность, что не будет больше тюрем на земле и под землей, не будет необходимости отвечать на вопросы, которые я почему-то мысленно отождествляла со щупальцами спрута, копающегося в моих внутренностях... И что для этого нужно сделать? О! Так мало! Я даже не скрывала того, что делаю. Вынув из кармана пистолет, мельком осмотрела его... Отодвинула предохранитель и, на мгновение, задумалась — куда лучше? В висок? В рот? Или слева, в подключичную впадинку? Последнее казалось самым надежным, учитывая малый калибр: пуля может и не пробить кость, но уж сонную артерию разорвет наверняка!

Все это заняло секунду-две — не больше, и, размышляя, я бросила беглый взгляд на следователя. Он что-то просматривал в бумагах, лежащих перед ним. Мне стало даже смешно: вот в глупое положение попадет! В ЕГО кабинете! Из ЕГО пистолета! Ха!

Что заставило меня глянуть в окно? Не знаю... Просто, как-то механически, уже подымая руку с пистолетом, держа палец на гашетке, я скользнула взглядом и...

Все как-то сразу изменилось... Будто в темноте, с которой глаза уже хорошо освоились, вдруг вспыхнул свет! Окно было открыто настежь. Решеток в нем не было... Из окна не было видно ни зданий, ни забора — ничего, напоминающего тюрьму. Перед окном проходили телеграфные провода и чуть ниже — колебалась ветка тополя, серебристого тополя с еще молодыми, нарядными листочками... Небо голубое, каким оно бывает в начале лета, и по нему плывут белые облака, как паруса, надутые ветром. И — как было всегда и как всегда будет — пара ласточек, чье гнездо, очевидно, было поблизости, занималась своим радостным трудом — суетилась, нося мошек своим птенцам, и лишь изредка усаживалась на провода...

Это и было чудо: красота, настоящая, вечная! И простая.

Было небо. Были облака. Была ветка — зеленая, свежая. Были и ласточки. И все это — будет. Будет!.. А меня?.. не будет?! Нет. Нет. Еще буду!!!»

Я сижу у Евфросинии Антоновны в каморке и уговариваю ее, что публикация первой части «Воспоминаний» в журнале «Знамя» и некоторых «картинок» с расширенными подписями в журнале «Огонек» поможет будущему полному изданию ее книги. Кивая, она тихо говорит:

— Будь как будет...

— Почему вы постоянно изображаете себя на иллюстрациях со спины, а если изредка анфас, то своего лица вы никогда не прорисовываете? И вообще рисуете себя всегда непропорционально меньше и ниже других персонажей?

— Не знаю. Никогда не задумывалась об этом.

— В вашей книге многие страницы написаны с юмором, да и некоторые иллюстрации не лишены его.

— Чувство юмора часто помогало мне.

И она, что-то вспомнив, молодо засмеялась.

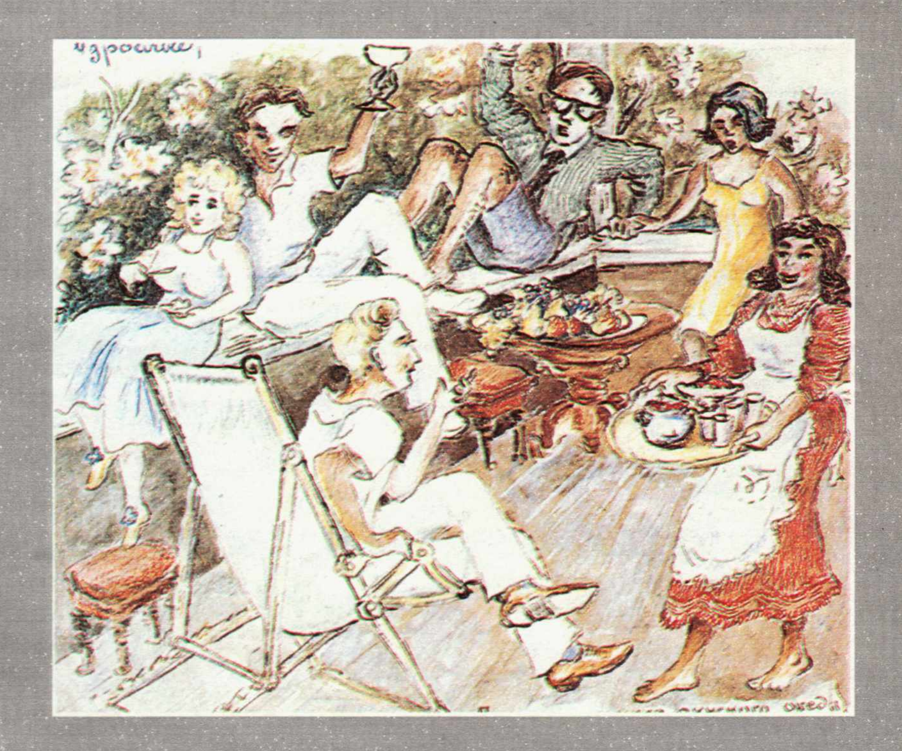
...Приехав в Москву, я полез в словари и с удивлением узнал, что «Евфросиния» в переводе с греческого означает радость.

В БЕССАРАБИИ

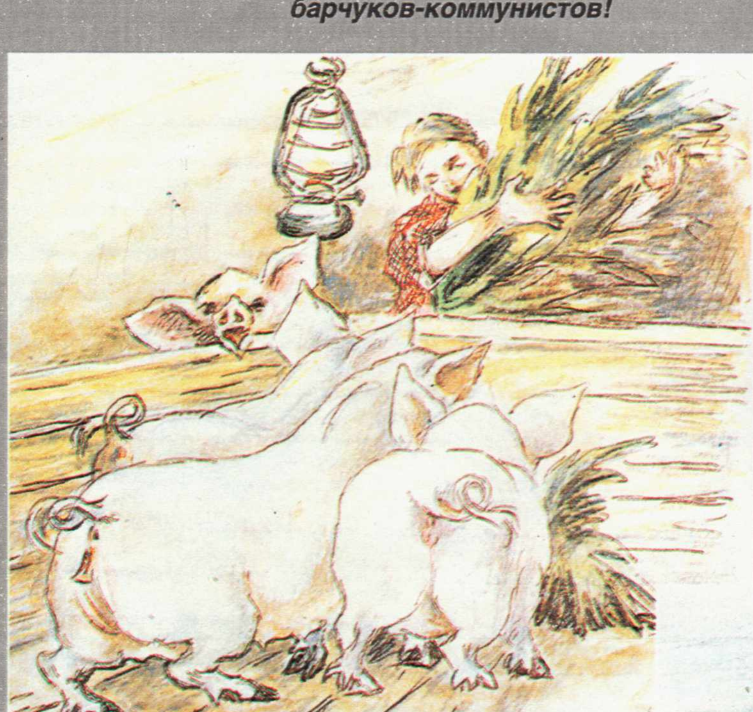
ЖИТИЕ ЕВФРОСИНИИ КЕРСНОВСКОЙ

Вести хозяйство давно было моей обязанностью, и я всегда была рада, что папа мог спокойно читать в шезлонге в нашем саду. Папа, как английский король, «царствовал, но не управлял», зато он пользовался, благодаря своей безупречной репутации, неограниченным кредитом у местных богачей.

Дети помещицы Яновской были членами румынского комсомола. Помню сценку: после обильного вкусного обеда перейдя на террасу, комсомольцы горячо спорили о принципах марксизма, а горничная Ксюнька с ног сбилась, поднося им всяческие угощения. Трудно угодить на барчуков-коммунистов!

В Европе разгорелась непонятная, «странная» война, но я ничего не замечала: я работала, и результаты уже сказывались. В марте 1940 года я внесла последние деньги за инвентарь: хозяйство было чисто от долгов.

«Новости» явились сами — в первую очередь в виде советских самолетов. Один приземлился неподалеку от нашего поля.

Политрук, поселившийся в отнюдь не богатом доме, присмотрелся, как там живут, и однажды воскликнул: «Мы 23 года боролись, голодали, всякие лишения переносили, чтобы принести трудящимся мира свободу, а вы тут жрете колбасы и белый хлеб!»

Трудно поверить, что эта опустившаяся женщина лет 40 назад была горничной моей матери. Она загородила мне дорогу и, размахивая бутылкой денатурата, прошипела: «А! Наконец я дождалась, что вы, паразиты, босиком ходите! Довольно на шее трудящихся ездить!»

«Фросенька! За вами еще ночью приходили... Вооруженные! Ужас, что происходит! Всех похватали! Боже мой, дети, старики... Ах, Фросенька, бегите, спрячьтесь!.. Может быть, спасетесь...»
«Бегут те, кто виноват, а прячутся трусы! Куда бы ни привезли, везде будет работа. А я выдержу. Я все выдержу!»

После того как меня с мамой выгнали из нашего дома, я приняла твердое решение отправить маму в Румынию. Я не думала, что мы расстаемся надолго. Очень скоро я буду полноправным, полезным гражданином своей страны! «Прощай, моя мужественная старушка! Нет! До свидания, до скорого свидания...»

ССЫЛКА

Помню толпу, солдат, крики, пинки, давку... и телячий вагон, битком набитый растерянными и растерзанными людьми... Наш состав из сорока вагонов несколько недель катился по Сибири. Мы не знали, что началась война.

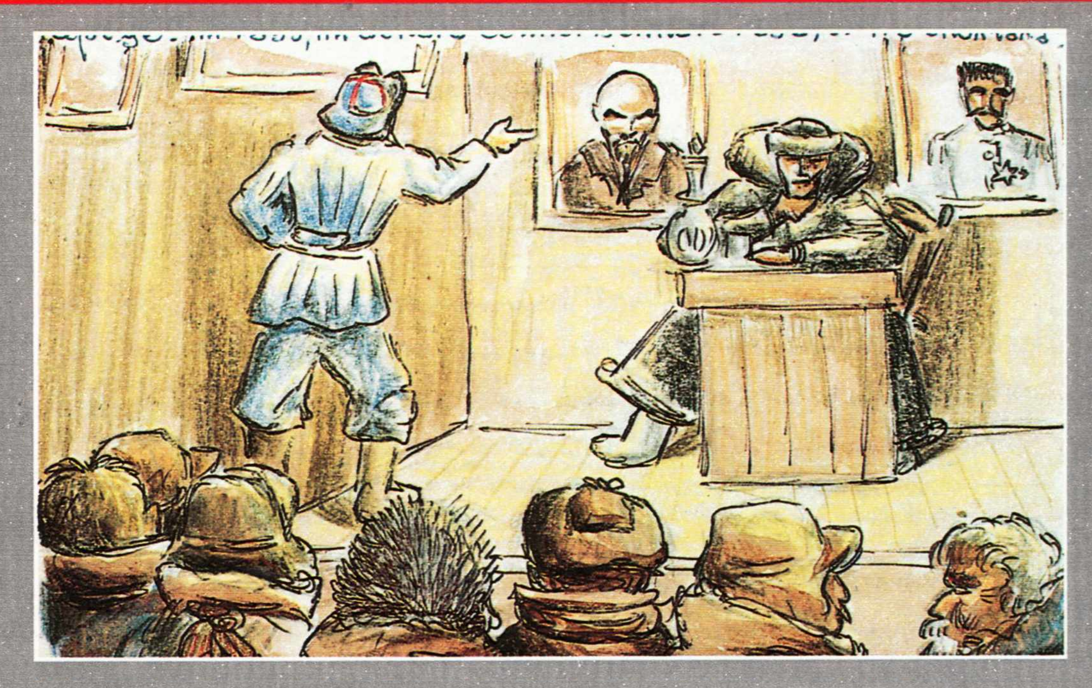
В машине нас было несколько человек, но запомнила я лишь троих. Прежде всего мальчика, лет 8—9... И двух девочек — взяли их прямо с первого в их жизни бала. Они не плакали, а только дрожали, хотя июньский день был очень жаркий. Машина тронулась. Я перекрестилась. «Прощай, Цепилово! Все мое прошлое — прощай!!!»

В ссылке я занималась лесоповалом... Когда разнеслась весть о том, что нашим начальником будет Хохрин, то взрослые мужчины плакали в отчаянии: «Ну, теперь мы все и наши семьи погибли!» Норма, которая до Хохрина была 2,5 кубометра, была повышена до 12.

При таких условиях работы травматизм был весьма высок. И остается лишь удивляться, что он не был еще выше... При мне была убита одна девушка. Многие ей позавидовали, так как смерть ее была легкой...

Очень любил Хохрин «проводить собрания». Сгонит, бывало, смертельно усталых, голодных лесорубов в клуб и начинает... Как перед Богом скажу: ни разу, ни одного раза я не смолчала!

Сучкоруб Валя жила с двумя детьми и свекровью. Младшую дочь она кормила грудью. Как-то раз Хохрин решил отправить ее работать за семь километров от нашего жилища. Валя так просила Хохрина не посылать ее в такую даль! Но разве можно было разжалобить такого садиста? Что ему страдание женщины, что ему смерть ее ребенка?!

Собравшись с силами, я, схватив топор, ринулась в контору с твердым намерением зарубить Хохрина... Никто меня не остановил... В последний раз гляну в его «трупные» глаза и всажу ему топор между глаз... Рука не дрогнет. И топор не подведет... Мой топор, как бритва: режет волос. Вот только глянуть в его глаза!

Убить такого злодея — доброе дело. Но чтобы нанести удар из-за спины, надо быть убийцей... Я не видела его мутных, как у трупа, глаз. И нанести удара я не смогла. Я не убийца!

ПОБЕГ

-„Боже!" прошептала я, сложив, как в детстве, для молитвы руки.
„Боже. Укажи мне, что мне делать? И, что бы ни случилось - да бу-
дет воля Твоя..." И будто услышала я слова Кравченко: „...кто то
молится - крепко молится, за тебя, Фрося!"... Но кто? Кто?!
И я почувствовала, будто ласковая рука провела по моим воло-
сам. Мама! Живая или мёртвая, но душа ея - со мной и молитва
ея, в критические минуты моей судьбы, смягчают ея удары и при-
дают силы, что бы их перенесть.

— Боже! — прошептала я, сложив, как в детстве, для молитвы руки.— Боже! Укажи, что мне делать? И что бы ни случилось — да будет воля Твоя.— Я почувствовала, будто ласковая рука провела по моим волосам. Мама! Живая или мертвая, но душа ее со мной, и молитвы ее смягчают удары судьбы и придают мне силы... Впереди тайга. Это верная смерть. Но и позади смерть. Смерть в рабстве и смерть на воле... Я сделала выбор.

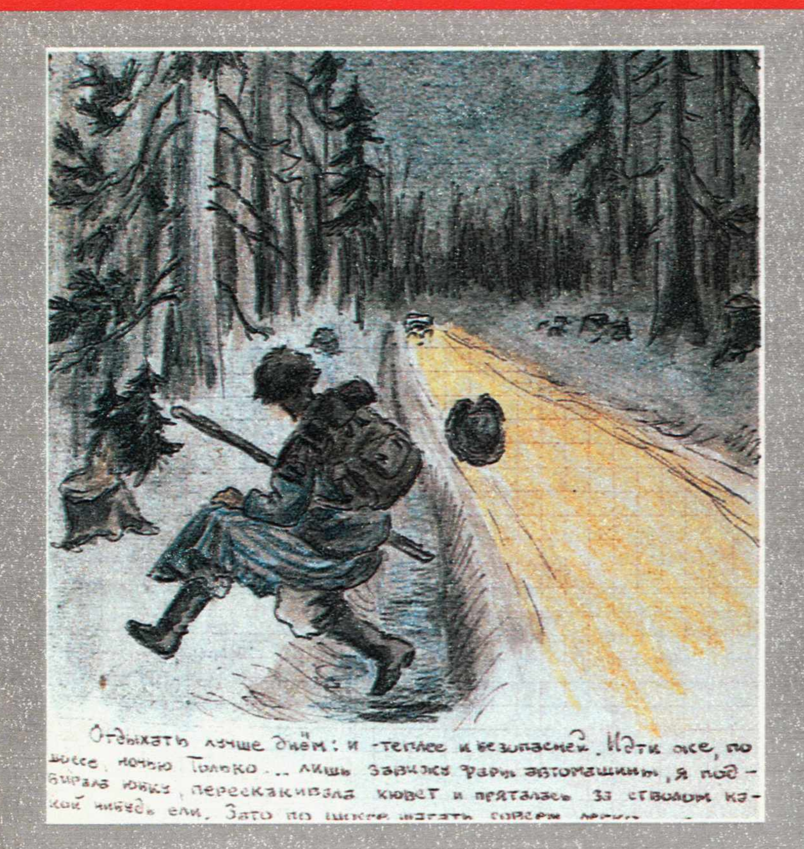
Когда усталость валила меня с ног, я зарывалась в снег где-нибудь под корягой, укутавшись с головой в одеяло, и засыпала, но все время чувствовала, что где-то совсем рядом на страже стоит Смерть... Сама не знаю, что заставляло меня просыпаться. И откуда брались силы, чтобы продолжать путь?

От скита осталась лишь груда толстущих бревен, поваленный частокол да поломанные восьмиконечные кресты на могилах... Идти дальше — верная смерть. Идти назад — не выйду: сегодня я догрызла последнюю сушеную картофелину...

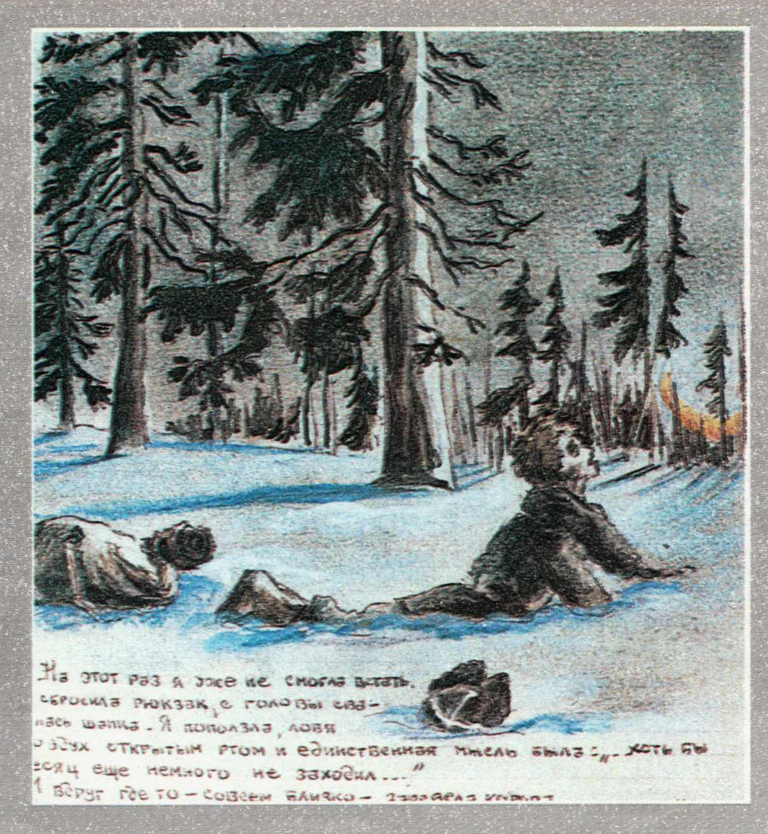

Через некоторые речки приходилось перебираться вплавь. И тогда я развивала неплохую скорость: ведь после ледяной ванны не оденешься не согревшись. А чем согреешься? Голодному холод — первый враг. Только на бегу и согреешься...

Отдыхать лучше днем: и теплее, и безопасней. Идти же по шоссе лучше ночью. Завидев фары автомашины, я подбирала юбку, перескакивала кювет и пряталась за стволом дерева.

От усталости, голода и холода я не смогла встать. Я сбросила рюкзак, с головы свалилась шапка. Не было сил поднять ее. На этот раз Смерть склонилась надо мной совсем близко. Я физически ощущала ее дыхание. Я собрала все свои силы и резко дернула головой вверх... И вдруг где-то рядом заревела корова!

Первый раз увидав подобную бесхозяйственность, я глазам своим поверить не могла. В дальнейшем я очень часто сталкивалась с похожими примерами головотяпства. Боюсь, что и теперь ничего не изменилось в этом отношении... Тогда я многое объясняла войной, потом я убедилась, что причина куда более глубокая и беспощадная!

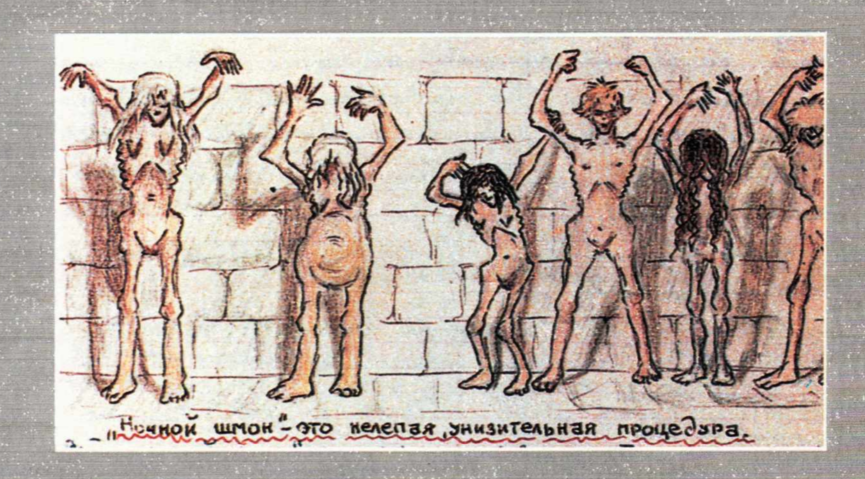
У меня были самые благие намерения: отдать на станцию найденный мною на дороге разводной ключ. Ведь завтра Первое мая: предстоит начало работ, а с инструментом в Сибири да в военное время очень трудно! Лучше было бы отправить это «благое намерение» в ад, где, как говорят, ими все мостовые вымощены. А в «Пути Ленина» меня сразу же объявили шпионом, арестовали, чуть не убили и отправили под конвоем в центр.

Какой отвратительный,
тивный, лязгающий звук!
Отчего у моих ключей — те,
которыми я отпирала ам-
бар или конюшню — там, в
Цепилове, звук был мелодичный?
Ах! Это было когда-то.....
А теперь?
Я опустилась на каменный пол, обхватила ру-
ками колени и зажмурила глаза. Не видеть ре-
шётки. Не видеть параши. Не видеть....
Нет! Я вынесу! Вынесу, что
- конец. И знаю, что я — сама
виновата....
Разве можно было быть
кой доверчивой, та-
кой глупой?
Говорят, в театре,
роль дурака
может играть
только умный артист.
Я — не глупа.

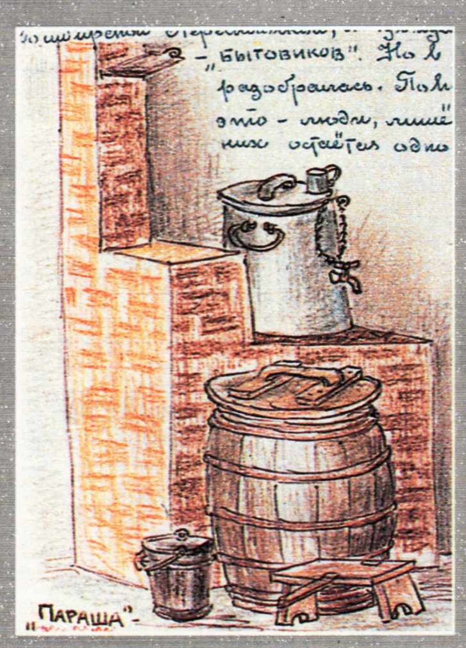
Я зажмурила глаза. Не видеть решётки, Не видеть параши

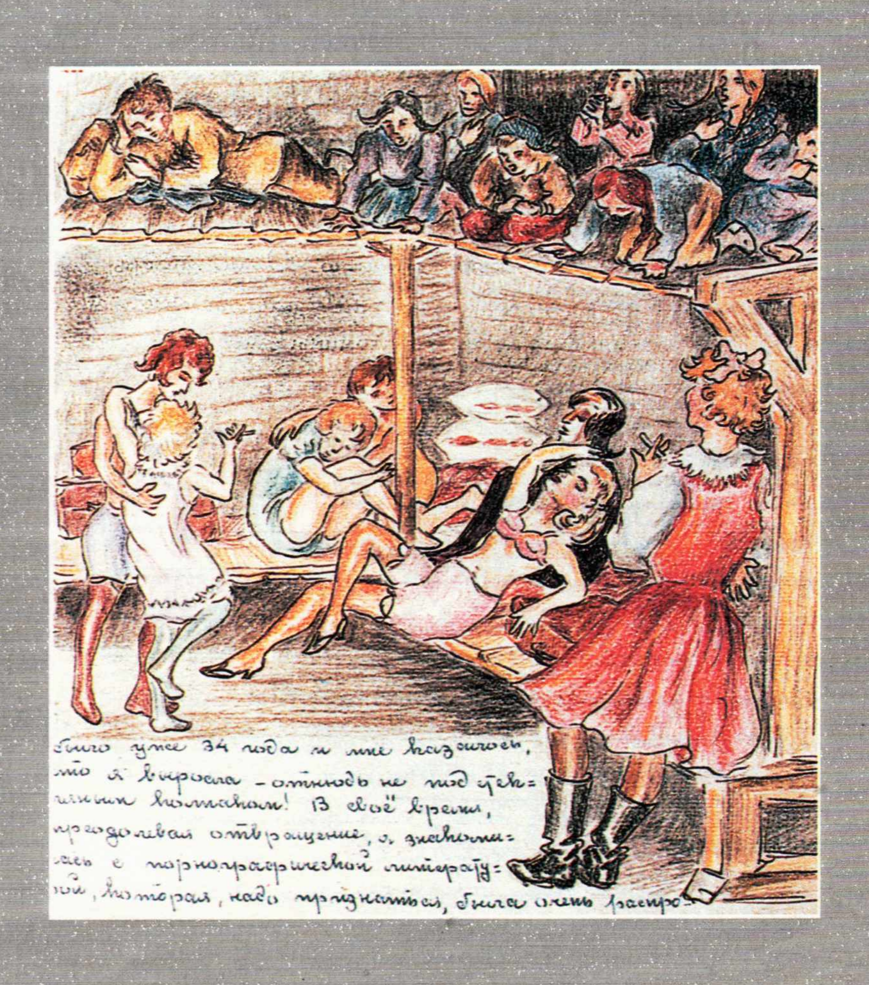
Хлопнула дверь. Скрипнул засов. Бесконечно долго звенят ключи. Я опустилась на каменный пол, обхватила руками колени и зажмурила глаза. Не видеть решетки. Не видеть параши... Но... «неисповедимы пути Твои, Господи!» И еще менее понятны те дебри, в которых блуждают мысли наших властей...

«Вставай! Раздеться догола! Стройся!» Это «ночной шмон» — самая нелепая, унизительная и часто повторяющаяся процедура. Рядом со мной, едва держась на ногах, стоит нёсчастная немка, умирающая от чахотки. Чтобы не упасть, она хватается за мою поднятую вверх руку...

Параша... Обычно это — ведро. Но здесь, когда в одной камере человек 300, это бочка, куда выливают быстро наполняющееся ведро. Но это не все. Параша — это символ тюремной солидарности и угроза нарушителю тюремного закона... Какая-то женщина выдала, где блатные прячут нож. Утром ее нашли мертвой: ее утопили в параше...

Малолетки-колхозницы робко приблизились к краю нар, присматриваясь с любопытством к поведению тех, кто был старше их на год или на два. Они были завороженны и буквально застыли, впиваясь глазами в бесшабашное веселье этих бесстыжих тварей. «Воспитание» малолеток уже началось. А Христос говорил: «Истинно говорю вам... кто соблазнит одного из малых сих... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской».

После грубого следователя появился новый, который стал льстить мне: «Перед вами альтернатива: или вас накажут, как трусливого щенка, или вы сумеете сами шагнуть навстречу неизбежному! Делайте сами выбор, который вам подскажет ваша мужественная душа!» И, как загипнотизированный кролик, тянулась я к удаву... Казалось, никого больше на свете нет: он и я... и тот листок бумаги, где нужно было мне поставить свою подпись.

Дверь распахнулась, и в мою камеру втолкнули девушку. Рыдая, она запричитала: «С детских лет одно страдание! Мать моя англичанка... Отца посадили в 37-м... Говорят, мать уехала за границу... Врут, палачи! Наверное, ее убили, гады!». Я наклонилась, чтобы поднять ее, утешить. Но вдруг я услышала шепот, тихий и ясный: «Не верь мне, я наседка!» Затем девушка продолжала: «Но не вечно же будет жить тиран? Ведь наступит освобождение!..»

Следователя вызвали, и он запихнул меня в какую-то комнату. Я огляделась: за несколькими столами сидели женщины, перед каждой из них — ворохи писем, главным образом треугольники «полевой почты». До чего же я ненавижу все, что делается тайком! Подслушивать у дверей, подглядывать в замочную скважину, писать доносы, анонимки, читать чужие письма или нападать из-за спины — все это у меня всегда вызывало какое-то брезгливое отвращение.

Во время этапа по Оби на пароходе «Ворошилов» моими попутчиками оказались восемь женщин и около 30 детей. Женщины окружили меня и стали допытываться, можно ли по этой реке добраться до Азербайджана. «Несчастные! — хотела я им сказать.— Трижды несчастные вы люди! Эта река — путь к Смерти. И впадает она не в Каспий, а в Ледовитый океан!»

Впереди меня ждал Лагерь...

Окончание в следующем номере.

Бенедикт САРНОВ

ЗАЧЕМ МЫ ОТКРЫВАЕМ ЗАПАСНИКИ

ЗАМЕТКИ «НЕКРОФИЛА»

Я назвал эту статью заметками «некрофила», потому что несколько лет назад, когда только начинался процесс возвращения из небытия несправедливо забытых или искусственно отторгнутых от родной литературы книг, Петр Проскурин (ныне он — как это ни парадоксально — председатель Фонда культуры РСФСР) во всеуслышание объявил, что увлечение это отдает некрофилией.
Сейчас этот процесс возвращения к читателю неведомых ему прежде книг и имен стал нормой нашей литературной жизни. Пожалуй, ни у кого уже нет сомнений, что без этих книг литература наша была не то чтобы не полна: насильственным изъятием их из нашего духовного обихода она была просто изувечена. Я думаю, что даже сам Проскурин, которым было тогда пущено это сакраментальное словечко (некрофилия), сегодня уже не отважился бы повторить его.
Кое-какие проблемы, однако, еще остаются.
Но об этом — позже. А сперва я хотел бы хоть коротко рассказать о том, как возникли эти самые наглухо запертые запасники, которые мы сейчас открываем.

1.

8 ноября 1923 года М. Горький писал В. Ходасевичу:

«Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить, что... в России Надеждою Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рескин, Нитцше, Л. Толстой, Лесков, Ясинский (!) и еще многие подобные еретики. И сказано: «Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги». Всё сие — отнюдь не анекдот, а напечатано в книге, именуемой: «Указатель об изъятии антихудожественной и контрреволюционной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя»...

Первое же впечатление, мною испытанное, было таково, что я начал писать заявление в Москву о выходе моем из русского подданства. Что еще могу сделать я в том случае, если это зверство окажется правдой?»

Перед словами «отнюдь не анекдот» Горький поверх строки вписал: «Будто бы». Объяснил он это так:

«Сверх строки мною приписано «будто бы»,.. ибо я еще не могу заставить себя поверить в этот духовный вампиризм и не поверю, пока не увижу «Указатель».

По свидетельству Ходасевича это самое «будто бы» Горький вписал из соображений, как мы сегодня сказали бы, сугубо перестраховочных, поскольку «Указатель», о котором шла речь (как пишет Ходасевич, «белая книжечка небольшого формата»), был Горькому вручен месяца за два до этого письма.

То ли Горький еще не успел в этот «Указатель» заглянуть. То ли, как уверяет Ходасевич, «притворился, что дело нуждается в проверке». Все это в конце концов не так важно. Важно, что «Указатель» такой действительно существовал.

Сегодняшнему читателю трудно будет это себе представить (как, впрочем, это трудно было вообразить и Горькому, назвавшему такую попытку «духовным вампиризмом»), но я лично не сомневаюсь, что авторы «Указателя» руководствовались самыми добрыми намерениями. Во всяком случае, они не сомневались, что, оберегая читателя от разного рода чуждых влияний, делают это исключительно *для его же блага*.

Это свое предположение я могу подкрепить несколькими примерами.

На известном совещании в ЦК РКП(б) «О политике РКП(б) в художественной литературе», состоявшемся 9 мая 1924 года, с докладом выступил А. Воронский. И в этом своем докладе он, между прочим, заметил:

«Считают буржуазной «Аэлиту», а недавно я беседовал с т. Зиновьевым, и он сказал, что это весьма полезное произведение и ценное».

Сравнительно невинное замечание это вызвало целую бурю. Второй докладчик, И. Вардин, так возражал Воронскому:

«У нас любят вести разговорчики на тему о том, что искусство есть искусство, что о вкусах не спорят, и т. д. и т. п. Такая постановка вопроса недопустима. Товарищ Воронский сообщил, что товарищ Зиновьев терпимо относится к «Аэлите» Алексея Толстого. Я тоже слышал это от товарища Зиновьева. Товарищ Каменев говорил мне как-то, что он с удовольствием читает Эренбурга. Товарищ Бухарин пишет предисловие к эренбурговскому «Хулио Хуренито».

Вопрос заключается не в том, с удовольствием или без удовольствия читает товарищ Каменев или другие товарищи Эренбурга... Суть вопроса заключается в том, как эта литература воздействует на массы... Товарищ Каменев может читать что угодно; мы все почти, здесь собравшиеся, читаем белую литературу; предполагается, что у нас есть соответствующий иммунитет, но в широкую массу всю эту литературу не пускаем, иначе у нас была бы свобода печати. Тот же герой «Аэлиты», аннексирующий Марс в пользу Совреспублики без контрибуции, может доставить художественное наслаждение товарищу Зиновьеву, но для широких рабоче-крестьянских масс вся эта литература — вреднейший яд».

Если даже «Аэлита», сочиненная «рабоче-крестьянским графом» А. Н. Толстым, представлялась в те времена «вреднейшим ядом» для рабоче-крестьянских масс, так каким же страшным ядом для этих самых масс должны были казаться сочинения *настоящего* графа — Льва Николаевича!

С «Аэлитой» разобрались довольно быстро. Спустя какой-нибудь десяток лет ее уже издавал Детгиз и читал каждый школьник. А вот с Львом Николаевичем дело затянулось надолго.

В 1928 году началось издание уникального (так называемого «юбилейного») собрания сочинений Л. Н. Толстого. Сперва предполагалось, что будет в нем 95 томов. Потом сократили до девяноста. Потом сокращали еще и еще, в результате вышло 90 томов лишь номинально: многие тома сдвоенные, так что, хоть и называют его обычно девяностотомным, фактически в нем — вместе со справочником-указателем — их всего-навсего 79.

Издание это было предпринято по специальному постановлению Совета Народных Комиссаров (24 июля 1925 года). Был создан Редакционный комитет издания, и 2 апреля 1928 года Государственное издательство РСФСР заключило с ним генеральное соглашение, в котором было оговорено, что «издание будет состоять из всех без исключения писаний Толстого, начиная с самых ранних и кончая предсмертными». Кроме того, в соглашении этом был специальный пункт, гласящий: «По настоящему соглашению в предпринимаемом издании основной текст писаний Л. Н. Толстого должен быть издан полностью и не подлежит никаким дополнениям, сокращениям или изменениям».

Но в 1939 году (27 августа) было принято *новое* постановление Совета Народных Комиссаров СССР, в котором указывалось на «отдельные промахи и ошибки», допущенные при издании уже вышедших томов. Постановление содержало такой — довольно грозный — пункт: «Предложить Государственной редакционной комиссии заново просмотреть все тома сочинений Л. Н. Толстого, подготовленные к печати (как находящиеся в производстве, так и в портфеле Гослитиздата)».

И хотя в постановлении этом речь шла преимущественно о комментариях к толстовским текстам (слишком подробным, недостаточно марксистским и т. п.), а сами тексты по-прежнему объявлялись священными и неприкосновенными, не так уж трудно установить, что дело отнюдь не только в комментариях.

Серьезные опасения вызвал и сам Толстой.

До войны было напечатано только 38 томов. Остальные (уже подготовленные к печати) претерпели много бед. Наборные оригиналы многих из них погибли во время блокады Ленинграда, и их по-

том пришлось восстанавливать по сохранившимся дубликатам, корректурам, рукописям и черновикам. Но, помимо этих трудностей, вызванных чрезвычайными обстоятельствами военного времени, были и другие.

В 1951 году два члена Редакционной комиссии — Н. С. Родионов и Н. Н. Гусев (который после смерти В. Г. Черткова эту комиссию возглавил) — обратились к А. А. Фадееву с жалобой на недопустимую задержку издания уже подготовленных к печати томов.

«...Задержка эта,— отвечал Фадеев в своем письме Н. С. Родионову,— произошла не только в силу моей занятости,— она произошла также и потому, что многие члены Комиссии и я в том числе, при всем их и моем глубоком уважении к литературному наследству Л. Н. Толстого и его памяти, усомнились в возможности публикования некоторых из его произведений, носящих с точки зрения наших коммунистических взглядов открыто реакционный характер, являющихся прямой пропагандой религии (хотя бы в особом, своем толстовском понимании)».

27 лет прошло со времени появления «Указателя», так потрясшего Горького. Но аргументация Фадеева — совершенно та же, что и у авторов этой давней инструкции, строго предупреждавшей, что «отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги».

Впрочем, Фадеева смущали не только религиозные воззрения Л. Н. Толстого. В том же письме Н. С. Родионову он писал:

«Мы уже говорили с Вами неоднократно о трудностях, которые вызвало бы, в частности, опубликование известной Вам части «Азбуки» Л. Н. Толстого. Также кажется нам неприемлемым опубликование тех мест из дневника Толстого, которые содержат такие же взгляды в их прямом и реакционном, с нашей точки зрения, выражении, и мест, связанных с такими интимными сторонами жизни Л. Н. Толстого, которые могут породить у читателя совершенно неправильное мнение о нем... Теперь Толстого читают миллионы людей, все более освобождающихся от грязи и грубых сторон прежней жизни, и им больно будет видеть Толстого не там, где он велик, а там, где он слаб».

Предполагаемая вивисекция, таким образом, должна быть совершена в интересах самого Толстого.

Когда-то профессор С. К. Шамбинаго, преподававший у нас в Литературном институте древнерусскую литературу, с большой обидой рассказывал, как непристойно однажды посмеялся над ним великий озорник А. Н. Толстой. «Этого старика,— будто бы сказал он,— надобно утопить в мужской уборной на станции Жмеринка. После сам же будет благодарить».

Что и говорить, шутка грубая. Но все-таки — шутка.

Фадеев в отличие от А. Н. Толстого даже и не думал шутить. Он, судя по всему, и в самом деле полагал, что Толстой «сам будет благодарить» вивисекторов за все операции, которые они — из самых благородных побуждений, конечно,— будут проделывать над его текстами.

А. А. Фадеев был в ту пору большим начальством. Генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР, член ЦК ВКП(б). Был он, кроме того, одним из членов Государственной редакционной комиссии, под наблюдением которой шло издание собрания сочинений Л. Н. Толстого. Но Н. С. Родионов и Н. Н. Гусев, я думаю, обратились за помощью именно к нему не только по этим причинам. Дело в том, что Фадеев был пламенным поклонником Л. Н. Толстого, верным и преданным его учеником. О фанатической приверженности Фадеева (в особенности в первом его романе — «Разгром») художественной манере Толстого, его синтаксису писались литературоведческие исследования, над его чуть ли не рабской зависимостью от стиля Толстого потешались пародисты.

Лучшего заступника за Толстого, чем Фадеев, трудно было найти. Но вот даже и он не пожелал заступиться за своего кумира.

Может быть, хотел, да не мог? Может быть, это было просто не в его власти?

Не думаю.

«Я вполне понимаю Ваше беспокойство по поводу тех изъятий, которые предлагает сделать Гослитиздат из полного собрания сочинений Л. Н. Толстого,— писал он Н. Н. Гусеву.— Но я должен Вам сказать, что, при всем моем преклонении перед гигантской личностью Л. Н. Толстого и перед его художественным гением, я, исходя из моих коммунистических убеждений, внутренне разделяю мнение работников Гослитиздата и отдельных членов Редакционной комиссии о том, что без изъятия отдельных мест в дневниках и письмах, а также отдельных произведений — нельзя выпустить в свет оставшиеся тома полного собрания сочинений».

Может, кто и усомнится в искренности этих слов. Но я верю, что Фадеев не кривил душой. Он действительно «внутренне разделял» убеждение, что читателя, для его же собственной пользы, следует обмануть, превратив полное собрание сочинений в неполное, но сохранив при этом прежнее его наименование «полного».

Напомню: все эти копья ломались по поводу академического издания, рассчитанного отнюдь не на массового читателя. К тому же речь шла о Толстом — величайшем из великих, о ком сам Ленин с восхищением говорил: «Какая глыба! Какой матерый человечище!»

С одной стороны, конечно, непротивленец и реакционер, но с другой все-таки — матерый человечище. А на что в этой ситуации могли рассчитывать писатели и мыслители, которые со всех сторон были объявлены реакционерами, ренегатами, мракобесами?

Наум Коржавин рассказывал мне, что в числе обвинений, предъявленных ему на следствии, было и такое: «Интересовался реакционным прошлым нашей Родины». Значило это, что он проявлял интерес не только к Белинскому, Чернышевскому и Добролюбову, но и, скажем, к Кавелину. Или к Владимиру Соловьеву, поминавшемуся в составленном Н. Крупской и М. Сперанским «Указателе».

Все это было, было, было... А сейчас я читаю в «Известиях ЦК КПСС» (№ 10, 1989) ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС «Об издании серии «Из истории отечественной философской мысли», в которую «предлагается включить» (заметьте: не РАЗРЕШАЕТСЯ, а ПРЕДЛАГАЕТСЯ!) произведения К. Н. Леонтьева, А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, Вяч. Иванова, Н. Я. Данилевского, С. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, Л. Шестова, П. А. Флоренского, Н. О. Лосского, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина, В. В. Розанова, К. Д. Кавелина, Н. Ф. Федорова...

Ну что ж... Как говорится, дожили. Слава Богу!

«Слава Богу!» — сказал Александр Второй, когда после взрыва бомбы, брошенной народовольцем Рысаковым, остался жив. На что народоволец отозвался репликой, ставшей впоследствии знаменитой: «Еще слава ли Богу!»

Так вот: еще слава ли Богу?

2.

К Маяковскому однажды пришел молодой поэт, принес ему свою заветную тетрадочку, с трепетом ждал приговора. Маяковский полистал, сказал:

— Белогвардейские стишки.

— Владимир Владимирович, вы меня не так поняли,— залепетал молодой.— Меня интересует ваше мнение не о содержании, а о форме моих стихов. Как вам форма?

— Форма? — переспросил Маяковский.— Что ж, форма обыкновенная. С погонами.

Реплика эта часто приводилась в разных статьях и книгах о Маяковском как ярчайший пример великолепного «маяковского» остроумия.

Но это была не просто острота. Это была концепция.

Напоминаю: «запасники» начались с того, что читателя хотели защитить не только от «контрреволюционных» книг, но и от книг «антихудожественных». Не следует, однако, предполагать, что тут преследовались две разные цели. Цель была одна. Именно это и выразил Маяковский своей остроумной репликой. Он просто был чуть последовательнее авторов «Указателя», поскольку для него изначально всё «контрреволюционное» было «антихудожественным», а то, что он считал «антихудожественным», рассматривалось им и его сподвижниками как самая настоящая контрреволюция.

В первом номере редактируемого Маяковским журнала «Леф» (март 1923 г.) была напечатана программная статья одного из виднейших теоретиков «революционного искусства», Б. И. Арватова. Статья прямо так и называлась: «КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ». Речь в ней шла о Брюсове.

Автор взял книгу стихов Брюсова об Октябрьской революции («В такие дни», Москва, 1921 г.), рассмотрел ее «с точки зрения формы» (с точки зрения содержания — это автор статьи признавал — там все было в порядке) и подверг ее уничтожающей критике. «Контрреволюционными» в стихах Брюсова оказались все, решительно все компоненты их поэтической формы: выбор слов, эпитеты, метафоры, сравнения, рифмы, стихотворные размеры...

Вывод был таков:

«Чем реакционнее буржуазия, чем слабее социальная почва под ее ногами, тем поспешнее старается она бежать от современности, тем упрямее и консервативнее цепляется за изжитые формы...

Брюсов извращает революцию, шаблонизирует сознание, воспитывает статичность и архаизм эмоций... Вот почему поэзия Брюсова, несмотря на ее «содержание», является ничем иным, как социально-художественной реакцией».

Корень зла был, конечно, не в Брюсове. Во всяком случае, не в нем одном. Брюсов был даже в лучшем положении, чем другие: он в 1920 году — единственный из поэтов-символистов — вступил в Коммунистическую партию и даже занимал разные начальственные должности в различных советских культурных учреждениях.

Нет, дело было совсем не в Брюсове.

Вот еще одна небольшая — но выразительная — цитата из «Лефа» (№ 3, июнь — июль 1923 г.):

«Маяковский производит чистку поэтов. Под оглушительный рокот одобрения... летят насмарку «общепризнанные» и «академики» — бальмонты, брюсовы, ахматовы,— весь заплесневевший российский Парнас. И под тот же гул восторга поверяют и зачисляют в поэты истинно революционных мастеров слова — Асеева, Крученых, Каменского и других, у которых каждая закорючка пера — блестящий электромагнитный искровой разряд. И лишь жалобными голосками попискивают свои протесты случайно забредшие сюда литературные недотыкомки-белогвардейцы, которые все еще пыжутся отстоять свой старый литературный строй во главе с абсолютным монархом А. С. Пушкиным».

Таковы были критерии «художественности» и «антихудожественности» в 20-е годы.

Но прошло всего-навсего каких-нибудь десять — пятнадцать лет — и «колесо истории» повернулось на 180 градусов.

В марте 1936 года в «Правде» была напечатана статья «Сумбур вместо музыки», в которой подверглась разгрому опера Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Началась тотальная война с так называемым формализмом в искусстве. (Само собой, не только в музыке.) Теперь «контрреволюционерами формы» стали считаться те самые Алексей Крученых и Василий Каменский, которых совсем недавно как истинных революционеров противопоставляли не только Бальмонту, Брюсову и Ахматовой, но и самому Пушкину.

К чести Маяковского надо сказать, что он такой поворот отчасти предвидел.

«...Мы шли с ним по Петровке в 1927 году,— вспоминал Николай Асеев в беседе со студентами Литературного института 15 ноября 1939 года.— Маяковский вдруг говорит: «Коля, что, если вдруг ЦК издаст такое предписание: писать ямбом?». Я говорю: «Володичка, что за дикая фантазия! ЦК будет декретировать форму стиха?». — «А представьте себе. А вдруг?».— «Я не могу себе представить».— «Ну, что у вас фантазии не хватает? Ну, представьте невероятное».— «Ну, я не знаю... Я, наверное, не сумею, наверное, кончусь». Замолчали и пошли. Я не обратил внимания, думая, что пришла фантазия. Мы прошли шагов сорок. Он махал палкой, курил папиросу и вдруг сказал: «Ну, а я буду писать ямбом».

Этот разговор потом вошел в поэму Асеева «Маяковский начинается». Но там он воспринимается как поэтическая метафора. Асеев тогда еще не мог вообразить, что «нелепое» предсказание Маяковского вскоре сбудется чуть ли не буквально. Рассказав эту историю, он сделал такую оговорку: «...Понятно, что не форма стиха его беспокоила... А я тогда не понял, думал, что этот вопрос — дикая фантазия».

«Дикая фантазия», однако, со временем обрела плоть и кровь. В 1958 году критики дружно хвалили Заболоцкого за то, что, преодолев вредное влияние Хлебникова, акмеистов, в частности Нарбута, он стал «учиться мастерству» у Твардовского и Исаковского.

Но это был уже, так сказать, итог. А «началом поворота», как я уже сказал, была статья «Правды» об опере Шостаковича.

Статью эту прочел писатель Юрий Олеша. И вот что он при этом почувствовал:

«Должен признаться, что, когда я прочел статью «Сумбур вместо музыки», я растерялся. Первым ощущением был протест. Я подумал: это неверно. Шостаковича ругать нельзя, Шостакович — исключительное явление в искусстве. Эта статья сильно ударила по моему сознанию. Музыка Шостаковича мне всегда нравилась... И вдруг я читаю в газете «Правда», что опера Шостаковича есть «Сумбур вместо музыки». Это сказала «Правда». Как же мне быть с моим отношением к Шостаковичу?..».

Казалось бы, у нормального человека тут может быть только один выход: не согласиться со статьей «Правды», остаться при своем особом мнении. И всё тут. Необязательно даже заявлять это свое особое мнение публично. Если бы речь шла о том, заключать или не заключать пакт с Гитлером, ну, тогда другое дело! Но неужели он не может позволить себе иметь крошечное собственное мнение по такому пустяковому, сугубо частному вопросу, как отношение к музыке Шостаковича?

Оказывается, не может:

«Легче всего было бы сказать себе: я не ошибаюсь, и отвергнуть для самого себя, внутри, мнение «Правды».

К чему бы это привело? К очень тяжелым психологическим последствиям.

У нас, товарищи, весь рисунок общественной жизни чрезвычайно сцеплен. У нас нет в жизни и деятельности государства самостоятельно растущих и движущихся линий. Все части рисунка сцеплены, зависят друг от друга и подчинены одной линии... Если я не соглашусь с этой линией в каком-либо отрезке, то весь сложный рисунок жизни, о котором я думаю и пишу, для меня лично рухнет: мне должно перестать нравиться многое, что кажется мне та-

ким обаятельным. Например, то, что молодой рабочий в одну ночь произвел переворот в деле добычи угля и стал всемирно знаменитым. Или то, что Литвинов ездит в Женеву и произносит речи, влияющие на судьбы Европы. Или то, что советские стрелки в состязании с американскими оказываются победителями, или то, что ответы Сталина Рой Говарду с восторженным уважением цитируются печатью всего мира.

Если я не соглашусь со статьями «Правды» об искусстве, то я не имею права получать патриотическое удовольствие от восприятия этих превосходных вещей — от восприятия этого аромата новизны, победоносности, удачи, который мне так нравится».

Олеша очень тонко почувствовал претензию того удивительного общества, к которому он принадлежал, на полную, абсолютную, тотальную власть над душами своих сограждан.

Но это было только начало его речи.

Разделавшись с Шостаковичем, Олеша вдруг, ни с того ни с сего, заговорил о... Джойсе. Казалось бы, ну при чем тут Джойс? О Джойсе в статье «Правды» не было речи... Но Олеша прекрасно знал, что Джойс тут очень даже при чем. Во-первых, он, Олеша, не раз признавался, что ощущает гениальность этого художника. Однажды сказал даже, что Горький для него (сам Горький!!!) «формально менее интересен, чем Джойс». У Джойса встречаются порой совершенно поразительные метафоры. А он, Юрий Олеша, не раз говорил, что метафора — это единственное, что остается от искусства в веках.

Но Джойс — сложен, элитарен никак не меньше, чем Шостакович. Значит, рано или поздно обязательно дойдет и до Джойса. Если он не расправится с Джойсом сразу, сейчас, потом ему от своей привязанности к нему уже вовек не отмыться. Нет, уж лучше сделать это немедленно. И Олеша так заключает свою речь:

«Художник должен говорить человеку: «Да, да, да», а Джойс говорит: «Нет, нет, нет». Все плохо на земле, — говорит Джойс. И поэтому вся его гениальность для меня не нужна... Я приведу пример из Джойса. Этот писатель сказал: «Сыр — это труп молока». Вот, товарищи, как страшно. Писатель Запада увидел смерть молока. Сказал, что молоко может быть мертвым. Хорошо это сказано? Хорошо. Это сказано правильно, но мы не хотим такой правильности. Мы хотим... художественной диалектической правды. А с точки зрения этой правды молоко никогда не может быть трупом, оно течет из груди матери в уста ребенка, и потому оно бессмертно».

Олеша и не думает скрывать, что метафоры Джойса его восхищают своей поразительной художественной точностью. Не скрывает он и того, что мир, из которого вдруг исчезли бы метафоры, представляется ему самым страшным из кошмаров, какой он только способен вообразить. И тут ему приходит в голову спасительная мысль: что бы ни случилось, метафоры останутся! В конце концов ведь фраза Сталина об «экспорте революции», — говорит он, — это тоже метафора! Задача, таким образом, заключается не в том, чтобы научиться жить совсем без метафор (это было бы слишком ужасно!), а всего лишь в том, чтобы разлюбить одни метафоры и полюбить другие.

Готовность Маяковского писать, если прикажут, ненавистным ему ямбом еще как-то объяснима. Но почему все-таки такая невероятная мысль пришла ему в голову? И почему Олеша заранее поспешил отречься от Джойса, о котором в статье «Сумбур вместо музыки» не было сказано ни слова?

Самым простым ответом на эти вопросы могла бы стать фраза одного героя Михаила Зощенко:

— Я уже десять лет присматриваюсь к этой стране и знаю, чего бывает.

Однако соображение это, при всей своей глубине и тонкости, не исчерпывает существа дела.

3.

Мне рассказывали про одного писателя, что в 1937 году, оказавшись во внутренней тюрьме Лубянки, он сказал, обращаясь к своим сокамерникам, которым, как и ему, — он точно знал это — решительно не в чем было признаваться:

— Товарищи! Мы коммунисты, и наш партийный долг — помогать следствию.

По сути дела он призывал их к тому же, к чему Маяковский призывал Асеева. К тому же, что сам, по доброй воле проделал над собой Юрий Олеша.

Аналогия эта может показаться грубой натяжкой. Писатель, о котором идет речь, произнес эту свою замечательную фразу, уже оказавшись во власти той всесильной организации, которая внушала всем и каждому поистине мистический ужас. Маяковского и Олешу чаша сия миновала (Маяковский застрелился за 7 лет до 37-го, Олеша благополучно умер в своей постели).

Все так. И тем не менее эта всесильная организация уже давно простерла над ним свою длань.

И. Вардин — тот самый, который считал вреднейшим ядом для широких масс «Аэлиту» А. Н. Толстого, — в другой своей речи на том же совещании произнес такие замечательные слова:

«Позвольте мне привести поучительную цитату из эсеровской «Воли России»:

«Коммунизм проходит различные стадии. Сперва он добивался побед материальных, на фронте жизненной действительности. Он связал подданных большевистской республики подчинением диктатуре и обязательной одинаковостью действий. Тогда и оказывала неоценимые услуги ЧК внешняя.

Теперь он желает добиться полного торжества на фронте духовном и сковать всю Россию, а потом и весь мир, цепью одинаковости мысли и чувства. Для этого потребовалась ЧК внутренняя».

Эсеры правильно поняли нашу задачу. Они правильно поняли, что государство и духовно нужно сковать, что государству нужно овладеть идеологическим фронтом... Поскольку мы ведем здесь в этой области борьбу, постольку и литературная ЧК нам необходима...»

— Ну, хорошо, — скажут мне. — Допустим, что эти слова бедняги Вардина (впоследствии он и сам погиб в сталинских лагерях), допустим, что эти чудовищные слова не были метафорой. Допустим даже, что эта самая «литературная ЧК» действительно существовала. Но сейчас-то ее, слава Богу, уже нет! Так почему же вы каркаете, повторяя зловещую реплику народовольца, кинувшего бомбу в царя? Может быть, вы намекаете, что, того и гляди, снова появится какой-нибудь такой официальный «Указатель», где в качестве запретных окажутся те же самые или на сей раз какие-нибудь другие имена?

Что ж, и такая опасность не исключается. Но, завершив первую главку этой статьи фразой «Еще слава ли Богу?», я намекал не на это.

Не угроза появления новых «литературных чекистов», которым опять будет вручена власть над нашими душами, тревожит меня, а та неистребимая система мышления, которая была сформирована многолетней властью тех, прежних «литературных чекистов». Не административные запреты, а само желание запрещать, уверенность, что запрет может быть благодетельным. Запрещать не ради того, чтобы перед кем-то выслужиться, а по внутреннему убеждению. Как говорил Маяковский, «не по долгу, а по душе».

Нынешние сторонники государственной монополии на духовную жизнь общества, конечно, уже не станут говорить с такой обезоруживающей откровенностью, с какой 65 лет назад высказался И. Вардин.

Вот, скажем, Ф. Кузнецов, выступая с трибуны пленума МГК КПСС в июне прошлого года, ту же мысль высказал в куда более деликатной форме. У него речь шла уже не о том, чтобы «сковать духовно» всю страну, но всего лишь о том, чтобы сохранить «власть над умами».

Та же озабоченность прозвучала в статье Игоря Шафаревича «Феномен эмиграции». В этой своей статье, опубликованной в «Литературной России», он объявил, что возвращение к русскому читателю книг писателей-эмигрантов «далеко не безопасный процесс».

Совсем еще недавно Шафаревич сам ходил в диссидентах, участвовал — вместе с Солженицыным — в крамольном сборнике «Из-под глыб», а сейчас — вот те на! — выступает в роли литературного чекиста.

Хотя, если говорить совсем честно, Шафаревич меня удивил ничуть не больше, чем Ф. Кузнецов. В конце концов не все ли равно, какой идеей тот или иной идеолог хочет «духовно сковать» страну! Как говорится, хрен редьки не слаще. (Хотя не исключено, что на наших родных огородах еще удастся вывести какой-нибудь новый вид хрена, который окажется гора-аздо горше привычной для нас редьки.)

Так или иначе, но Шафаревич меня действительно не удивил.

Вот кто меня удивил, так это — Вячеслав Кондратьев.

22 октября прошлого года в «Московских новостях» была напечатана беседа с ним, озаглавленная «Чужие свои: судьбы эмиграции». Все ответы писателя на вопросы корреспондента отличались прямотой, ясностью мысли, определенностью и четкостью формулировок. За ними вставал образ человека умного, смелого, благородного и, безусловно, искреннего. С тем большим удивлением я там прочел:

«Разумеется, необходимо знакомить читателя с тем, чего он был лишен. Но, думаю, нужен и отбор. Вряд ли напечатанная в «Юности» «Золотая наша железка» принесла новые лавры Василию Аксенову. Кажется мне, что и публикация «Иванькиады» Владимира Войновича в «Дружбе народов» мало что добавит автору «Чонкина»: история борьбы за лишнюю жилплощадь, когда люди еще живут в бараках и коммуналках, не внушит читателю особых симпатий к автору.

Журналы едва ли не соревнуются, кто скорее опубликует все написанное в эмиграции. Сейчас, когда идет возвращение великого писателя и гражданина Александра Солженицына, печатается роман Войновича «Москва 2042». Разве примет читатель сатиру на человека с такой трагической судьбой? Уверен, что нет».

Я не собираюсь спорить с Вячеславом Кондратьевым по поводу его оценки давней повести Аксенова, с таким опозданием дошедшей наконец до читателя: он вправе оценивать ее как ему заблагорассудится. Не собираюсь спорить с ним и по поводу названных им книг Войновича, хотя каждому, кто их читал, ясно, что суть «Иванькиады» совсем не в борьбе за лишнюю жилплощадь, а роман «Москва 2042» написан совсем не ради того, чтобы представить сатирический портрет Солженицына. В конце концов каждый находит в прочитанной книге то, что может найти. Как говорится, глубина отвечает глубине.

Поразило меня в этих двух коротких абзацах В. Кондратьева совсем другое. Поразило, с какой унылой последовательностью в них воспроизведены все те старые-престарые аргументы, с которыми мы сталкивались и в возмутившем Горького «Указателе», и в речах И. Вардина, и в письмах Фадеева. Тут и забота о писателе, которому опубликование его книги не принесет новых лавров. И забота о читателе, которому подсовывают не вполне доброкачественный товар.

Совпадает не только логика «старого мышления», но и вся его привычная терминология: «Публикация... не внушит читателю особых симпатий к автору», «Разве примет читатель...».

Характерно: речь идет о книгах, которые (кроме аксеновской «Железки») еще не опубликованы. Их только собираются публиковать. А В. Кондратьев уже заранее знает, примет их читатель или не примет, внушат они читателю симпатии к автору или не внушат.

Сам он, значит, эти книги читал. И ничего страшного с ним не произошло. Остался, как говорится, при своем мнении. Так, может, стоит и читателю предоставить такую же возможность: самому прочесть и самому решить, вызывают эти книги у него симпатию к автору или не вызывают. Или мы, шесть с половиной десятков лет спустя после комического заявления И. Вардина, будем повторять все эти благоглупости: мол, сами мы обладаем известным иммунитетом, поэтому нам, профессионалам, можно, а широким массам — ни-ни! Для них это — самый что ни на есть наивреднейший яд!

Даже позиция Д. Урнова, который нещадно громил в печати Пастернака, Ахматову, Солженицына, Войновича, — и та больше соответствует духу «нового мышления». Громить-то он их громил, но при этом решительно высказывался за публикацию книг этих авторов. Мало того, был искренне рад, что эти слабые и скучные, на его взгляд, книги наконец опубликованы и вот теперь он с легким сердцем может не оставить от них камня на камне. Оценки Д. Урнова остаются на его совести. Но, как к ним ни относись, высказывал он все-таки всего лишь свое личное мнение. Не говорил от имени всех. А В. Кондратьев именно за нас всех решает — не только кого нам надлежит опасаться, но даже и кого нам следует боготворить:

«...Солженицына принимают все. Это национальный писатель, русский не только по происхождению, но и по духу, который любит Россию так, как, возможно, никто из нас. Поэтому время для критики его произведений просто не наступило, а может, и не наступит...»

Так прямо и написано: «и не наступит». Для критики Шекспира, Сервантеса, Гоголя, Толстого, Достоевского такое время наступило, и довольно быстро. А для Солженицына даже и не наступит.

Восторг, с которым В. Кондратьев славит своего любимого писателя, делает честь его чувствам. Но, может быть, все-таки лучше было бы, если б он говорил именно о своих чувствах, а не решал за всех. И, может быть, не стоило бы с такой категоричностью отвечать на вопрос, кто больше любит Россию, а кто меньше. Вряд ли мы вправе даже задаваться таким вопросом. Любовь — чувство интимное. Каждый любит по-своему. Даже мудрый король Лир не сразу разобрался в том, которая из дочерей любила его больше.

Более ста лет назад А. К. Толстой опубликовал свою балладу-притчу «Поток-богатырь». Герой этой баллады, проснувшись через триста лет и понаблюдав за нравами и обычаями российских интеллигентов, так выразил свое к ним отношение:

И подумал Поток: «Уж, Господь борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдается, такая потребность лежать
То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе!»

Именно вот на этом — даже по меркам XIX века — «вчерашнем духе» основаны решительные суждения В. Кондратьева.

Мне вспоминается старая, несколько фривольная, но зато бьющая не в бровь, а в глаз история, рассказанная,

если не ошибаюсь, Анатолем Франсом.

Посетитель одного музея обратил внимание на то, что многие античные статуи, хранящиеся в нем, слегка повреждены. Это его не особенно удивило: он знал, что ни одна античная статуя не добралась до наших времен в целости и сохранности. Удивило его другое: повреждены были только мужские статуи, и все повреждения были в одном и том же месте.

На вопрос, заданный по этому поводу смотрителю музея, тот признался, что это — дело его рук.

Поступок свой он объяснил тем, что в музей ходят юные девицы, глядят на изваяния обнаженных мужчин и при этом у них возникают... как бы выразиться поделикатнее... ну, скажем, так: несколько преувеличенные представления о реальности. И потом им приходится разочаровываться. Вот поэтому-то он и решил собственными руками привести эти изваяния, так сказать, в соответствие с нормой.

— Но что вы при этом принимали за норму? — поинтересовался посетитель.

Скромно потупившись, смотритель ответствовал:

— Разумеется, себя.

4.

Возвращая читателю то, что долгое время хранилось в «запасниках» (слово это, конечно,— чистейшей воды эвфемизм), мы должны исходить из того, что на свет из небытия должно быть извлечено ВСЁ. Читатель сам разберется, что ему нужно. Тем более что никакого такого единого, монолитного, обобщенного Читателя, от имени которого мы привыкли говорить, не существует в природе. Одному придется по душе одно, другому — другое.

Итак, конечная наша цель состоит в том, чтобы вернуть читателю все, что было у него отнято.

Но тут возникает такой вопрос: зачем?

Неужели только для того, чтобы ублажить всех— от любителей Аверченко и Тэффи до почитателей Джойса?

По правде говоря, такой стимул тоже представляется мне достаточно основательным поводом для того, чтобы как можно шире распахнуть «запасники». Но есть для этого и другое, более серьезное, более насущное и жизненно важное обоснование.

5.

26 июля 1907 года Лев Николаевич Толстой написал большое письмо Петру Аркадьевичу Столыпину.

Были они людьми, как принято было говорить в то время, одного круга. Мало того, отец Петра Аркадьевича — Аркадий Дмитриевич Столыпин был давним приятелем Льва Николаевича, товарищем его по Севастопольской кампании. Дружеские их отношения сохранялись на протяжении нескольких десятилетий, о чем свидетельствует, например, такая записочка от 19 декабря 1895 года: «Дорогой Аркадий Дмитриевич! У нас нынче от двух с половиной часов до пяти играют чехи (квартет знаменитый), не приедете ли вы и Мария Аркадьевна. Это доставило бы удовольствие и вам и нам».

Однако письмо Л. Н. Толстого сыну своего давнего товарища носило отнюдь не частный характер. Речь в нем шла о предмете, который Льву Николаевичу представлялся делом первостепенной важности: об упразднении частной собственности на землю.

«Нужно теперь для успокоения народа,— писал он,— не такие меры, которые увеличили бы количество земли таких или других русских людей, называющихся крестьянами (как смотрят обыкновенно на это дело), а нужно уничтожить вековую, древнюю несправедливость...

Несправедливость состоит в том, что как не может существовать права одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью.

Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею».

Письмо было длинное, страстное, убеждающее. Столыпин на него не откликнулся. В октябре того же года Лев Николаевич вновь обратился к Столыпину, на сей раз с короткой записочкой по более частному поводу (речь шла о судьбе одного человека). Записочка эта заключалась фразой: «Очень сожалею, что вы не обратили внимания на мое письмо».

На сей раз Столыпин Толстому ответил.

Письмо Толстого каждый любопытствующий может прочесть в Полном собрании сочинений Льва Николаевича (т. 77, стр. 164—168). Ответное письмо Столыпина не столь доступно: оно было напечатано только однажды в так называемом «Юбилейном сборнике», вышедшем крошечным тиражом в 1928 году. Поэтому я позволю себе процитировать его почти полностью:

«Лев Николаевич... Не думайте, что я не обратил внимания на Ваше первое письмо. Я не мог на него ответить, потому что оно меня слишком задело. Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности, ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств...

Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю... Теперь я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитой элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность...

Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла на верх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину. Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и главное греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем. Сознаю, что все это пишу Вам напрасно — это и было причиною того, что я Вам не отвечал...

Простите.

Ваш П. Столыпин».

Не скрою, прочитав впервые это письмо, я был потрясен. Прочел я его, потому что занимался Толстым, а отнюдь не Столыпиным, и изначально исходил из того, что Толстой в споре с царским министром должен быть — не может не быть! — прав.

Что я знал о Столыпине до того, как мне попалось в руки это письмо? Знал, что такое «столыпинский вагон». Слышал о том, что такое «столыпинский галстук». Вертелись в голове куплеты, которые распевал в годы так называемой «столыпинской реакции» популярный в то время куплетист Зингерталь:

У нашего премьера
Ужасная манера
На шею людям галстуки цеплять...

Прочитав ответ Столыпина Толстому, я был поражен не только тем, что фигура Столыпина предстала передо мною совершенно в новом свете. Что Столыпин был человек незаурядный,— это я понимал и раньше. Больше всего поразило меня то, что в свете — именно в свете — этого столыпинского письма совершенно по-новому вырисовывались многие последующие события нашей истории. Словно мощный луч прожектора осветил их и открыл мне истинное значение этих событий. Я вдруг вспомнил, что Сталин, обосновывая необходимость и правильность политики коллективизации, ссылался на психологию русского крестьянина, в сознании которого — прочное, веками въевшееся убеждение, что земля — ничья, что она — Божья.

Я, разумеется, вовсе не собираюсь утверждать, что идею коллективизации Сталин вывел из идей Толстого. И уж совсем я далек от того, чтобы объявить Толстого хоть в слабой степени ответственным за преступления сталинской политики раскрестьянивания. Однако именно Толстой, великий авторитет Толстого в какой-то мере определил приемлемость этого политического курса в глазах интеллигенции. Обусловил сознание моральной его оправданности.

Но речь я веду не о Толстом. И даже не о Столыпине.

Речь о том, что в «запасниках», которые так долго были для нас закрыты, отыщется немало вещей, имеющих отнюдь не только культурную и, так сказать, историческую ценность. Многое из того, что мы там обнаружим, окажется для нас жизненно важным, насущно необходимым для сегодняшнего, сиюминутного нашего бытия, для верного понимания тех жгучих, неотложных, к горлу подступивших проблем, от решения которых прямо зависит не только наша жизнь, но и жизнь наших детей, внуков.

Культура не музей. Она — проявление жизни. Пытаясь втиснуть в какие-то заранее заданные рамки искусство, или литературу, или философию, или политическую экономию, мы не просто ущемляем некое абстрактное наше «культурное достояние», но тем самым калечим и уродуем саму жизнь.

У А. К. Толстого, которого я тут уже цитировал, есть грустная сказочка о государе Петре Алексеевиче, заварившем великую историческую кашу. Завершается она таким ироническим диалогом:

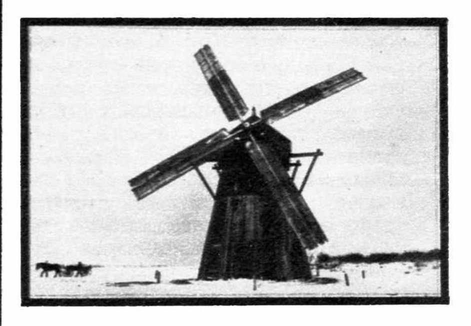
— Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет крýтенька?
— Крýтенька, матушка, крýтенька,
Крýтенька, сударыня, крýтенька!

— Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет сóлона?
— Сóлона, матушка, сóлона,
Сóлона, сударыня, сóлона!

— Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто ж будет ее расхлебывать?
— Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!

Вот мы с вами и есть те самые «детушки», которым выпало расхлебывать эту кашу. Но, чтобы расхлебать ее, надо точно знать, кто, когда, где и сколько «пересолил». И ясно понимать, что заваривалась эта каша отнюдь не в 1917 году, как наивно думают некоторые.

Окончание. Начало на обл. II.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Вот и продали на доллары за осень... сколько баран начихал — меньше четверти миллиона тонн. Это около одной стопятидесятой части закупленного за рубежами, верно? Была еще идея: рассылать по колхозам товарные каталоги западных фирм-поставщиков — и пускай себе продавец сильной пшеницы заказывает-получает редчайший дефицит сам. Хотелось бы и областному активу полакомиться — ан руки коротки... Разумно? Блажь! Бред! Фантастика!! В феодализированном обществе только спятивший вассал рискнет взять себе то, чего нету еще у благородного сеньора. Все под Богом ходим, и председатель сам себе ямы копать не станет.

— А вы ж нам недодали! Технологию не закруглили! Где шифер, где гвозди, где раздатчик кормов КТУ-10А, цистерны молочные, трубы тонкостенные бесшовные, где? У фермера в Голландии — хоть спутники заказывай, у нас госплан — бар, материал — йок. Вы дайте — так и колхозы вас завалят...

— А вы избавьте колхоз от госзаказа, пустите его хоть в меновую торговлю, в прямой продуктообмен с заводом, с городом. Так и колхоз не надо будет растаскивать на клочки — зерном и мясом завалим.

— Вы уравняйте социально крестьянина с горожанином, тогда и...

— Вы все министерскую карусель крутите, собрать агропром — разогнать агропром, а дороги в деревне построили? Вы создайте инфраструктуру, тогда и...

Такова идеология пролонгации режима, увода в привычные, нескончаемые и безопасные споры-тяжбы с госпланом. И «вы» в этих обличениях не так даже горизонты власти, как те баламуты, вольтерианцы, какие толкуют насчет того, что «из этого роя» нигде не выходит ничего, ни во Вьетнаме, ни в «странах народной демократии», что все натурализует и расставит по местам рынок, он и горбатого исправит, и научит калачи есть...

— Выпустить из своих рук хлеб и извлечение его от производителя государство не должно. Это вопрос нашего дальнейшего существования.

Опять-таки: такая прямота речи сегодня твердокаменному не в дугу, объясняются более полутонами. Это отпор сторонника «военного коммунизма» М. Фрумкина Ленину и нэпу на X съезде партии.

Оно, может, и странно было бы от людей одной выделки, одной жизненной школы ожидать флюгерных поворотов — не дай бог иметь дело с народцем «чего изволите?». И само это сопротивление корпуса словом и действием — тоже в какой-то степени знак гласности, проявление плюрализма: «не сметь командовать!» — это и корпусник, конечно, принимает, тем более что командой считается то, что́ **над** хозяйством, а не **внутри** его. А вторая часть ленинского блока — «учиться торговать» — за невключенностью, бездействием просто не проявила, кто есть кто и кто чего стоит. «Учитесь выбивать» — это 60 лет в деле, тут вдосталь мастеров спорта и чемпионов, жизнь со странными деньгами, которые на самом деле не приносят счастья, искривила позвоночники и натуры — и никакой Страшный Суд, никакие Гдляны — Ивановы не перечислят всех грехов первоначального (и последующего!) накопления лидеров и старейшин корпуса.

...Ладно, но как же тогда «успели»? И успели ли? Каким же образом твердокаменный состав позволил и не твердому, и не каменному провести не мытьем, так катаньем и ту позицию, что арендодатель — Совет, а не колхоз-совхоз и что у гражданина СССР — пожизненное наследуемое владение, а у колхоза-совхоза — коллективное владение только и что пожелавшим выйти из состава сельхозпредприятий (статья 24) по решению Совета народных депутатов и «с учетом интересов сторон» (все поровну, все справедливо) «предоставляются участки, изъятые из земель указанных предприятий»?

А вы вспомните: «...мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны». Второй съезд Советов, 1917 год, Ленин. Механика проникновения мнения «низов» сквозь стены парламентов — тайна, но хотите к ней прикоснуться — читайте проект Основ законодательства...

Те двое пляшущих радовались авансом — частной и местной удаче. Успели в самом ли деле — не знает, увы, никто. «Успеть» и «успех» — однокоренные слова, и время, увы, такое, что в сто раз легче опоздать и промазать, чем попасть в точку.

III

Как считаете, кто конкретно в N-ском районном центре заинтересован в том, чтобы

...архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик?

Вообразите себя на улице глубиннорусского городка, поминаемого в летописях XI, скажем, века: вы приехали с дерзкой целью жить своими трудами от земли, идете мимо вывесок. Райком КПСС? АПО или его вариации? Райпотребсоюз, банк, заготзерно, колхоз-совхоз? Нет, все это сконструировано для отторжения и подавления иных, кроме командной, систем. Допустим, теперь вас не сочтут душевнобольным, если подадите в одну из контор письменную просьбу на 50 га пашни. Предположим, что вы как рабсила даже нужны. Все равно: район — в смысле экономики — может и зрачком на свет не реагировать, зеркальце у губ его не запотеет, а пришелец с наглым требованием: «Дай земли поработать, пропадает ведь!» — увидит над изголовьем флаг: «Погибаю, но не сдаюсь».

Тут, конечно, метафора. Никакой гибели личной не будет. Зарплата, выдвижение, стаж, борьба с трудностями (а где их нет?) остаются такими же, как и в золотом чайном районе Абхазии или в кубанской Усть-Лабе. Сборы с полей, падеж скота или одичание такового, кáлечь тракторная в лебеде и полыни, черные скелеты коровников и старушечьи стайки в ожидании хлебозавоза в сельпо никак не сопряжены с районными буднями, и структура служилая в идейном смысле будет и здесь совершенно одинаковой генетики с Ферганой, Флорештами и Кулундою.

Вообразим, что пришелец явится в райком. Основная должность — инструктор. Его занятие (по словарю) — «давать руководящие указания», а они новичку-то и не нужны на дух, как говорится. Во-первых, главного и первейшего — как добыть земли и денег в банке на обзаведение — этот младший работник партаппарата и не знает; а во-вторых — его, инструктора, умение подготовить справку, слет, актив, привезти кандидатуру на утверждение, расследовать сигнал пришельцу нужны, как журавлиный кувшин лисе. Этот чудак и приехал сюда, чтобы жить на собственный страх и риск, ему-то в райцентре интересно только материальное: банк да сельхозсклад...

Ну, а у практика-председателя, где и техника, и дифференцированные цены (бюджетное покрытие полного распада), и просто изба на первое время, интерес к пришельцу возникнет какой? Оздоровительный. Родное хозяйство за счет бродяги оздоровить. Сам явился — так что́, наживаться на колхозной ниве? Фермер? «Может, прикажешь и господином тебя называть?»

В сущности, инструктору, как чисто служащему человеку, тот пришелец не так уж и страшен. 35 лет партаппарат искал формы руководства, чтобы команда не замечалась, а шла как бы изнутри. От зональных секретарей райкомов, которые и жить должны были при МТС, через парткомы теруправлений, через роспуск и реставрацию райкомов к нынешнему вежливому и тактичному сельхозотделу — какой серпантин, какая петлистая горная дорога, и все ведь подъем, крутой подъем! «РКП никогда не ошибается, РКП всегда права, РКП всегда предвидит правильно ход событий, РКП обладает в максимальной мере талантом, умом и характером. В промежутке между партийными съездами этими качествами обладает ЦК РКП, а в промежутках между заседаниями пленума они принадлежат Политбюро ЦК»,— писал видный публицист Ю. Ларин в приложении к «Правде» при Ленине (тогда это было можно).

А вот практик-пред — иное, ему придется с корыстным единоличником конкурировать. Было что? ЛПХ. Личное подсобное хозяйство. Подсобное чему? Выжить. Но и наведению дисциплины подсобное тоже: первейшее средство контролировать дыхательные пути... Сейчас оно тоже подсобное — экономике общества путем натурального самопрокорма масс. С 5,3 процента угодий 89,4 процента плодов и ягод, 44 процента овощей, почти четверть мясного производства страны и сорок пять процентов картофеля, который к тому ж не гниет. Это питает простой БАЗАР, больше им не тычут в глаза. Но тут XVIII век, лопата, вилы да подойник, технология эпохи Радищева без заметных к тому же обид. Уступил по шесть соток боло́та, где и лягушки все в ревматизме, какому-нибудь райкомхозу — вчерашние деревенские радехоньки, через два года клубнику сбывают.

Этот же, сегодняшний, в джинсах и в ондатре, на уме держит «Беларусь», голландскую теплицу и поставку бифштексов в рестораны. Он принес РЫНОК и норовит поставить вопрос «кто кого?», и уж если прямо на лбу у него читается: «не сметь командовать!», то за душой — «учиться торговать». Его, конечно, численно мало: на всю страну считанные тысячи, причем в основном в Прибалтике. Но он молод, по анкетам сорок четыре процента претендентов на фермерство — люди от двадцати одного года до тридцати, двадцать три процента — от тридцати до сорока. Самый смак! Причем очень часто это горожане — жертвы принудительной урбанизации, беглецы от Серпа к Молоту во втором или даже первом поколении. Если с конца 20-х по 70-й год бежало в города 60(!) миллионов крестьян, так найдется кому и вернуться. Его одиночество, единоличность — жупел, экономическая ерунда: объединяется (кооперируется то есть) он мгновенно, и альянсы многообразны, непредсказуемы — от договоров с голландскими, скажем, мастаками теплиц и зимней зелени до прямых альянсов с нашими несытыми заводами.

На социальную арену — нечастое явление в жизни! — выходит новый социальный тип. Он как голый на морозе, ему пока не до жиру, быть бы живу, маленько понимания, сочувствия и минимум точных знаний. Ему нужен посредник между правящим укладом и им самим.

Один образованный дворянин в пору, когда «все переворотилось», согласился быть мировым посредником 4-го участка Крапивенского уезда Тульской губернии. Продержался только до июня 1862-го — и ушел, сдался: «Посредничество... поссорило меня со всеми помещиками окончательно и расстроило здоровье, кажется, тоже окончательно». А ведь Лев Николаевич Толстой был здоров замечательно...

Посредник — миссия тяжкая, но для земельной реформы необходимая. «Авангардная роль коммуниста» — ставлю снова этот газетный штамп на полном серьезе и со всей сердечностью. Альберт Каулс, лидер крупнейшей агрофирмы «Адажи» и председатель союза сельхозработников Латвии, стал, кроме прочего, и крестьянином: взял с сыном сто га запущенной пашни. Знаю адрес сельского райкома партии — Карымского Читинской области, где первый секретарь Виктор Васильевич Ушаков сделал пестование вольного землепашца делом всего района. Знаю телефон сотрудника ЦК КПСС В. Ф. Башмачникова, доктора наук, уже положившего на советское фермерство всю энергию и жизнь. Знаю даже председателя подмосковного колхоза «Борец» **А. Ф.** Филиппова, который — для оздоровления внутриколхозной обстановки! — двести га пашни отдал под трудовые крестьянские хозяйства.

Но чтобы коммунист-ученый да доцент МГУ затеял кооператив по обучению и приживлению фермеров, по трансплантации крестьян в болеющий (только, конечно, в данном районе!) колхозно-совхозный симбиоз — этого не мог и вообразить. А факт имеет место, и сотни хороших людей уж наверняка будут вспоминать эту взрослую бурсу как дни надежд и своего бесстрашия...

Итак, в Переславле-Залесском, где на ржаной экономике оснащал рать Александр Невский, где родился — ботом Петра — российский флот, в местном Доме пионеров среди сегодняшней большой нищеты кооператив «Колос» учит крестьянскому ремеслу волонтеров со всей страны. Доцент МГУ (тот самый!) Владимир Максович Ефимов ведет семинар по бухгалтерскому учету.

— В чем разница между платежным поручением и платежным требованием?..

Парни в основном послеармейского возраста, один из Новокубанска, другой из Оша, третий — ярославец, за свои деньги, но с оплатой после обращения в фермерство освоят здесь основы зоотехники, компроизводства, экономики, финансов... Шестнадцать обосновавшихся в районе сельхозкооперативов получили 4026 гектаров угодий, у них пятьсот коров и около двух тысяч романовских овец, при любой нужде кооператор едет в Переславль — естественно, в «Колос»,— в свою структуру, где его знают, ценят, добудут кредит — и никогда, представьте, не ставят на ковер. Названия колоритные, конечно же, с привкусом времени: кооператив «Витязь», кооператив «Русь», «Золотое руно», белорусский «Папарць кветка». На фоне «Красного пламени» да «Красного эха» прошлой топономики — несколько безыдейно.

Ну, а зачем вся эта новость району? Да швах дело в районе, зе́мли пришли в негодность, сбор зерновых — 12,8, на таком дружину не поднять, а картофельный урожай — 73,9: один клубень сажаем — два собираем. Из 33,7 миллиона рублей **только надбавок** на немощь (гальванизация колхозов-банкротов считается элементом социального равенства) район больше двадцати миллионов разматывает невесть куда, и только 12 миллионов возвращаются прибылью... А тощища от заколоченных черных изб, проломанных церковных куполов, непроезжих дорог, от ферм, как лагерные бараки, тощища такая, что говорить о преимуществе Системы в данных широтах конфузно...

Так «крестьянин» или «фермер»? «Крестьянин», по Далю,— «сельский обыватель, принадлежащий к низшему податному сословию». «Фермер» же — «хозяин или съемщик хутора». А в другом словаре даже «владелец сельскохозяйственного предприятия». Парни это раскопали, но дело, разумеется, не в филологии-семантике, а в тяге к воле, уважению и... Фермера еще никто нигде не кулачил, а с крестьянином бывало! Поэтому, пожалуйста, фермер Иванов Валерий Викторович, ему и жене Надежде Владимировне — по тридцать, матери Анне Степановне — 57, Надя и мама — собственники, а юридическое лицо — он один. Предложили ему 41 гектар пашни в заброшенной деревне Жданово, там семь домов, одни пенсионеры — корзины плетут да промышляют на дачниках. Сам он из Куйбышева, был главным ветврачом, есть и агрономическое образование, но надоело ходить на помочах. Каждый день на планерку? И отвечать за то, в чем не виноват? И делать не свое дело? Согласен работать день и ночь, из кожи вылезать, но отвечать сам за себя. С колхозом договор: Ивановы должны продать пять тонн баранины, 240 кило шерсти, цены закупочные высокие, на рынок пробиваться невыгодно. Правда, колхоз — не тертый, не мятый — получит на продукции столько же, как Иванов. Просто порода романовская катастрофически падает, за ягненка — 200 рублей! Кредит пока дают льготный, ставка до одного процента. Банк говорит: «Любые деньги — под обоснованный расчет!..»

Эта денежная насыщенность разговора — пожалуй, первая отличающая фермера грань. Вторая — полное равнодушие к газете, писателю: не важно, что и как про тебя напишут, расскажут, а если занят, так занят — и ни минуты на всю эту муру. И грань третья — не жаловаться. Претензии могут быть кому? Начальству. А над ними начальства нет. Свободен, понимаете?

Земская школа в заснеженной деревне, на улице иней на сухом бурьяне. Ни петушиного крика, ни детского шума — пустыня. Когда-то были липы вокруг, их давно спилили, от пней поднялись пучки молодых стволов — пилить некому. Были и большие окна — выломали, полы унесли, остались от классной комнаты стены да потолок — высокий, струганый... От Чехова, школьных зданий строителя, известен тогдашний стандарт: высота пять аршин, выше трех с половиной метров... А учительская комната живая, а в ней печка русская, и топит ее, согревая трехлетнего сына и еще полугодовалого в коляске, белозубая Галя. Топит и мужа ждет — в город поехал, а вечером у овец управляться, а на Рождество к своим поедем, под Брест, а весной дом свой класть начнем, кирпичный, малый уже здесь родился — деревня называлась Свечино́. Ничего, обстроимся, знали ж, на что идем.

Я видел молодые семьи в начале целины, позже — на Братске и в нищенских балках нефтяной Тюмени. Нищета унижает и просящего, и того, кого просят. Но в нахолодавшем за двадцать пустых лет школьном доме жила не жалобщица, не подданная — государыня хозяйка. А тот, что в коляске, ухватил меня продрогшей лапищей за палец и все встать, встать, разбойник, норовит. Чистенький такой — и воробышком пахнет.

Декабрь 1989.

ЗАБРОШЕННЫЕ КЛАДБИЩА

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Отношение к мертвым — самый точный портрет живых. В обществе «социальной справедливости» мы умудрились даже покойников выстроить по ранжиру, создав целую иерархическую систему кладбищ: закрытых, полузакрытых, для «сильных мира сего» и для простых смертных. В этой системе есть и еще одна категория кладбищ, которые по горькой аналогии можно было бы назвать «неперспективными», заброшенными. К таким можно отнести и Ворошиловское кладбище.

Хоронят здесь давно. Было тут хорошо и тихо: вокруг поля, рядом лесок и старая церковь. Но вот поселок Северный, где находится кладбище, несколько лет назад включили в Тимирязевский район столицы. Жителям поселка это решение было, конечно, в радость: москвичами стали!

Что же касается мертвых, то они вдруг стали помехой. Моссовет постановил: «Дальнейшие захоронения на кладбище запретить». Мотивы? Кладбище находится в санитарно-защитной зоне Северной водопроводной станции. Как будто раньше оно в другом месте находилось!

Мешает станции совсем другое. Рядом с кладбищем в соответствии с другим решением Моссовета метростроители стали сваливать грунт. Как у нас часто бывает, скоро это место превратилось в свалку мусора. И все это на границе санитарно-защитной зоны. С этим мирятся. Это мало кого волнует. А вот с болью людской, памятью не считаются.

Директор Долгопрудненского комбината ритуального обслуживания В. Шарапов возмущается:

— Ну что за народ, повесили таблички, указали, что захоронения запрещены, что виновные будут привлечены к уголовной ответственности, а они сбивают таблички и хоронят. Обращались мы и в прокуратуру — да толку...

Однажды работники этого комбината попытались даже помешать похоронам. Их чуть не поколотили, но, судя по всему, ни у кого сердце не екнуло: а что же это мы, братцы, делаем?! Составили акт: такого-то числа при попытке воспрепятствовать захоронению такого-то присутствующие пригрозили физической расправой. Акт опять направили в прокуратуру, но тем дело и кончилось, затерялась где-то бумага.

Не дай Бог родителям хоронить своих детей! Дмитрий Кузьмич Тчнаев похоронил здесь своего сына, погибшего в армии. И вот теперь на его глазах совершается надругательство над кладбищем, над родными могилами, над святыми чувствами. Причем делается это не какими-то подонками, а от имени органов власти. А на все его жалобы в эти органы — официальный ответ: все нормально, все по закону!

Сколько их, заброшенных кладбищ?!

Впрочем, стоит ли удивляться. Архипелаг ГУЛАГ создал огромное кладбище, от которого постарались не оставить и следа, вычеркнуть из нашей памяти безвинно убиенных. И пока мы терпим, соглашаемся, что нашу память можно заровнять бульдозером, засыпать землей, устроить свалку, мы обречены на беспамятство.

Отношение к мертвым — самый точный портрет живых!

Д. ЧУБУКОВ
Фото И. ГАВРИЛОВА, Я. СТОРОЖИНСКОГО

Библиотека зарубежного детектива

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Детектив второго класса Том Лепски слыл самым жестким офицером в городской полиции. Высокого роста, жилистый, с голубыми как лед глазами на изборожденном глубокими складками, загорелом лице, в котором проглядывало что-то ястребиное. Он был не только жестким, но и честолюбивым.

В семь часов он вошел в здание полицейского управления в смокинге с иголочки, в алой бабочке и черных туфлях из телячьей кожи.

Чарли Тэннер обомлел.

— Да провалиться мне на этом месте, если это не наш Том, расфуфыренный, точно кинозвезда! — воскликнул он...— Куда это ты намылился?

— Спроси шефа... если он сочтет нужным, то сам расскажет... может быть,— ответил Лепски и, прошествовав игривой походкой через дежурную комнату, поднялся по лестнице в кабинет Террелла.

Террелл и Беглер оглядели его, изо всех сил стараясь не выдать своего изумления.

— Докладываю, сэр,— бесстрастно отчеканил Лепски.— Группа из пяти человек готова немедленно отбыть в Казино. Какие будут указания, сэр?

Мясистое лицо Террелла покрылось складочками от улыбки.

— Спасибо за службу, Том. А вы недурно принарядились.

— Очень впечатляет,— вставил Беглер.— Это все твое или взял напрокат?

Лепски насупился, и Террелл поспешно сказал:

— Какая разница? Ладно, Том, глядите в оба. Оружие при себе?

Лепски бросил недобрый взгляд в сторону Беглера, потом кивнул.

— Да, сэр...

— И послушай, Том,— сказал Беглер,— хоть ты и разоделся в пух и прах, но не воображай, что ты один из тех богатых бездельников, которые пришли поразвлечься. Чтоб ни капли спиртного и никаких девочек. Усвоил?..

— Есть, сэр,— процедил Лепски с каменным лицом.

— Хорошо, Том,— сказал Террелл,— ступайте. Надеюсь, вам не придется тревожить нас.

— Есть, сэр,— повторил Лепски и вышел из кабинета. Закрыв за собой дверь, он погрозил ей кулаком...

В полночь Гарри Льюис убрал бумаги со своего рабочего стола, закурил сигару и вышел из кабинета, спустился в лифте на первый этаж.

Пока вечер не принес никаких неожиданностей. Игра началась в половине одиннадцатого. Каждые пятнадцать минут к Льюису поступали сводки от крупье. Как и предполагалось, игра шла по-крупному, без оглядки. До сих пор Казино оставалось в выигрыше, однако была компания бразильцев, которая могла доставить неприятности. Льюис решил, что пора спуститься и понаблюдать за игрой.

Войдя в игорный зал, он заметил Лепски, зорко следившего за происходящим вокруг.

Льюис подошел к нему.

— Рад видеть вас здесь, Том,— сказал он, пожимая руку детективу...— Ваши люди здесь?

— На террасе, сэр. Они получили указание заглядывать сюда каждые десять минут. Вряд ли вас устроит, если здесь постоянно будет маячить наряд полиции.

Льюис рассмеялся.

— Оставляю это на ваше усмотрение, Том. Главное, приглядывайте за деньгами,— сказал он и, кивнув, пошел дальше...

Деньги, лежавшие на зеленых столах, были каплей в море по сравнению с теми деньгами, что постепенно скопились в хранилище. Игрокам не везло в эту ночь. Доллары тысячами текли в подвалы Казино.

Под прохладной сенью хранилища Рита Уоткинс руководила приемкой и отправкой денег.

По мере поступления денег девушки закладывали их стопками в электронную машину, которая сама сортировала банкноты по достоинству, пересчитывала их и выдавала итог на табло...

Деньги прибывали и убывали. Когда на Ритином столе загоралась под каким-нибудь номером красная лампочка, она отдавала распоряжение отправить деньги наверх и записывала номер стола в игорном зале, от которого поступило требование. Работать приходилось быстро, без передышки, и ни одной из девушек нельзя было замешкаться ни на секунду.

У стальной двери хранилища сидели, наблюдая за работой, двое вооруженных охранников.

Тот, что помоложе, длинноногий, поджарый, по имени Хэнк Джефферсон, чуть не выл от скуки на своем табурете.

Его напарник Бик Лодри был постарше, плотно сбитый и уже слегка лысоватый. Он с большим удовольствием глазел на девушек, витая в эротических облаках, и радовался, что у него самая непыльная работа на свете.

За стальной дверью начинался длинный коридор, который вел к служебному входу в Казино. У этого входа, расположенного с тыльной стороны здания, куда каждое утро подъезжали грузовики с продуктами для ресторана, сидел вахтер.

Вахтеру Сиду Ригану был шестьдесят один год. Тридцать восемь лет проработал он в Казино. Это был невысокого роста, толстый и неповоротливый добряк с веснушчатым лицом, редеющими седоватыми волосами и маленькими веселыми глазами. Молодые из обслуживающего персонала окрестили его старым болтуном и занудой. Он всегда умудрялся залучить в свои сети какого-нибудь простака, который вынужден был стоять, переминаясь от нетерпения с ноги на ногу, пока тот живописал в красочных подробностях славное прошлое.

Этот неуклюжий пожилой человек, прилежно исполнявший свои обязанности, честно отслуживший долгие годы, олицетворял собой грубую оплошность Гарри Льюиса в расстановке людей. Риган работал на очень ответственном участке: он следил, чтобы мимо его стеклянной будки не прошел никто из посторонних без внушающего полное доверие документа. Прислушиваясь к досужим разговорам, Мейски выяснил, что Риган любит поступать по своему усмотрению. Ему не нравится, когда им помыкают. Мейски решил сыграть на этой черте Ригана и не ошибся.

Когда Риган увидел, как у служебного входа остановился грузовичок с хорошо знакомыми буквами Айби-эм, это его озадачило, но не насторожило. Он решил, что случилась поломка, а в дирекции забыли сообщить ему.

Мейски хорошо натаскал Чандлера. Тот подошел к стеклянной будке, сдвинул на затылок свою форменную шапку с длинным козырьком и кивнул Ригану.

— У вас поломка в хранилище. Вот непруха! Как раз я по телеку смотрел музыкальную киношку, и тут вызов. Выбрали времечко! — Он протянул Ригану квитанцию на доставку.— Только давай, отец, без волокиты. Тебя ведь предупредили?

Мейски внушил Чандлеру обязательно задать такой вопрос. Часто бывая в Казино, он наблюдал за Риганом. Он видел, как тот останавливает людей, разговаривает с ними, а они не знают, куда от него деваться. Мейски пришел к верному заключению, что Риган воображает, будто на нем сошелся свет клином, и что он в жизни не сознается, будто ему неизвестно о таком важном событии, как поломка калькулятора в хранилище.

На мгновение Риган засомневался, не позвонить ли для верности в дирекцию, потом, вспомнив, что дирекция закрыта, и чувствуя обиду за то, что с ним не посоветовались, он взял квитанцию, сдвинул очки на кончик носа и проверил ее. Все было оформлено, как положено.

— Так... так,— протянул Риган, возвращая очки на место и глядя на Чандлера.— Мне все известно. Вас ждут, сынок. Заносите.— И он шлепнул на квитанцию печать; эта печать служила пропуском в запретную зону.

Тут из грузовика вылез Уош, а следом за ним — Перри. Пока Уош и Чандлер выгружали из кузова большую коробку, Перри подошел к стеклянной будке Ригана.

— Здорово, приятель,— сказал он, зажав в тонких губах сигарету.— А не твоя ли фотография была в газете на прошлой неделе?

Риган приосанился и снял очки.

— Моя. Видел, да? Правда, снимок старый, но вроде бы я не очень изменился. Просидел в этой будке тридцать восемь лет.

— Да ну! — Перри изобразил на своем толстом лице должное изумление.— Тридцать восемь лет! Подумать только! Я-то всего три года, как живу в этом городе. А тебе небось всякое довелось здесь повидать.

Риган клюнул, как форель на муху.

Чандлер и Уош уже прошли мимо него и несли коробку по коридору.

— Повидать? — Риган закурил сигарету, которой угостил его Перри.— Еще бы. Я помню...

За двадцать пять минут до того, как у служебного входа остановился грузовик, к Казино на своей машине подъехал Миш Коллинз; он повесил через плечо ящик с инструментами, вылез и оглядел освещенный парадный вход.

При появлении Коллинза важный швейцар в темно-зеленой с бежевым форме принял грозный вид. Этому здоровенному толстяку в спецовке было, по разумению швейцара, совсем не место перед роскошным фасадом Казино.

Но не успел он возмутиться, как Миш дружелюбно улыбнулся и сказал:

— У вас авария. К нам поступил срочный вызов от мистера Льюиса. Похоже, где-то замыкает.

Швейцар молча уставился на него.

— Не слыхал про это,— наконец проговорил он.

— Слушай, папаша,— неожиданно строго сказал

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

Миш,— а мне какое дело? У вас авария. По мне пусть хоть вообще свет погаснет, но я приехал по вызову и не знаю уж, кто там звонил, только он писал кипятком. Покажешь, где предохранители?

Швейцар поморгал, потом вдруг представил, что случится, если Казино останется без света. Его прошиб холодный пот.

— Конечно... я покажу... идем со мной.

Коллинзу пришлось чуть ли не бегом поспевать за швейцаром по узкой аллее, обсаженной апельсиновыми деревьями, которые пригнулись под тяжестью плодов, к железной двери в стене. Швейцар вынул ключ и отпер дверь...

— Ремонтируй,— сказал он.— Через десять минут я вернусь.

— Не торопись. Здесь возни на полчаса, не меньше.

— Ну, ладно, только дождись меня. Не уходи, пока не вернусь.— И швейцар заспешил прочь.

Миш ухмыльнулся. Он осмотрел предохранители, быстро определил, какой из них замыкает цепь калькулятора. До назначенного времени оставалось еще несколько минут. Он закурил сигарету и открыл ящик с инструментами.

Он был совершенно спокоен и уверен в успехе.

Бик Лодри почувствовал, как пот струйкой сбежал по носу и капнул на руку.

— Эй! Что-то стало жарковато, а? — проговорил Бик. Потом нехотя встал с табурета, подошел к кондиционеру и приложил руку к решетке. Вентилятор гнал горячий, влажный воздух.

— Сломалась, чертова железяка,— объявил он.

Девушки трудились не покладая рук. Поток начал поворачиваться вспять: игрокам все-таки улыбнулась удача.

У Риты платье прилипло к телу, но она не могла даже поднять головы от поминутно вспыхивающих красных лампочек. Поглощенная работой, она только успела нетерпеливым жестом показать Бику, чтобы тот занялся кондиционером.

Бик по своему обыкновению беспомощно обернулся к Хэнку. Если ему поручали хотя бы самое пустячное дело, он всегда норовил свалить его на другого.

В дверь громко постучали, и в тот же миг стал тише, а потом и вовсе смолк ровный гул счетной машины.

— Тьфу ты! — воскликнула Рита.— Теперь испортился калькулятор!

Девушки замерли. Они вдруг почувствовали, какая в хранилище духота. Деньги, частью запечатанные, частью непросчитанные, теперь лежали неподвижными грудами.

В дверь снова постучали.

Раздраженно пыхтя, Хэнк встал с табурета и открыл зарешеченное окошечко в двери. Он увидел высокого, симпатичного парня в форменной шапке с желто-черной эмблемой Ай-би-эм.

— Ну?

— Привезли калькулятор,— выпалил Чандлер.— Ваш-то вроде сломался?.. Мы по вызову мистера Льюиса...

Подошла Рита и взяла квитанцию у Хэнка. Она увидела печать, поставленную Риганом, и успокоилась.

— Ради всего святого! Впусти их! Нам нужна исправная машина,— распорядилась она и снова кинулась к своему столу, на котором мигали красные огоньки.

Хэнк отпер дверь.

— Ладно... входите.

В помещении было нечем дышать.

— Мисс Уоткинс,— пожаловалась одна из девушек,— нельзя ли что-нибудь сделать? Здесь так душно...

— Хорошо... хорошо,— бросила Рита.— Потерпите минуту...

Чандлер и Уош оказались в хранилище. Они поставили свою большую коробку на стол. В тот же миг Миш, сделавший все с точностью до секунды, вставил на место предохранитель из цепи кондиционера. Недовольно поурчав, тот снова заработал.

— На тебе! — всплеснула руками Рита.— Теперь включился.

Чандлер был натянут, как струна, но руки у него не дрожали; он приоткрыл крышку коробки. Мейски позаботился о том, чтобы она открывалась легко. Чандлер запустил руку в коробку... нашел пистолет. Он выхватил его из коробки и отскочил от стола. Уош хорошо заученным движением пригнулся, открыв Чандлеру зону обстрела. Он вытащил из коробки противогаз и трясущимися руками натянул его на себя.

— Никому не двигаться! — заорал Чандлер.— Это налет. Поняли? Никому не двигаться!

Хэнк стал как вкопанный, у него округлились глаза при виде Уоша, который стремительно обернулся к нему уже в противогазе и с пистолетом в руке. Бик так и остался сидеть на своем табурете, его толстая физиономия застыла в смятении. Он медленно поднял руки над головой.

Рита невозмутимо протянула ногу под своим столом, нашарила скрытую там кнопку и нажала ее. Но ей было невдомек, что Миш вывернул предохранитель из цепи сигнализации.

Ругаясь про себя последними словами, Чандлер с трудом, но все же натянул противогаз, пока Уош держал охранников на прицеле. Затем он с силой ударил головкой газового баллончика по столу.

Результат ошеломил его. Баллончик запрыгал в руке. Комната наполнилась клубами белого пара. Чандлер выронил баллончик и отшатнулся. Хэнк оказался как раз в середине облака, вырвавшегося из баллончика. Ноги под ним подогнулись, как пластилиновые, он повалился и чуть не сшиб Чандлера. Затем наступила очередь Риты Уоткинс, также сидевшей поблизости. Почти одновременно потеряли сознание другие девушки. Последним свалило Бика Лодри.

Некоторое время Чандлер завороженно смотрел перед собой сквозь стекла противогаза, испытывая дурноту и страх, потом, видя, как Уош загребает

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

аккуратно запечатанные пачки денег, взял себя в руки и присоединился к нему.

В безумной спешке они скоро набили коробку доверху...

— Все... смываемся отсюда! — донесся из-под противогаза его глухой голос.

Уош показал на полку с пятидолларовыми банкнотами. Чандлер начисто забыл об указании Мейски. Он подскочил к полке и распихал несколько пачек по карманам брюк и куртки. Уош сделал то же самое.

Они подхватили коробку, которая оказалась неожиданно тяжелой, распахнули стальную дверь и выбрались в коридор...

В другом конце коридора, заслонив от Ригана широкой спиной дверь в хранилище, Перри слушал байку старика об игроке, который спустил все деньги, а на следующий кон предложил поставить свою любовницу.

Перри оглянулся через плечо.

— Ну, кажется, ребята закончили,— сказал он.— Рад был поболтать... спасибо. Занятно ты рассказываешь. Пойду открою грузовик.

Перри вышел в душную, безветренную ночь и распахнул дверцы кузова.

Мейски, обмиравший от каждого шороха, услыхал, как открыли кузов, и завел машину.

Риган поправил очки и взглянул на проходящих мимо Чандлера и Уоша.

— Увозим старый аппарат... сдох,— объяснил взмокший под тяжелой ношей Чандлер.— У них теперь порядок... пока, мистер.

Риган кивнул.

— Пока, сынок.

В это время начальник охраны Майк О'Брайен решил заглянуть в хранилище. Он появился из темноты в тот миг, когда Чандлер и Уош загрузили коробку в кузов.

— Что происходит? — спросил О'Брайен.

Краем глаза Чандлер успел заметить, как Перри растворился в сумраке, а Уош медленно отступил назад.

Чандлер был в достаточной мере профессионалом и сразу сообразил, что теперь все зависит от него. Не дрогнув, он состроил слегка удивленную мину.

— Поломка, приятель. Меняли сейчас калькулятор в хранилище.— Чандлеру не очень понравилась хрипотца, появившаяся в его голосе.— Распоряжение мистера Льюиса.— Он захлопнул вторую дверцу.— Везет как утопленнику! Выбрал времечко ломаться.

— Стой! — рявкнул О'Брайен.— Откройте. Я хочу проверить кузов.

— Знаешь что, приятель, а я хочу домой. Ну, да ладно, проверяй.— И он открыл одну створку.

— Что в коробке?

— Калькулятор... тот, что сломался,— ответил Чандлер, чувствуя, что опять взмок.

— Пропуск на выезд есть?

— А то как же... старик на вахте выдал.— Чандлер ткнул большим пальцем в сторону будки.

— Я хочу посмотреть, что в коробке. Откройте.

Перри, слышавший разговор, вынул свой кольт. К его короткому стволу был привинчен четырехдюймовый глушитель.

О'Брайен подался вперед и повернул широкую спину к Перри. У Уоша сжалось сердце. «Идиот! — пронеслось у него в голове.— Добросовестный идиот! Хоть бы он отпустил грузовик!»

Мейски, ловивший каждое слово, выжал сцепление и плавно перевел рычаг на скорость.

Как только О'Брайен потянулся к коробке, Перри поднял револьвер и нажал курок. Пуля калибра 0,38 дюйма прошила О'Брайену грудную клетку и разорвала на части сердце.

Мейски отпустил педаль сцепления, грузовик рванул с места.

На мгновение Перри замер... Из дула поднялась струйка дыма... Потом он прицелился и выстрелил еще раз. Пуля угодила в заднюю дверцу грузовика, которая закрылась от рывка.

Сид Риган остолбенел при виде упавшего О'Брайена, но уже в следующий миг с невиданной для человека своего возраста прытью нырнул под стол. Негнущимися пальцами он схватил револьвер и нажал на курок. В замкнутом пространстве оглушительно громыхнул выстрел...

Перри тотчас обернулся и прицелился, но его кровожадному намерению помешал отчаянный голос Чандлера.

— Смывайся! Быстро! — крикнул тот.

Сообразив, что в считанные секунды ко входу в хранилище сбежится вся охрана, Перри кинулся следом за ним.

Уош, дрожа от ужаса, вышел из тени и склонился над О'Брайеном. Его первым побуждением было помочь раненому. Он перевернул его. Свет из дверей упал прямо на мертвое лицо О'Брайена. Уош в нерешительности огляделся по сторонам. У него тряслись поджилки. Он видел только один путь к спасению — узкую апельсиновую аллею. Но не успел он сделать и шага, как из аллеи с пистолетом в руке быстро вышел Том Лепски. Уош растерялся и, позабыв, что сам держит в руке пистолет, бросился, охваченный паникой, навстречу Лепски.

Лепски выстрелил, и Уоша отбросило назад...

ГЛАВА 4

Начальник полиции Террелл приехал в Казино через двадцать минут после перестрелки.

Люди из отдела по расследованию убийств под командой Фреда Хесса уже приступили к работе. Судебный медик доктор Лоуис и еще два врача, которые были в Казино и предложили свои услуги, оказывали помощь четырем девушкам и двум охранникам, потерявшим сознание. Фотограф снимал трупы Майка О'Брайена и Уошингтона Смита. Сержант Беглер пытался взять показания у Сида Ригана. Старика до сих пор трясло. Говорил он так путано, что Беглер чуть не вспылил...

Едва Террелл вылез из своей машины, его встретил белый как полотно, но внешне спокойный Гарри Льюис.

— Они улизнули, прихватив почти всю наличность,— сказал Льюис.— Это катастрофа, Фрэнк. Завтра Казино придется закрыть.

— Наличность они, может, и прихватили,— хладнокровно заметил Террелл,— но не улизнули... пока еще. Позвольте, я разберусь что к чему. Не волнуйтесь.— И он отошел к Лепски, который ждал неподалеку.— Как это случилось, Том?

Лепски рассказал в двух словах. Он услыхал выстрел, кинулся к хранилищу, столкнулся с негром, тот повел себя агрессивно, пришлось стрелять.

Пока Террелл слушал доклад Лепски, его заметил Беглер.

— Ладно, передохните. Я сейчас вернусь. Только никуда не уходите,— сказал он Ригану и поспешил к своему шефу.

— Ну как, Джо?

— Старик всех видел, но он еще не в себе,— ответил Беглер.— С ним придется повременить, шеф. Как только он очухается, мы выясним у него приметы всех грабителей. Похоже, их было трое да еще водитель грузовика, который то ли струхнул, то ли натянул своим дружкам нос. Как только О'Брайен затеял проверку, тот газанул и был таков...

— Работай с ним дальше, Джо. Нам нужно поскорей получить словесные портреты всех грабителей...

— Есть, шеф.

Беглер вернулся к Ригану, а Террелл прошел по коридору в хранилище.

Доктор Лоуис стоял над четырьмя девушками, в беспамятстве лежащими на полу. Два других врача хлопотали вокруг Хэнка Джефферсона. Бик Лодри уже подавал признаки жизни.

— Ну как, док? — спросил Террелл, задержавшись на пороге.

— Все обойдется,— ответил Лоуис.— Это какой-то паралитический газ. Баллончик вон там, на полу. Я его не трогал.

Террелл внимательно оглядел хранилище. Он достал из кармана пластиковый пакет и осторожно закатил в него пустой баллончик из-под газа. В это время в хранилище вошел Гарри Льюис.

— Швейцар рассказал мне, что в щитовой без разрешения нашей администрации побывал электрик из энергоуправления. Говорит, он сослался на замыкание. Должно быть, из этих же шайки.

Беглер снова мучился с Сидом Риганом.

— Давайте не будем лезть в дебри,— теряя терпение, сказал он.— Мне нужно знать...— Беглер умолк при виде идущих по коридору Льюиса и Террелла.— Я свихнусь от этого старикана,— обратился он к Терреллу.— Его все время уводит в сторону.

— Позвольте, я попробую,— вмешался Льюис.— Вы держались молодцом,— заговорил Льюис, положа руку на плечо старику.— Спасибо вам. А теперь помогите полиции поймать этих людей. Опишите их. Я знаю, у вас фотографическая память. Сид, вы, как никто, схватываете детали, подумайте. Их было трое, так ведь?

У Ригана оживились глаза. Он кивнул.

— Ваша правда, мистер Льюис. Я их запомнил...— И тут он заговорил связно и с такой скоростью, что Беглер едва успевал записывать за ним.— Один низенький, толстый, седой как лунь. У него еще татуировка на левой руке...

— Рассказывайте, Сид, я сейчас вернусь,— похлопал его по плечу Льюис и, сделав знак Терреллу, вышел на улицу, где по-прежнему стояла душная, безветренная ночь.

Выбравшись с территории Казино, Мейски сбавил скорость, но все же спидометр показывал не менее сорока миль в час. Ему были известны все ответвления, ведущие к морю,— настоящий лабиринт тесных проулков, которые он изучал не один месяц. Он проехал ярдов сто по широкому шоссе на Майами, потом свернул на узкую дорогу. Удалившись от шоссе, он щелкнул тумблером на приборной доске, и наземь с грохотом полетели бортовые рекламные щиты. Немного поддав газу, Мейски проехал еще около мили.

Все складывалось точно по плану. Он был уверен, что в Казино не обойдется без стычки. Не сомневался и в том, что возмутителем спокойствия будет О'Брайен, ибо наблюдал за этим охранником много ночей подряд и знал с точностью до минуты, когда тот придет в хранилище. Только поэтому он и взял на дело Джека Перри. Он хотел, чтобы Перри затеял перестрелку. Это давало ему шанс удрать, бросив остальных на произвол судьбы. Он как в воду глядел: что задумал, то и вышло.

Он вывел грузовик на слежавшийся песок безлюдного берега, где оставил свой «бьюик». «Надо торопиться»,— твердил он про себя, замечая, что весь взмок и запыхался.

Про это место было известно Чандлеру. Он ездил сюда с Мейски, чтобы потом, когда тот оставит «бьюик», отвезти его назад. Как знать, вдруг Чандлер улизнул, раздобыл машину и сейчас заявится в условленное место.

Мейски подал грузовик задним ходом к багажнику «бьюика». Он вылез из кабины, забежал в торец кузова и распахнул дверцы. Он наклонился вперед, ухватился за коробку и хотел было притянуть ее к себе.

Коробка не шелохнулась, точно приросла к полу. Он поднатужился. Коробка сдвинулась на несколько дюймов и снова стала намертво.

Мейски сделал передышку. С него градом лил пот, его трясло. Воздух был, как в парилке. Вдалеке еще виднелись пляжники: кто купался при луне, кто играл на берегу в мяч. Он вдруг испуганно поморщился от острой боли в груди и с горечью понял, что ему не перенести такую тяжесть в багажник «бьюика».

Он залез в кузов и открыл коробку... Потом начал с лихорадочной поспешностью перебрасывать деньги в открытый багажник «бьюика».

То и дело Мейски замирал и окидывал взглядом пустынный берег слева. Именно с той стороны следовало ждать Чандлера или Перри, а то и сразу обоих.

Вконец измотанный, опустошив коробку наполовину, он спрыгнул на песок и с неимоверным трудом перетащил ее из кузова в багажник «бьюика». После этого пришлось вынуть деньги снова укладывать в коробку. Одна пачка случайно выпала из рук. Бумажная ленточка порвалась, и внезапный порыв ветра отнес несколько ассигнаций к морю.

Мейски было кинулся вслед, но одумался, понимая, как опасно мешкать, захлопнул крышку багажника, сел за руль и включил зажигание. Нажал на педаль газа. Двигатель чихнул, но не завелся.

Мейски словно окаменел, руки его намертво вцепились в руль, пот заливал глаза. С великой осторожностью он снова нажал на педаль газа. Двигатель вздрогнул, крутанулся вхолостую и затих.

Мейски разразился бранью. Дурья башка, идти на такое дело и купить подержанную машину!..

Мейски выключил зажигание и достал из «бардачка» автоматический пистолет калибра 0,25. Опустил пистолет в карман пиджака, взял фонарь, вылез из машины и открыл капот. Уставился на скопище деталей, в которых ничего не смыслил. Подергал провода в надежде, что один из них оборвался, но только обжег руку о горячую головку цилиндра да испачкал черной смазкой манжету сорочки.

— Машина барахлит?

При звуках мужского голоса за спиной тщедушное тело Мейски так сдавило страхом, что его чуть не хватил удар.

— Знаете, наверное, масло заливает. Это от жары.

Мейски медленно обернулся.

Рядом стоял юноша лет девятнадцати, в плавках, высокий, очень загорелый, при лунном свете он казался почти черным.

— Похоже, я напугал вас. Извините. Вижу, у вас не заводится... я неплохо разбираюсь в машинах.

Мейски понимал, что хорошо виден юноше, так как стоит лицом к луне. Со своими молодыми глазами и молодой памятью этот юноша даст в руки полиции точное описание его внешности.

— Вы... очень... добры,— медленно проговорил он, стараясь перевести дух и ни за что не выдать юноше своего смертельного испуга.— Может, посмотрите, что там с ней?

Мейски протянул юноше фонарь и отступил назад. Он в очередной раз оглядел берег, нервничая оттого, что уходит драгоценное время, что каждую минуту могут появиться Чандлер, Перри или даже полиция. Еще его нервировали три пятисотенные, валявшиеся на песке у ног юноши. Он украдкой сунул руку в карман пиджака, вынул пистолет.

— У вас свечи грязные,— сказал юноша.— Тряпка найдется?

Юноша возился несколько минут, потом отступил в сторону.

— Попробуйте теперь.

— Может, вы сами? — попросил Мейски, отходя от машины.

Юноша сел за руль, включил зажигание и нажал на педаль газа.
— Порядок,— сказал юноша, вылезая из машины. Он вдруг поглядел под ноги и увидел на песке деньги.— Эй! Это ваши?
Юноша нагнулся за деньгами, и Мейски спустил курок.

Миш Коллинз закрывал ящик с инструментами, когда вдалеке послышался выстрел. Он вскочил как ошпаренный.
Засыпались! Оглянуться не успеешь, как набежит полиция и охрана. Он выключил свет в щитовой и торопливо зашагал по аллее.
Миш неторопливым шагом прошел под прожекторами, освещавшими фасад Казино. Оказавшись на несколько секунд в полосе ослепительного света, он ждал, что вот-вот раздастся окрик или прогремит выстрел.
«Что же там за переполох?» — думал он, утирая пот с лица. Полоса света внезапно кончилась, и он попал в тень.
— Не останавливайся. Я с тобой,— произнес знакомый голос.
Появился Чандлер и пошел с ним рядом.
— Что случилось? — спросил на ходу Миш.
— Заткнись! — огрызнулся Чандлер. Он был белый как смерть, глаза сверкали. В голосе слышались истерические нотки, от которых у Коллинза пробежала по телу нервная дрожь.— Пойдем к берегу! Да не беги ты!
Вскоре, подгоняемые пронзительным воем полицейской сирены, они вышли к набережной и спустились на пляж.
— Ну, что там за дела? — спросил Миш, срывая с себя форменную куртку. Он совсем запарился.
— Труба... теперь по мокрому пойдем,— ответил Чандлер, стараясь унять дрожь в голосе.— Этот козел Перри уложил охранника!
— А деньги?
Чандлер сделал глубокий, судорожный вдох. Его передернуло и затрясло при воспоминании о том, как Перри пристрелил настырного ирландца.
— Деньги взяли... Мейски надул нас... смылся вместе с добычей.
Миш, сузив маленькие глазки, пригляделся к Чандлеру.
— А чего это с тобой? Что ты такой дерганый?
Чандлер круто обернулся и схватил Коллинза за грудки.
— Ты что, оглох? Этот подонок Перри убил...
Миш тяжелой, толстой ручищей влепил Чандлеру пощечину.
— Будет, Джесс,— примирительно сказал Миш.— Поостынь. Пусть деньги у Мейски. Отлично... Я же говорил, у него котелок варит. За него не волнуйся. Перри выбрось из головы... ну, не повезло. Что с Ушем?
— Там был этот тип... старик... он пальнул. Чуть-чуть не продырявил меня. Мы разбежались кто куда.
Коллинзу это не понравилось, однако он рассудил, что и сам поступил бы так же.
— Ну, и сколько же у нас примерно денег?
— Нет у нас денег! Деньги хапнул Мейски! — взорвался Чандлер.— Только началась заваруха, этот гаденыш сразу отвалил!
— Да что ты мелешь? Чего же ты хотел... чтобы он стоял и ждал, пока у него отберут денежки?
Чандлеру не приходило в голову такое объяснение.
— Думаешь, так было дело? — спросил он с надеждой.— А я решил, он нас наколол.
— Вот еще! Мейски не такой человек. Я-то его знаю. Прикинь сам... вот начинается шухер, он знает, что вы как-нибудь разберетесь, а сам спасает денежки... рвет когти. И я бы так сделал.
У Чандлера немного отлегло от сердца.
— Да-а.— Для пущей уверенности он тряхнул головой.— Вообще-то, когда он газанул, я уж подумал...
— Так сколько же, по-твоему, вы взяли?
— Не знаю. Коробку набили под завязку. А сколько в нее вместилось, понятия не имею. Спешили. Пойдем-ка быстрей.— Он с опаской оглядел берег. На пляже было еще довольно людно.— Пропади пропадом эта форма...
— Да брось ты ее,— посоветовал Миш и снял рубашку защитного цвета.— Сделаем из штанов шорты, никто и не посмотрит в нашу сторону.
Он нашарил в кармане перочинный нож, обрезал штанины, затем передал нож Чандлеру, и тот проделал то же самое. После этого они закопали рубахи и обрезанные штанины в песке.
— Вперед,— скомандовал Миш.
Не спеша, словно прогуливаясь, они пошли к дому Мейски.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

ПРОШУ СЛОВА!

МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО?

В июле и сентябре 1989 года я выступил в журнале «Огонек» с двумя статьями (№№ 29, 37). В них я, ссылаясь на известные примеры и имена, попытался сказать о том, что в так называемые «застойные» годы органы госбезопасности в большом числе случаев выполняли функции преследования инакомыслящих, что в правовом государстве недопустимо. Не скрывал я и своего участия во всем этом.

Вначале реакция была вполне демократической: много откликов и телефонных звонков, самых различных. Бывшие сослуживцы по-разному ответили на мою первую статью в «Огоньке», председатель КГБ СССР в интервью «Известиям» подтвердил отдельные факты неправильных действий органов в прошлом.

Однако в ноябре 1989 года все изменилось: в КГБ три ответственных сотрудника дважды изобличали меня в очернительстве и искажении фактов, а 28 ноября состоялся приказ председателя КГБ СССР о лишении меня знака «Почетный сотрудник госбезопасности».

Исходя из происходящих в стране процессов демократизации и гласности, ориентации на создание правового государства, а также безоговорочного осуждения рудиментов «застойного» периода, в частности активного преследования инакомыслия, трудно согласиться с доводами, приведенными в приказе.

Мне, например, непонятно, в каких именно сообщенных мною материалах я разгласил служебную тайну? В фактах необоснованного преследования Синявского и Даниэля, Сахарова, Солженицына, Григоренко? О них уже многократно с болью и горечью возвестили многие средства массовой информации. В примерах незаконного преследования еврейских «отказников» или крымских татар? Об этом все знали! Или, может быть, в соображениях о насыщении руководящих структур органов госбезопасности партийными и комсомольскими функционерами, довольно часто оказывавшимися некомпетентными и неумелыми, что, безусловно, снижало деловой уровень КГБ?

Неубедительно утверждение приказа о том, что в статье «Стыдно молчать!» я тенденциозно показал работу органов госбезопасности и в конъюнктурных целях прибег к клеветническим измышлениям, искажающим сущность чекистской деятельности. Но разве сущность чекистской деятельности в целом ряде случаев (о чем и председатель КГБ упомянул в своем интервью «Известиям») в «застойные» годы не была искажена? Если взглянуть только на факты, мною приведенные? А ведь было их значительно больше. И это наша боль!

В качестве отягчающего вину обстоятельства в приказе от 28 ноября указывается, что я и сам в работе органов госбезопасности принимал непосредственное и активное участие и в то время не выражал какого-либо несогласия с ней.

Хотя в этом пассаже и не все в порядке с логикой; здесь я вполне согласен с приказом председателя КГБ. И если бы только за это меня лишили знака «Почетный сотрудник госбезопасности», я искренне готов был бы быть первым в шеренге тех, кто был обманут временем, кто заблуждался, кто боялся и т. д.— и делал в «застойное» время то, что нельзя было делать. Что же, меня наказали! Но что-то я не слышал о фактах наказания лиц, преследовавших инакомыслящих (например, Сахарова, Солженицына и многих других) или проявивших себя подобно Родосу, Хвату и т. д.

Даже иногда наоборот: начальник 5-го Управления КГБ СССР генерал Абрамов благополучно стал заместителем Генерального прокурора СССР. Может быть, потому, что в карьерных играх молчание — золото?

Один великий русский человек давно уже сказал, что «...в осознании человеческим духом своих прежних ошибок, в очищении от них, в искуплении их как раз и содержится высший смысл пребывания человечества на земле».

В обществе идет процесс обновления и очищения от старого, вредного и преступного. Руководители КГБ СССР тоже неоднократно публично заявляли об этом. Но стоило одному человеку назвать конкретные факты и призвать к более глубокой перестройке, как по схемам все того же, «застойного» периода нашей истории началось его преследование. Все, как тогда: подавить и принизить человека, имеющего свое мнение.

Указывая в своих статьях на конкретные факты и имена, я хотел показать, чего должны органы избегать в наше сложное время.

Не могу не ощущать свою причастность и к прошлой, и настоящей, и к будущей деятельности органов госбезопасности.

Мы живем в обществе, где очень многое и глубоко нужно изменить. Как будто не наступают уже «последние времена» и не от всех нас зависит, что будет дальше: мрак, хаос, катастрофа или новое, счастливое и справедливое общество.

Я. КАРПОВИЧ

150 ЛЕТ ФОТОГРАФИИ

Юрий ГАВРИЛОВ

ПРОВОКАТОРЫ

Политическая провокация расцвела пышным цветом благодаря директору департамента полиции В. К. Плеве и инспектору секретной полиции, жандармскому подполковнику Г. П. Судейкину. Современники не без основания называли их прирожденными знатоками и умельцами «практического сердцеведения».

Начиналось все с перевербовки арестованных членов «Народной воли». Жандармские офицеры и генералы навещали в тюрьме прежде всего тех узников, кому грозила смертная казнь, и обещанием помилования, облегчения участи склоняли иных сломленных революционеров к сотрудничеству. Так было с участником покушения на царя Иваном Окладским, который, убоявшись виселицы, согласился еще до «Процесса 16» (он проходил по этому процессу одним из главных обвиняемых) на посулы Плеве и жандармского генерала Комарова и стал участвовать в тайных опознаниях.

Чтобы затуманить, завуалировать помилование «Ванечки» (как называл его Андрей Желябов), вместе с ним пожизненную каторгу взамен петли получили его содельцы Я. Тихонов и С. Ширяев.

Окладский в Сибирь, разумеется, не пошел, он выдал несколько конспиративных квартир, опознал убийцу Александра II Гриневицкого, погубил агента «Народной воли», внедренного в департамент полиции, Николая Клеточникова. За особые заслуги «Ванечка» был полностью помилован в 1891 году, получив звание почетного гражданина.

Окладский был рабочим, как и выдавший Веру Фигнер Василий Меркулов, как и слесарь Рейнштейн, зарезанный землевольцами за предательство в номерах бывшей Мамонтовской гостиницы в Москве зимой 1879 года. Плеве и его присные, не мудрствуя лукаво, объясняли рабочим, что «образованные» приносят неграмотных пролетариев в жертву своим корыстным интересам; с интеллигентом-революционером шла более тонкая и рисковая игра.

Некоторые деятели революционного движения игнорировали важное, подтвержденное жизнью правило: порядочный человек ни в какие торги и переговоры с тайной полицией не вступает. Полиция начинает и выигрывает: стоит только попытаться ее обмануть, вступить в фальшивую сделку, и вот уж несчастная жертва запуталась во лжи, уступках, своих и чужих обманных ходах — начинается капитуляция, выдача мелких обстоятельств, подробностей уже важных, для кого-то опасных, а там уж и живых людей.

Плеве и Судейкин были тонкими психологами и обычно играли на чувствах высоких и благородных. Схема вербовки была тщательно отработана: жертве предлагалось встать над борьбой, возвыситься до положения бесстрастного арбитра: общество, мол, слишком далеко зашло в борьбе с властями; правительство в панике наносит удары куда попало, разя и невинных, кругом жертвы, кровь и кровь напрасная. Если тайная полиция (в лице департаментских либералов) и революционеры (в лице наиболее дальновидных и здравомыслящих деятелей) заключат секретный союз — о, сколько благ он принесет обществу! Будут предупреждены бессмысленные злодеяния (и жертвы!); правительство, получившее наконец из первых рук точные сведения о размахе освободительного движения, поймет с помощью Плеве и Судейкина, что одной карательной политикой оно не удержится, и пойдет на значительные уступки...

Срабатывало.

С убийцей харьковского генерал-губернатора Григорием Гольденбергом, арестованным в ноябре 1879 года с грузом динамита, беседовал сам «диктатор сердца» императора граф Лорис-Меликов. Была намечена широкая программа «совместных действий», которая не могла осуществиться в обстановке, когда готовились новые покушения на жизнь монарха.

Гольденберг выдал всех, кого знал, догадался, что «совместные действия» — блеф, и 15 июля 1880 года повесился в Петропавловской крепости. На докладе о его самоубийстве Александр II собственноручно начертал: «Очень жаль!»

Всего этого не знал Сергей Дегаев, бросившийся на спасение младшего брата Владимира и угодивший в западню жандармского подполковника Г. П. Судейкина.

Григорий Порфирьевич действовал масштабно: его агент Дегаев после казни первомартовцев стал фактическим руководителем «Народной воли». Дегаев уже сам ставил типографии и создавал кружки, заранее запроданные Судейкину — в этом состоял сладострастный момент провокации,— никого ловить не надо, сами, как бабочки на огонек полночный, слетятся: как же, сподвижник самого Желябова. Этим нетерпеливым молодым людям надо лишь раздать революционные чины и посты, а им и невдомек, что чем выше пост, тем больше срок каторги; живые, энергичные, они уже мертвые, уже в пеньковом галстуке, и Дегаев с Судейкиным, как боги, вершат судьбы людей.

С Дегаева начинается необъяснимая снисходительность русских революционеров к агентам-провокаторам. Когда предательство Дегаева было полностью разоблачено Германом Лопатиным, от Дегаева потребовали головы Судейкина. Что-то сомнительное есть в этом решении, но как бы там ни было, Дегаев, который только что спас Георгия Порфирьевича от верного покушения в Харькове, в декабре 1883 года выстрелом из револьвера разнес Судейкину череп, был доставлен революционерами за границу и приговорен к изгнанию. Он вместе с братом уехал в США, где благополучно скончался в 1920 году.

Когда после убийства в феврале 1901 года Н. П. Боголепова (министра народного просвещения) бывшим студентом Петром Карповичем, началась вакханалия политического террора, в лидеры «на кратчайшем пути к революции» вышла партия эсеров, основанная Григорием Гершуни и Евно Азефом. Именно эсеры совершили самые громкие террористические акты: убийство великого князя Сергея Александровича, премьер-министра П. А. Столыпина, министров внутренних дел Сипягина и Плеве; неоднократно готовили покушение на императора.

К партии эсеров примыкало множество групп.

Взбалмошные юнцы и девицы, коим не терпелось пострелять, тоже называли себя эсерами. Дело доходило до курьезов: пойманная на подготовке террористического акта восемнадцатилетняя дочь якутского вице-губернатора Татьяна Леонтьева, которой предстояло назначение во фрейлины царицы, находясь в Петропавловской крепости, психически заболела и была отпущена для лечения в Швейцарию. Там, едва оправившись, она предложила свои услуги в качестве боевика Борису Савинкову, а получив совет отдохнуть и подлечиться, лихая девица по собственной инициативе пристрелила семидесятилетнего французского миллионера Шарля Мюллера, по ошибке приняв его за бывшего русского министра внутренних дел И. Н. Дурново.

На пути этой неуправляемой вольницы мощно встал Евно Азеф, возглавлявший сначала вместе с Гершуни, затем с Савинковым, а затем и единолично БО («Боевую организацию») ЦК партии эсеров. БО принимала ответственные решения по каждому выстрелу, она намечала жертвы, способ покушения и финансировала террористические акты, которые обходились недешево,— например, на убийство Плеве было ассигновано 7000 рублей. Деньги у Азефа были — и от партии, и от полиции...

Окладский из «Ванечки» стал иудой ради собственной шкуры; Гольденберг и Дегаев попались на провокацию лю-

дей изощренных; самый кровавый из русских провокаторов — Азеф — обрекал людей на смерть ради тридцати сребреников. Тридцати — это фигурально выражаясь: Азеф в конце карьеры имел 1000 рублей в месяц, не считая чрезвычайных единовременных получений.

В 1892 году он, будучи двадцатитрехлетним студентом Политехнического института в немецком городе Карлсруэ, добровольно стал секретным сотрудником русской полиции. Одной из удачных операций была выдача полиции нелегальной типографии, которая печатала «Революционную Россию». Затем Азеф прошел курсы повышения квалификации у самого Сергея Васильевича Зубатова, а на связь Азеф выходил с П. И. Рачковским, до 1902 года возглавлявшим заграничную агентуру департамента полиции.

После отставки Рачковского взаимоотношения Азефа с полицией постепенно прекратились. Впрочем, по старой памяти он изредка отправлял доносы в известный дом у Цепного моста. В апреле 1906 года агенты начальника петербургской охранки А. В. Герасимова арестовали Азефа во время подготовки покушения на министра внутренних дел П. Н. Дурново, хотя один из филеров в своих донесениях постоянно называл Азефа «нашим».

Обер-предатель потребовал свидания с Рачковским. «Вы покинули меня на произвол судьбы. Чтобы заработать деньги, я вынужден был связаться с террористами»,— кричал Азеф на своего бывшего начальника. Вскоре Герасимов взял Азефа к себе на содержание, а через некоторое время назвал его своим самым ценным сотрудником.

«Он был наблюдательный человек и хороший знаток людей. Меня каждый раз поражало и богатство его памяти, и умение понимать мотивы поведения самых разнокалиберных людей, и вообще способность быстро ориентироваться в самых сложных и запутанных обстановках. Достаточно было назвать имя какого-либо человека, имевшего отношение к революционному лагерю, чтобы Азеф дал о нем подробную справку. Часто оказывалось, что он знает об интересующем меня лице все: его прошлое и настоящее, его личную жизнь, его планы и намерения, честолюбив ли он, не чересчур ли хвастлив, его отношение к другим людям, друзьям и врагам...

Во время наших бесед касались мы, конечно, и общеполитических вопросов. По своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком — не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением, отзывался о насильственных революционных методах действия. Он был решительным врагом революции и признавал только реформы. Меня всегда удивляло, как он, с его взглядами, не только попал в ряды революционеров, но и выдвинулся в их среде на одно из самых руководящих мест»,— так вспоминал об Азефе генерал Герасимов.

Жизнь члена ЦК, главы БО, лидера революционной партии была на виду. Он был завсегдатаем роскошных борделей и кабаков, мотом, бросавшим тысячи из партийной кассы на танцовщиц-кокоток... Уже в конце 1906 года ЦК партии эсеров располагал сведениями о двурушничестве Азефа, но им не дали хода, тщательно расследования не провели — поверили его сумбурным объяснениям. Летом 1908 года Азеф на время вынужден был прекратить активную деятельность и зажил частной жизнью с семьей в Париже. Но доносы Герасимову посылал исправно и деньги получал все те же — тысячу в месяц.

Именно в это время революционный историк В. Л. Бурцев открыто обвинил Азефа в измене. Перепуганный провокатор объявился в Петербурге у Герасимова. Он, рыдая, сообщил начальнику охранки, что его выдает революционерам бывший директор департамента полиции Лопухин. Герасимов пытался уговорить Лопухина пожалеть Азефа, стращал его карой за разглашение государственной тайны — Лопухин был неумолим.

Герасимов выплатил Азефу несколько тысяч рублей в виде выходного пособия, снабдил его надежными фальшивыми паспортами. Азеф метался по всему миру: он знал, что ЦК партии эсеров приговорил его к смерти. Наконец, под именем негоцианта Александра Неймайера он поселился в Берлине. В 1915 году Азеф был арестован там как русский шпион и посажен в тюрьму, из которой его выпустили в декабре 1917 года. Через несколько месяцев провокатор умер своей смертью...

Во время бурной встречи с Рачковским в апреле 1906 года Азеф между потоками матерщины злорадно выкрикнул: «Хорошую агентуру вы в лице Гапона обрели?.. Знаете, где Гапон теперь находится? Он висит в заброшенной даче на финской границе...» Азеф сказал правду. Во встроенном шкафу нетопленого дома на границе с Великим Княжеством вот уже неделю висел лицом к стене тот, кого еще недавно называли героем «красного воскресенья».

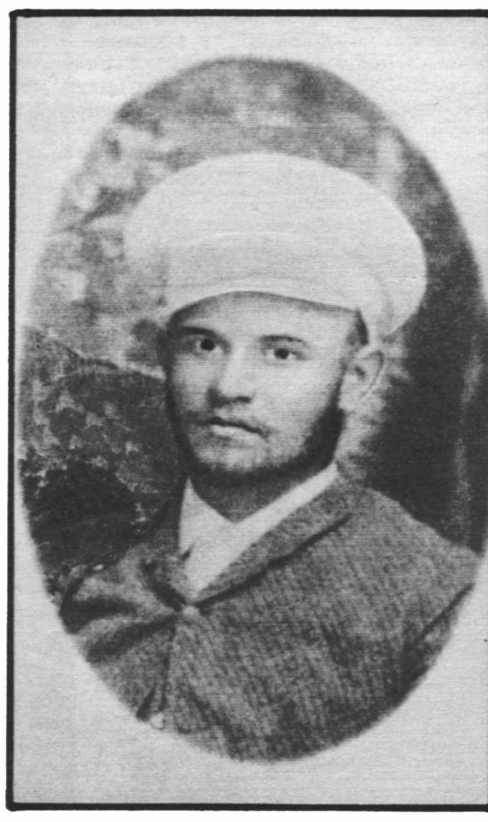
Георгий Гапон, еще будучи студентом Петербургской духовной академии, обнаружил пристальный интерес к положению самых обездоленных слоев народа. Миссионер по призванию, человек очень честолюбивый, Гапон становится весьма популярным лицом на

Священник Г. Гапон с членами «Союза русских фабричных и заводских рабочих».

Евно Азеф.

Депутат IV Государственной думы Р. Малиновский.

фабриках, в общежитиях и ночлежках Петербурга.

В 1902 году Гапон познакомился с Зубатовым и по его совету начал организацию рабочих кружков, которые в отличие от московских или минских почти не занимались экономическими вопросами. Своим организациям Георгий Аполлонович придал уклон религиозно-нравственный и культурно-просветительский. С помощью Плеве Гапон сумел добиться в феврале 1904 года утверждения устава «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». К трагическому дню 9 января в этом «Собрании» состояло около девяти тысяч человек.

Тем временем беспорядки в империи нарастали: волновались студенты, был убит Плеве, злосчастная война с Японией выматывала последние силы государства; в ноябре стало ясно, что падение Порт-Артура — вопрос времени; глухо роптали национальные окраины...

Встревоженный ростом «Собрания рабочих» петербургский градоначальник генерал Фуллон в декабре 1904 года вызвал к себе Гапона и стал укорять священника, что тому доверили укреплять основы религиозной нравственности, а он разводит социалистическую агитацию. Гапон твердил, что не выходит за пределы дозволенной программы. «Поклянитесь мне на священном Евангелии, тогда поверю!» — потребовал генерал. Гапон перекрестился, и Фуллон отпустил его с миром.

Между тем сменивший Плеве П. Д. Святополк-Мирский провозгласил «эпоху доверия» между обществом и правительством. Началась петиционная земская кампания — на высочайшее имя посылались десятки прошений о введении в России представительного образа правления. Пресса подняла вокруг петиций невообразимый шум и навела Гапона на мысль устроить манифестацию с подачей прошения царю от имени рабочих. Чтобы заручиться поддержкой высшей власти, Гапон пытался пробиться на прием к министрам юстиции и внутренних дел, но это ему не удалось.

13 декабря 1904 года разразилась всеобщая стачка в Баку — забастовка неистовой силы; 20 декабря был сдан Порт-Артур и практически проиграна война; 3 января в ответ на увольнение четырех рабочих из гапоновской организации встал Путиловский завод; 6 января во время крещенского водосвятия в присутствии императорской семьи начался салют, и одна из пушек Петропавловской крепости ударила по процессии боевым снарядом (выстрел признали за оплошность, жертв не было).

9 января священник Георгий Гапон повел рабочих к Зимнему дворцу бить челом, просить у царя «правды и защиты» от угнетателей. Царя в городе не было, он с женой и детьми накануне уехал в Петергоф. За два дня перед этим, на массовом митинге, Гапон выдвинул план действий — нечто среднее между прошением и бунтом: «Мы скажем царю, что надо дать народу свободу. И если он согласится, то мы потребуем, чтобы он дал клятву перед народом. Если же не пропустят, то мы прорвемся силой. Если войска будут стрелять, мы будем обороняться. Часть войск перейдет на нашу сторону, и тогда мы устроим революцию,.. разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму, займем телеграф и телефон. Эсеры обещали бомбы... и наша возьмет».

Петиция рабочих начиналась словами: «Государь, воззри на наши страдания», а кончалась требованием Учредительного собрания! Большинству участников митинга и воскресного шествия к царю слова про бомбы и оружейные лавки воспринимали как браваду, рабочие люди шли просить у царя-батюшки заступничества.

На заседании министров 8 января охранное отделение Петербурга дало исчерпывающую и объективную информацию о том, что предстоящее шествие будет носить исключительно мирный характер, что рабочие пойдут семьями, с женами и детьми, что манифестанты будут нести требования, написанные «в приличной форме», а также иконы, хоругви, портреты царствующей четы; многие колонны возглавит духовенство.

Но было решено вызвать войска. Дальнейшее хорошо известно... Тщетно пытались представители общественности вечером 8 января предотвратить расстрел.

Среди же манифестантов никто не верил, что войска станут стрелять в мирное шествие, более других не верил в это Гапон. Он шел на штыки, рядом с ним падали убитые, и, если бы не верный друг, эсер Петр Рутенберг, Гапон скорее всего был бы убит; Рутенберг повалил в снег обезумевшего отца Георгия, прямо под пулями обстриг загодя захваченными из дому ножницами его длинные волосы и привел рыдающего в истерике Гапона на квартиру Максима Горького.

Там, слегка успокоившись, Гапон написал свое обращение к русскому народу, призвал «братьев, спаянных кровью», к всеобщему восстанию. Уже вечером это воззвание читали на улицах Петербурга эсеровские агитаторы; за неделю, отпечатанное неслыханным тиражом, оно обошло всю Россию.

За границей Гапона ждала триумфальная встреча. Напрасно правые газеты трубили, что Георгий Аполлонович — полицейский агент; вожди русских левых партий заявили о своем доверии к романтическому священнику. Он раздавал интервью, ему щедро заплатили за книгу воспоминаний «История моей жизни».

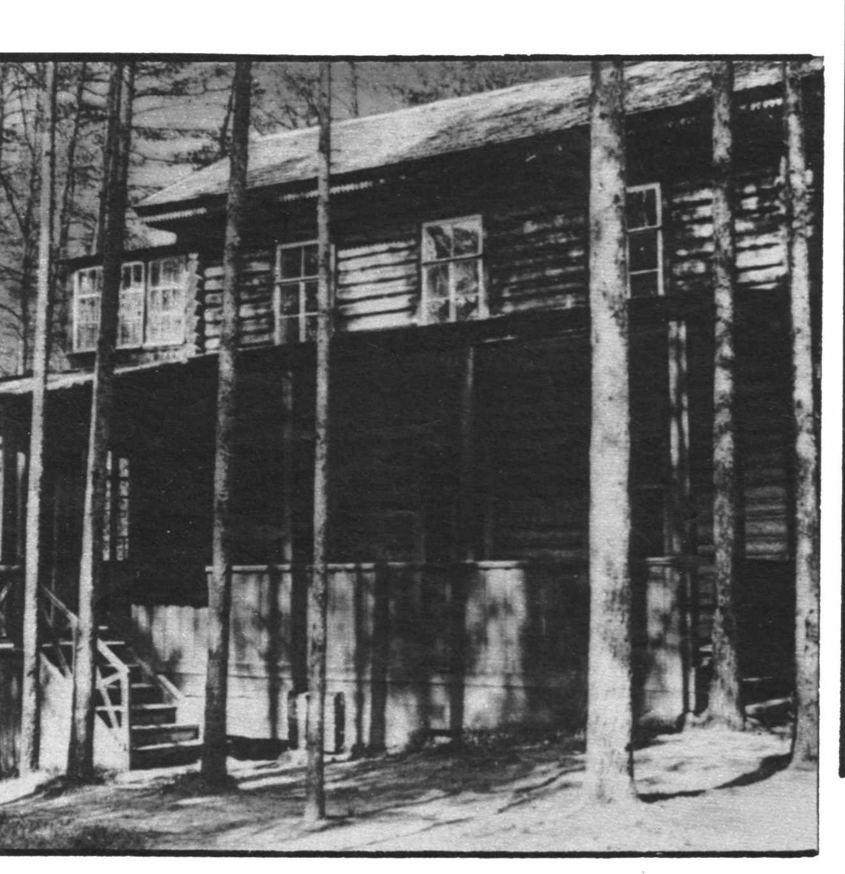
Гапон встречался с Плехановым, Лениным, Азефом, но не спешил делать выбор. Он кутил широко, безобразно, по купеческому трафарету — дорогие проститутки, рулетка в Монте-Карло, коллекционные вина. Теперь трудно разобраться, кто первый поманил Гапона в Россию...

Как бы то ни было, Гапон вновь появился в Петербурге в декабре 1905 года и приступил к созданию рабочих организаций, полностью подконтрольных департаменту полиции, на что правительство выделило 30 тыс. рублей. Но дело не пошло. Кассир Матюшенский сбежал с деньгами; популярный в пролетарских кругах рабочий Черемухин, боготворивший Гапона, доведенный до отчаяния разгульным поведением Георгия Аполлоновича, покончил с собой.

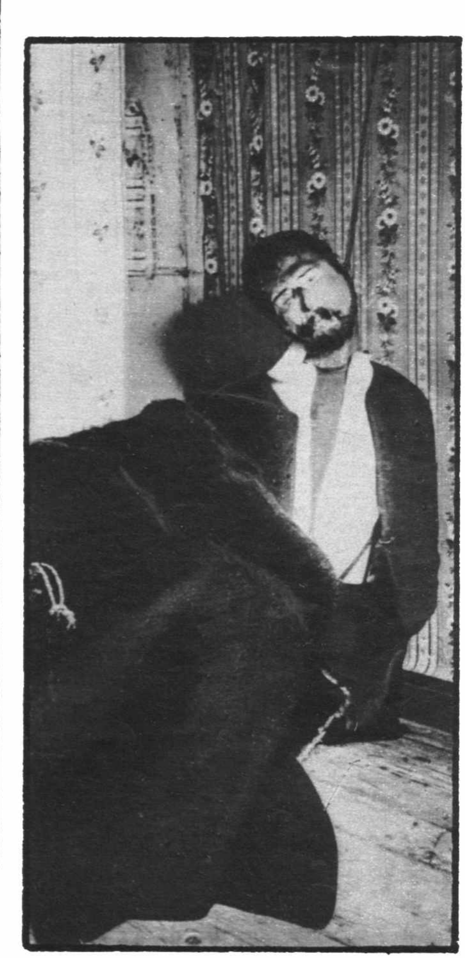
Полиция стала добиваться от Гапона выдачи «Боевой организации» эсеров, плохо понимая, что он кустарь-одиночка и ни в какие партийные тайны не посвящен. Гапон очень нуждался в деньгах — слишком привык к сладкой жизни — и сделал роковую для себя глупость: решил купить Рутенберга, который, без сомнения, знал много, но не продавался ни по какой цене.

Гапон запросил у департамента 50 000: по 25 000 себе и Рутенбергу. Герасимов с первой встречи глубоко разочаровался в Гапоне и вообще отказался платить. Тогда Гапон начал переговоры с Рутенбергом без копейки в кармане; эсер предложил Гапону встречу 10 апреля на даче в Озёрках, в пригороде Петербурга. В заброшенный дом Рутенберг пригласил заодно и рабочих-боевиков, которым дал возможность убедиться в предательстве Гапона. Когда накидывали петлю на шею, Гапон плакал...

Убийство Г. Гапона на заброшенной даче в Озерках.

Тщеславие съело Гапона, и оказалось, что он пастырь на час, маленький вождь в большой революции, не устоявший перед минутной славой и светскими соблазнами.

Расчетливый, волевой, деловитый Роман Вацлович Малиновский, член ЦК партии большевиков, руководитель большевистской фракции IV Государственной думы — загадка в мрачной истории русского политического провокаторства.

Малиновский был рабочим. Он многого добился самообразованием, обладал ораторским даром, производил впечатление человека, на которого можно положиться. В 1907 году Малиновский стал секретарем правления союза металлистов. Он сам пришел в охранку и в 1910 году был зачислен в штат секретным сотрудником. На Пражской конференции РСДРП избран членом ЦК. В охранке он получал двести рублей в месяц.

В 1912 году с помощью департамента полиции избран депутатом Государственной думы от рабочей курии и сразу же, по заданию Ленина, начинает работу по расколу социал-демократической фракции. С Лениным виделся регулярно, давал ему для редактирования тексты своих пламенных выступлений в Думе, а затем нес их в охранку.

Все секреты и большевиков, и меньшевиков были для полиции как на ладони.

В январе 1914 года Роман Вацлович прочитал в Париже реферат о работе большевистской фракции IV Государственной думы. Ленин приехал послушать своего любимца и высоко оценил его труд.

Малиновский не знал, что Николай II решил назначить товарищем министра внутренних дел В. Ф. Джунковского. В октябрьские дни 1905 года, в бытность свою московским вице-губернатором, Джунковский прославился тем, что под красным флагом вместе с революционерами ходил от тюрьмы к тюрьме, освобождая политзаключенных. Он был принципиальным противником провокации.

По своему новому положению Джунковский ведал полицией. Он начал знакомиться с агентурой и, потрясенный, явился к Председателю Думы М. В. Родзянко; Родзянко тотчас вызвал к себе Малиновского. Роман Вацлович не отпирался, немедленно сложил с себя полномочия депутата и кинулся в Поронино к Ленину и Зиновьеву жаловаться на невыносимые нервные перегрузки и депрессию.

Меньшевики, которые от деятельности Малиновского страдали гораздо чаще большевиков, сразу распознали причину «нервного истощения» лидера большевистской фракции. Ф. Дан и Ю. Мартов опубликовали письма, где прямо называли Малиновского провокатором.

ЦК партии большевиков сразу по прибытии Романа Вацловича в Поронино в начале июня 1914 года создал следственную комиссию в составе Ганецкого (председатель), Ленина и Зиновьева. Комиссия допрашивала в качестве свидетелей Н. И. Бухарина, Е. Ф. Розмирович, А. А. Трояновского и объявила недоказанными обвинения в провокации.

В этом есть какая-то недоговоренность. Когда Е. Ф. Розмирович, секретарь большевистской думской фракции, была арестована, во время допросов жандармы, по ее словам, проявили такую осведомленность в делах большевистской депутатской группы, которую можно было объяснить только предательством. Показания Трояновского и Бухарина были тоже не в пользу Малиновского. И все же поверили Роману Вацловичу. Что ж, он умел обманывать.

Выступая в июне 1914 года на Брюссельском совещании с докладом ЦК РСДРП, Ленин сообщил: «Наш ЦК заявил, что он ручается за Малиновского, расследовал слухи и ручается за бесчестное клеветничество Дана и Мартова».

...Грянула война. Получив ложное известие о гибели Малиновского на фронте, Ленин совместно с Зиновьевым опубликовал некролог. Вскоре выяснилось, что Малиновский попал в плен. И уже 24 июня 1916 года Ленин пишет Роману Вацловичу письмо-инструкцию, как вести большевистскую агитацию среди русских военнопленных в Германии.

После февральской революции Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства расследовала преступления высших должностных лиц царского режима. В качестве свидетеля по делу провокатора Малиновского был приглашен Ленин. Его показания вызвали удивление у горьковской газеты «Новая жизнь» и у редакции «Дня». Ленин написал опровержение на публикации этих газет...

Июньские события сменились неудачной июльской попыткой большевистского переворота, и «большевистский Азеф» Малиновский, казалось, окончательно канул в забвение. Но нет. Малиновский упорно добивался согласия Германии на выезд в Россию из германского плена. Зачем? В своих воспоминаниях Зиновьев пишет: «Два обстоятельства все же несомненны. 1). В германском плену Малиновский вел революционно-интернационалистскую пропаганду. Корыстными целями и планами этого никак не объяснишь. 2). Осенью 1918 г. в разгар красного террора Малиновский добровольно явился и отдался советскому правосудию. В чем угодно можно обвинить Малиновского, но дураком он не был. Он не мог не понимать, что Советская власть его расстреляет. Спрятаться в Германии или еще где-либо (если бы он хотел пойти с белыми против нас) ему ничего не стоило. Его бы покупали наши враги за большие деньги. Этого тоже не мог не понимать Малиновский. Мой вывод: что этот Иуда был раздвоен и надломлен с самого начала».

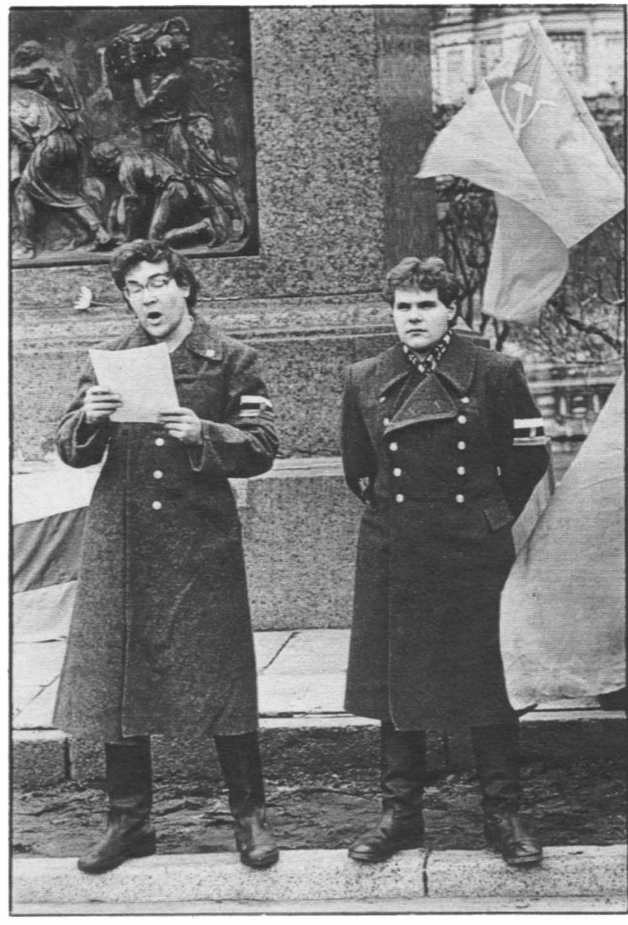
Малиновский был приговорен Верховным трибуналом ВЦИК и расстрелян «в 24 часа». Никто из провокаторов в рядах большевиков — ни Я. А. Житомирский, член Центрального бюро заграничных Организаций, ни А. С. Романов (Аля Алексинский), делегат Пражской конференции, ни В. Е. Шурканов, депутат III Государственной думы, ни М. Е. Черномазов, секретарь редакции «Правды», серьезно не пострадал. Их «отстраняли от партийной работы».

Когда в 1925 году поймали и судили Ивана Окладского, суд был публичным, приглашены были бывшие народовольцы. Окладский был приговорен к смертной казни, в виде помилования получил 10 лет лишения свободы. «Ванечка» уже никому не мешал...

При тоталитарном режиме, при всевластии карательных органов вербовка секретных сотрудников становится явлением обыденным. Масштабы политической провокации во времена сталинщины достигли фантастических, неподвластных разуму масштабов. Немало людей стали жертвами провокации и позже. Менялись масштабы, но методы, которые разработали еще судейкины, по сути оставались прежними.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

«ПАМЯТЬ» И ЗАКОН

Общеизвестно, что «радетели за Россию», «неутомимые борцы с мировым сионизмом и масонством» из общества «Память» не отличаются особой скромностью. В иное время тактика «патриотов» при проведении своих сборищ была такой: не пускают через двери Дома культуры — войдем через окна. Однако нынче в обычных клубах бравым ребятам в офицерских шинелях и сапогах тесновато.

В номере 49 «Огонька» за прошлый год сообщалось о том, как на Красной площади в Москве молодчики из «Памяти» во главе со своим лидером И. Сычевым устроили очередной шабаш. На запрос группы депутатов СССР был получен ответ:

■

30 октября 1989 г. в исполком Моссовета обратился руководитель неформальной группы «Русского народного фронта» движения «Память» И. С. Сычев с просьбой возложить 12 ноября т.г. к памятнику Минину и Пожарскому цветы и ленты в связи с годовщиной освобождения в 1612 году Москвы от польских захватчиков. Исполком Моссовета разрешил проведение этого мероприятия (аналогичные проходили в 1987—88 годах).

12 ноября т.г. перед началом возложения цветов Сычев был предупрежден сотрудниками милиции о строгом соблюдении церемониала и общественного порядка на Красной площади. После этого группе в количестве 20 человек было разрешено подойти к памятнику. Однако, в нарушение данного обещания, Сычев выступил с речью, чем привлек внимание находившихся на площади граждан. Затем было зачитано обращение группы «Память» и выступило еще несколько человек. Вокруг организаторов собралось около 250 граждан из числа посетителей Покровского собора и находившихся на площади.

После неоднократных предупреждений сотрудниками милиции Сычева о противоправности его действий выступления были прекращены. Состояние правопорядка на площади контролировалось, принятыми мерами не допущено значительного скопления граждан и пресечена попытка провести шествие группы по Красной площади. С учетом сложившейся ситуации и места проведения этого мероприятия применять насильственные действия со стороны сотрудников милиции в отношении его организаторов было признано нецелесообразным.

За нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года, определяющего порядок организации митингов и демонстраций, на Сычева подготовлен материал о привлечении к административной ответственности.

В исполком Моссовета направлены предложения о более тщательном рассмотрении заявлений граждан, связанных с различными мероприятиями в общественных местах города.

Заместитель министра, начальник ГУВД Мосгорисполкома П. С. БОГДАНОВ

Похоже, что комментариев к этому ответу не требуется.

ОТДЕЛ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Фото Льва ГЕЛЬДЕРМАНА

Тема исследования, подборку материалов которого мы представляем Вашему вниманию на этот раз, касается сексуальных отношений среди молодежи. Целью настоящего опроса общественного мнения было желание определить принципиальное отношение людей к этому явлению и, если оно расценивается как один из недугов общества, помочь не только поставить правильный диагноз, но и найти эффективный способ его исправления.

ВОПРОС: ***Как Вы относитесь к возможности сексуальных отношений молодежи до вступления в брак?***

Для юношей:

Добрачные сексуальные отношения недопустимы	30,3%
Допустимы только с будущей женой	29,3%
Допустимы с любой женщиной	10,4%
Не только допустимы, но и полезны, необходимы	12,1%
Затрудняюсь ответить	18,6%

Для девушек:

Добрачные сексуальные отношения недопустимы	39,6%
Допустимы только с будущим мужем	34,4%
Допустимы с любым партнером	5,7%
Не только допустимы, но и полезны, необходимы	5,0%
Затрудняюсь ответить	16,0%

ВОПРОС: ***Если Вы считаете добрачные сексуальные отношения среди молодежи допустимыми, то какой возраст вступления в них кажется Вам приемлемым?***

13 лет	0,5%
14—15 лет	0,7%
16—17 лет	8,6%
18—19 лет	40,7%
20 лет и старше	34,4%
Затрудняюсь ответить	15,6%

ВОПРОС: ***Как бы Вы определили степень распространенности добрачных сексуальных отношений среди молодежи?***

Добрачные сексуальные отношения очень редки	3,0%
Они достаточно часты, но не имеют массового характера	33,3%
Они распространены в массовом масштабе	41,7%
Затрудняюсь ответить	22,2%

ВОПРОС: ***Как Вы думаете, что привело в последнее время к распространению добрачных сексуальных отношений среди молодежи в нашей стране?***

Упадок морали в обществе в целом, отсутствие нравственного воспитания	41,0%
Отсутствие религиозного воспитания	13,4%
Недостаточность полового воспитания молодежи, отсутствие у молодежи представлений о последствиях ранних сексуальных отношений	36,3%
Изменение представлений о любви, любовь связывается в основном с сексом	17,7%
Более раннее физическое созревание юношей и девушек	15,5%
Более раннее приобщение к алкоголю	10,4%
Подражание западному образу жизни	14,9%
Стремление молодых самоопределиться, самовыразиться, доказать свою взрослость	11,5%
Более свободное отношение к сексу, представление о сексе как части дружеских, приятельских отношений	12,6%
Другое	2,0%
Затрудняюсь ответить	8,2%

ВОПРОС: ***Какие из возможных последствий добрачных сексуальных отношений Вы считаете наиболее серьезными?***

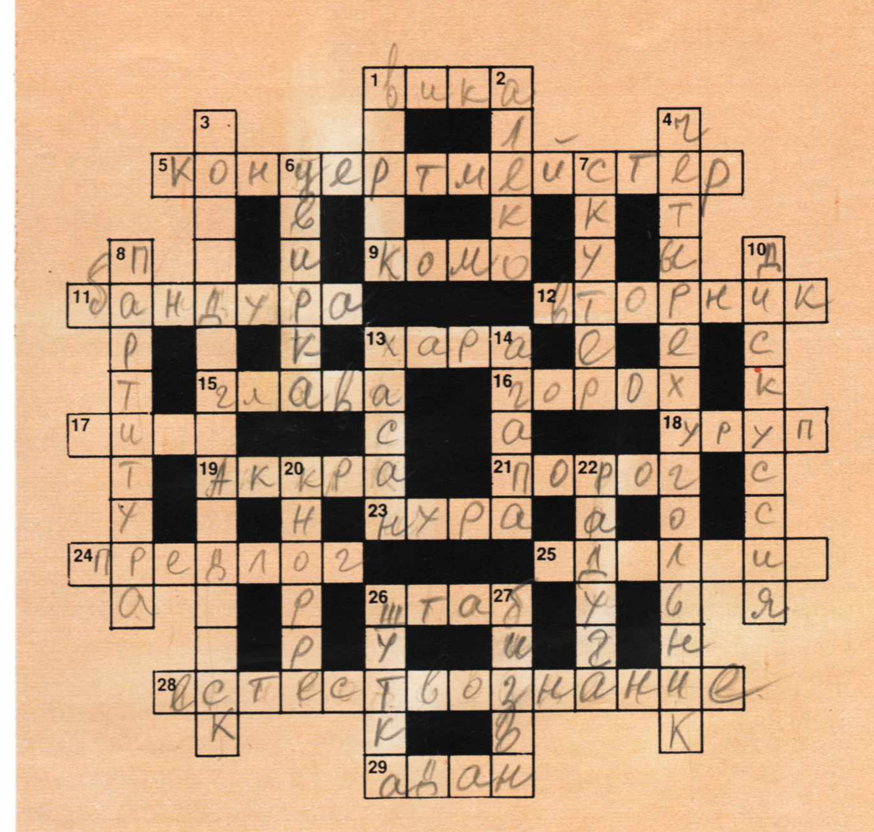
Ухудшение отношений молодежи со старшим поколением	13,9%
Трудности в получении образования, профессии из-за ранней беременности	11,1%
Наступление полового бессилия у мужчин в более раннем возрасте	7,3%
Распространение венерических заболеваний, СПИДа	50,0%
Появление большого числа брошенных детей	42,9%
Рост бесплодия у женщин в результате абортов	21,5%
Появление большого числа непрочных семей, созданных «по необходимости»	30,0%
Другое	1,1%
Затрудняюсь ответить	11,4%
Считаю, что добрачные сексуальные отношения не имеют серьезных последствий	3,4%

ВОПРОС: ***Какие каналы получения информации по вопросам сексуальной жизни Вы считаете наиболее приемлемыми и эффективными?***

Обсуждение проблем сексуальной жизни со сверстниками	5,3%
Беседы с родителями	21,4%
Специальный учебный курс в школах, учебных заведениях	45,6%
Консультации у врачей-специалистов	22,2%
Специальная научно-популярная литература	42,5%
Специальные научно-популярные фильмы, специальная программа телевидения	28,7%
Личный опыт	5,9%
Другие способы	0,7%
Затрудняюсь ответить	6,2%
Просвещение молодежи в вопросах сексуальной жизни вообще не нужно	3,0%

ВОПРОС: ***Что, на Ваш взгляд, должно быть в настоящее время центральным вопросом в половом воспитании молодежи?***

Нравственная сторона ранних сексуальных отношений, воспитание чувства ответственности за свои поступки	59,5%
Средства и методы предупреждения беременности	17,2%
Средства и методы предупреждения венерических заболеваний	19,3%
Влияние добрачных сексуальных отношений на создание семей, на дальнейшую семейную жизнь	16,1%
Влияние ранней сексуальной жизни на собственное здоровье и здоровье будущих детей	16,2%
Влияние ранних сексуальных отношений на получение образования, приобретение профессии	4,4%
Другое	0,4%
Затрудняюсь ответить	12,5%
Половое воспитание вообще не нужно	2,1%

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Кормовое бобовое растение, медонос. 5. Первый скрипач оркестра. 9. Озеро на севере Италии. 11. Украинский музыкальный инструмент. 12. День недели. 13. Чилийский певец, автор и исполнитель революционных песен. 15. Раздел книги, статьи. 16. Бобовое растение. 17. Стихотворение В. В. Маяковского. 18. Один из Курильских островов. 19. Столица Ганы. 21. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 23. Река в Казахстане. 24. Неизменяемая часть речи, служебное слово. 25. Действующее лицо в балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 26. Орган управления войсками. 28. Система наук о явлениях и закономерностях природы. 29. Французский композитор XIX века.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Водоплавающая птица семейства утиных. 2. Опера С. В. Рахманинова. 3. Город в Ворошиловградской области. 4. Геометрическая фигура. 6. Литовский советский писатель. 7. Одноместный спортивный глиссер. 8. Нотная запись многоголосного музыкального произведения. 10. Публичное обсуждение спорного вопроса, проблемы. 13. Озеро в Приморском крае. 14. Река в Восточной Сибири. 20. Советский химик и биохимик, академик. 22. Советский искусственный спутник Земли для ретрансляции телевизионных программ. 26. Забавная, веселая проделка, острота. 27. Дикий североамериканский бык.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Ганимед. 8. Бакулев. 9. Прототип. 11. Каникулы. 12. Сектор. 13. Гагат. 16. Руль. 17. Бажан. 19. «Снегурочка». 20. «Думка». 22. Ааре. 23. Связь. 26. Миксер. 29. Биология. 30. Цинубель. 31. Попигай. 32. Амфибия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Платон. 2. Эребус. 3. Пилотка. 4. Дефис. 5. Самар. 6. Дудинка. 10. Петрография. 11. Конькобежец. 14. Амаду. 15. Тында. 17. Бекас. 18. Арбуз. 21. Коровин. 24. Везувий. 25. «Хорошо!». 26. Мимас. 27. Рифма. 28. Мениск.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

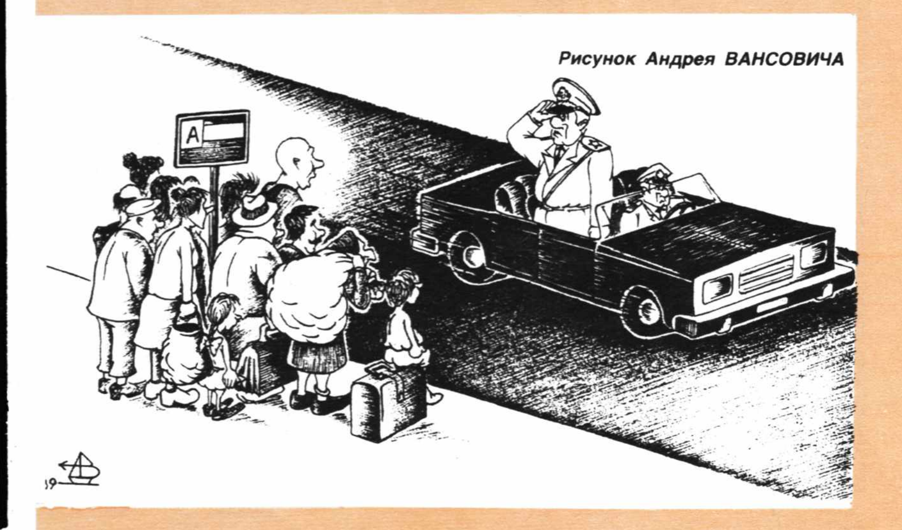

Рисунок Андрея ВАНСОВИЧА

СОВЕТСКО-БРИТАНСКАЯ ТВОРЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ —

УНИКАЛЬНЫЙ МОСТ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

— СООБЩЕСТВО ПЯТИ ИЗВЕСТНЫХ МИРУ ПАРТНЕРОВ:
ГОСКИНО СССР — ЖУРНАЛ «ОГОНЕК» — ОБЪЕДИНЕНИЕ «СОВРЕМЕННАЯ ОПЕРА» СОВМЕСТНО С ТЕЛЕКОМПАНИЕЙ «СЕНТРАЛ ИНДЕПЕНДЕНТ ТЕЛЕВИЖН» — «ЭС-КЬЮ-ПИ ЛИМИТЕД»

«АССОЦИАЦИЯ» ОКАЗЫВАЕТ ДЕЛОВУЮ ПОМОЩЬ:

— в осуществлении совместных проектов по производству телепрограмм и кинофильмов,
— обмене театральными постановками между СССР и Западом,
— предоставлении услуг зарубежным съемочным группам кино и телевидения,
— в издательской деятельности и деловых связях в сфере искусств.

The Association

Ассоциация

THE SOVIET-BRITISH CREATIVE ASSOCIATION,

A UNIQUE BRIDGE BETWEEN THE EAST AND WEST,

IS A UNION OF FIVE WORLD-KNOWN PARTNERS:
—GOSKINO USSR—"OGONYOK" MAGAZINE—THE MODERN OPERA ASSOCIATION JOINTLY WITH THE TELEVISION COMPANY "CENTRAL INDEPENDENT TELEVISION"—"SQP LIMITED"

THE ASSOCIATION RENDERS BUSINESS ASSISTANCE FOR:

—realizing joint projects on the production of programmes and movies,
—trading theatre productions between the USSR and the West,
—rendering services to Western movie and television crews,
—publishing activities and business contacts in the artistic sphere.

Госкино,
103877, Москва,
Малый Гнездниковский пер., 7.
Телефон: (07095)229 6901, 229 0574
Телекс: 411 417 KINO
Телефакс: 200 42 49

46 Charlotte Street
London W1P 1LX
Telephone: 01 637 4602
Telex: 291721 CENCHA
Fax: 01 580 7780

Goskino 103877
Malyi Gnezdnikovskyi pereulok-7
Telephone: (07095)229 6901
Telex: 411417 KINO SU

40 коп.
Индекс 70663